

Йогираджд Гамбхирнатх

Автор: Акшая Кумар Банерджи

YOGIRĀJ GAMBHIRNATH

Перевод Школы Йоги Натхов, 2024 год

Содержание

Содержание.....	2
Примечание издательства	3
Вступление.....	4
Глава 1. Первое появление в Горакхпур-матхе	24
Глава 2. Посвящение и подготовка к йога-садхане	26
Глава 3. По дороге в Банарас	32
Глава 4. Практика йоги в Банарасе и Праяге	35
Глава 5. Медитирующий странник	39
Глава 6. Практика глубокой медитации в Капилдхаре.....	42
Глава 7. Взгляд сквозь завесу (краткий обзор его садханы)	50
Глава 8. На стадии дживанмукты	61
Глава 9. Во главе монастыря	69
Глава 10. Популярная религия, примиренная с ведантическим знанием	78
Глава 11. Йогирадж как религиозный учитель.....	82
Учение Йогираджа Гамбхирнатха	92
Глава 12. Наставление ученикам.....	93
Глава 13. Последние годы в физическом теле	107

Примечание издательства

Мы пользуемся этой возможностью, чтобы выразить нашу благодарность людям, без чьей помощи книга не смогла бы быть представлена публике.

Искренняя благодарность выражается Директору Банерджи – автору, который подарил рукопись Храму Горакхнатха, и Маханту Дигбижойнатхджи Махараджу, который принял это предложение. Автор также внес второе по значимости достойное пожертвование на публикацию. Основное же бремя расходов взял на себя тот, кто предпочел остаться неизвестным. Третье пожертвование поступило от Шримана Рабиндра Натха Даса из Калькутты. Мы также выражаем благодарность Шри Р. К. Де Саркару и Шри Маниндре Чандре Мукерджи, оба из Калькутты, за добровольное и тщательное внесение корректур и за принятие всех мер для быстрой публикации.

Аведьянатх

Храм Горакхнатха

Горакхпур

16 июля 1954 г.

Вступление

Концепция Шивы как Верховного Бога и практика Йоги как высшего средства достижения совершенного единения с Ним развивались в Индии с доисторической эпохи, с незапамятных времен. Даже в эпоху так называемой цивилизации Инда, которая, по мнению современных историков, предшествовала эпохе Ведической цивилизации, этот культ Шивы и эта йога-система самодисциплины находились в достаточно продвинутом состоянии. Считается, что это определенно подтверждается реликвиями той ушедшей эпохи.

Цивилизации по своим внешним признакам растут, распадаются и умирают в соответствии с Божественным планом; но истина никогда не умирает. Шайва-Сампрадая и йога-садхана продолжают существовать и развиваться без перерыва по сей день.

С древнейших времен концепция Шивы ассоциировалась с идеями йоги, джняны и тьяги. О нем размышляют как о Йогешваре (Повелителе йогинов), Джнянишваре (Владыка джняни) и Тьягишваре (Владыке тьяги). О нем размышляют как о вечно совершенном идеале йога-садханы, поскольку он вечно находится в совершенном блаженном единении с самим собой, вечно свободен от всех желаний и страстей, вечно не затронут действиями и их последствиями. Он вечно стоит над всеми печалью и узами, вечно погружен в самадхи и вечно властвует над Праkritи без каких-либо усилий или сознательного самопожертвования. Он также воспринимается как вечный совершенный идеал джняна-садханы, поскольку Он вечно пребывает в сверхчувственном, сверхментальном, сверхинтеллектуальном состоянии, и вся Его природа вечно озарена совершенным самопознанием, совершенным Сознанием Истины. Он также олицетворяет собой совершенный идеал тьяги, или отречения, поскольку у него нет эго, нет чувства обладания, нет «Я» и «Мое», нет привязанности и отвращения, нет стремления к миру. Именно этот высший идеал почитают йогини, джняни и тьяги, или санньяси, в образе Шивы. Наиболее примечательной особенностью культа Шивы является то, что Верховный Господь воспринимается не в терминах экстраординарных сил и величия, не в терминах созидания и управления миром, не в терминах какого-либо аристократического величия, но в терминах высшего духовного идеала человеческой жизни. Он – Шива, благо, совершенное воплощение Жизни. Он – это совершенный мир и гармония, совершенное единство и красота, совершенная любовь и сладость, совершенное блаженство и спокойствие. Он в высшей степени равнодушен к мирским делам. Он вечно наслаждается абсолютной полнотой жизни внутри Себя. Он ничего не делает активно и добровольно. У него нет мотива что-либо делать. Но Он является вечным Источником вдохновения и надежды и силой для тех, кто стремится к духовной самореализации в жизни. Сама мысль о Нем пробуждает и активизирует духовное побуждение, дремлющее в человеческой природе, и ведет человека к высшему благу. Поэтому Он воспринимается как вечный Гурӯ (духовный наставник) для всех искателей высшей истины и добра. Он озаряет умы и сердца всех духовных искателей.

Это подразумевает, что Он делает умы и сердца Своих поклонников безразличными к относительным, конечным и преходящим благам их мирской жизни, делает их безразличными к своим домашним и общественным обязанностям, формирует в них довольно вызывающее отношение к строгим правилам и предписаниям нормальной общественной жизни, посвященной мирским перспективам, и ведет их к надмирскому духовному идеалу. Вдохновленные Им, люди чувствуют склонность отречься от мирской жизни, уходить в уединенные холмы, леса и места кремации, посвятить всю свою энергию систематической практике йоги и джняны, чтобы достичь

духовного совершенства жизни, которой Он наслаждается вечно. Поэтому ревностные поклонники Шивы обычно предпочитали жизнь санньяси жизни грихастхи, и таким образом, шиваизм привел к санньясизму и аскетизму.

Этот культ Шивы, по-видимому, не пришелся по вкусу ранним ведическим ариям. То, что называется ведической эпохой, было эпохой расширения и консолидации ведического общества. Это была великолепная творческая эпоха для ариев. Они были вдохновлены героическими и благородными идеалами мирской жизни. Они сформировали великолепную адхидайвическую концепцию вселенной, согласно которой все физические силы мира находились под управлением Дэвов – самосветящихся нравственных сил, управляющих всеми явлениями, включая даже судьбы людей, в соответствии с вечными нравственными законами (Рита). Они сформировали представления об этих Дэвах, этих правящих миром добродетельных сил, с точки зрения их сверхъестественной мощи, великолепия и внушающего благоговейный трепет величия, проявляющегося в покорении мировых сил зла и поддержании порядка, гармонии и эталона добра в этой разнообразной вселенной. У них была спланированная жизнь с хорошо кодифицированными правилами и предписаниями, и они изобрели соответствующие пути и средства для привлечения великих нравственных сил в свою пользу. Они представляли себе идеал рая на основе того, на что они надеялись в этом мире, как царство вечного счастья и бессмертной энергичной жизни.

Ведические мыслители были абсолютно убеждены в том, что реальное и постоянное счастье является плодом нравственной добродетели (дхармы), и что практика добродетели в реальной жизни включала в себя практику жертвоприношения – принесения в жертву текущих удовольствий ради высшего и более продолжительного удовольствия. Следовательно, жертвоприношение (ягья) было принято ими как принцип прогрессивной жизни. Они задумывали различные виды жертвоприношений, и они были связаны с различными видами ритуалов и религиозных обрядов. Вся социальная организация была основана на принципе жертвы, что практически означало взаимное служение, совершаемое в духе поклонения Богам, Божественным Силам, управляющими человеческими судьбами. Наряду с развитием и расширением общества происходило постепенное разделение услуг или социальных обязанностей. Результатом стало разделение общества на варны (классы) и ашрамы (ступени). Таким образом, общество было расширено и консолидировано на основе принципа жертвы, взаимного служения и нравственного возвышения в мирской жизни.

Поскольку это была эпоха созидания, расширения и консолидации арийского общества, дух отречения и медитации не слишком поощрялся и не получал должного признания и почтения. Величественные Боги созидания и регулирования, могущественные Боги, которые могли уничтожить силы беспорядка и установить гармонию и процветание в человеческом обществе, щедрые Боги, которые были склонны даровать земные блага своим поклонникам, были более восхваляемы и почитаемы выдающимися мыслителями общества, чем Бог отречения, медитации и духовного развития. Следовательно, в ведических мантрах и ведических жертвоприношениях Шива не занимал важного положения. Верховный Бог был задуман в терминах Высшей творческой Воли и могущества, а не в терминах Высшего духовного идеала человеческой жизни. Идеал Сварги (жизни в бесконечном счастье на Небесах) оказал большее влияние на умы людей, чем идеал мокши (освобождения от всех видов мирского рабства). Йога, джняна и тьяга

культивировались немногими исключительными людьми как тайная Видья для достижения Мокши или окончательного завершения жизни.

Культе Шивы и йога-видья продолжали безмолвно расширять свою духовную власть над умами лучших мыслителей и искателей истины ведического общества. Мы находим множество свидетельств этого в Упанишадах. Риши Упанишад потеряли веру в эффективность ритуалистической религии (карма-канда) ранних Вед как средства достижения совершенства в жизни. Обо всех Ведах и Веданте говорится как об апара-видье (низшем знании, не ведущем к истине). Пара-видья (истинное знание) — это *yaya tad aksharam adhigamyate* (посредством которого в совершенстве достигается Вечная Неизменная Реальность).

Эта пара-видья, очевидно, является йога-видьей, которая не может быть достигнута путем изучения Вед и Веданты. Приверженцев Веда-марги (пути ведических жертвоприношений) иногда осудительно называют «слепцами, ведомыми слепыми». Такое же отношение к древнему ведическому пути можно найти и в «Бхагавад-Гите».

В некоторых Упанишадах прямо говорится, что высшая Истина может быть достигнута только посредством санкхьи (джняны) и йоги. Говорят, что Высший источник всего сущего действительно можно увидеть с помощью дхьяна-йоги. Высшая Реальность описывается как *śantam śivam advaitam* — абсолютно спокойная, абсолютно благостная и абсолютно не имеющая различий. Сказано, что, когда больше ничего не существует — ни дня, ни ночи, ни сат, ни асат, — существует только Шива. В Упанишадах есть многочисленные ссылки, показывающие, что Шива, понимаемый ранними йогинами как высший духовный идеал человеческой жизни, был принят Риши Упанишад как Высшая Недвойственная Реальность и Абсолютная Основа всего сущего, и что йога-видья была признана ими средством достижения осознания единства с этим Высшим Духом. Высший идеал жизни отождествлялся ими с Высшим Творцом, а Творец понимался как неизменный, бездействующий, самосияющий, самореализованный Дух, то есть Шива. В Упанишадах обычно говорится об этом Высшем Духе как о Брахме (в среднем роде), что означает Величайший, Всевышний, а иногда и как о Шиве. Но совершенно очевидно, что идеал Шивы и его метод духовной дисциплины захватил лучшие умы ведического общества.

Постепенно было достигнуто примирение между Правритти-маргой (путем действия) Вед и Нивритти-маргой (путь отречения) школы Шивы. Шива был признан Махадевой (Верховным Божеством), Махешварой (Верховным Господом), Девадидевом (Первым Божеством из всех Божеств), Ишаной (Повелителем всего), Шанкарой (Творцом добра) и т.д. Мокша была принята как конечная цель жизни, а отречение, йога и джняна как прямые пути к этой цели. Но надлежащее выполнение домашних и общественных обязанностей в соответствии с предписаниями Вед считалось необходимым для очищения тела и ума и достижения пригодности для эзотерической йога-джняна садхане. Далее, Шива был представлен как муж Умы Хаймавати, которая была олицетворением Брахма-видьи в Кене Упанишаде, и которая открыла Брахму величайшим из Ведических Богов — Индре, Вайю и Агни. Ума также отождествлялась с Мула-Пракрити и Майя-Шакти и, таким образом, воспринималась как Мать Вселенной, самосознающая и самоизменяющаяся Материальная Причина космического порядка. Шива же, будучи вечно неизменным, бездействующим, самореализованным и наслаждающимся собой Духом, как муж Умы был представлен в образе Отца Вселенной, а также как верховный Учитель совершенного знания — дарующий божественный свет. Хотя мирские люди воспринимали его как Отца всех

созданий, действенную причину мира, – и поклонялись Ему, молясь об исполнении своих мирских желаний, искатели мокши (освобождения от мирского рабства) испытывали большее наслаждение, думая о Нем как о Разрушителе мира через дарование совершенного знания Его преданным.

Созидание состоит в разнообразии Единого, проявлении Единого во множестве; Сохранение состоит в поддержании гармонии и порядка среди многообразия, в то время как Разрушение заключается в объединении многообразия, восстановлении единства множества.

Процессы созидания и сохранения основаны на сокрытии трансцендентного единства Высшего Духа – Абсолютной Реальности. Искатели истины высшего порядка хотят избавиться от различий и соединиться с Единым. Это единение с Высшим Духом возможно только через совершенное знание, которое разрушает завесу и тем самым уничтожает разнообразие мира как реальности с их точки зрения. Следовательно, Бог Знания, который, в связи с этим является Богом Разрушения, является Высшим Возлюбленным искателей мокши - йогинов, санньяси, джняни. Соответственно, с утончением ума, сердца и интеллекта идеал Шивы естественным образом становится все более и более привлекательным. По мере того, как люди становились духовно мыслящими, Шива становился самым популярным Богом в Индии, хотя в своей мирской и общественной жизни они продолжали поклоняться Ведическим Богам для удовлетворения своих мирских потребностей и амбиций.

Нет сомнений в том, что шиваизм сыграл очень важную роль в либерализации, одухотворении и популяризации религиозного, морального и социального мировоззрения ведических ариев в пост-ведическую эпоху и в обеспечении духовного и культурного слияния различных рас, племен и кланов с ариями во всех частях света этого великого субконтинента. Шива, не связанный условностями ведических брахманических Богов, был легко доступен мужчинам, женщинам и детям всех классов, рас и племен. Ни один класс людей, ни одна часть Божьих творений, не были недостижимы для Шивы, Высшего Духа, Души всего сущего. Поклонение Шиве не требовало никаких сложных ритуалов, никаких труднодоступных мантр, никаких жертвоприношений, которые было бы нелегко достать, и, следовательно, посредничества каких-либо специалистов или жрецов. Богу Богов легче всего угодить, Он – Ашутоса. Более того, культ Шивы проповедовали йогини, яти, санньяси, бездомные нищие, которые, в отличие от учителей-брахманов Веда-марги, были свободны от мирских обязательств и свободно передвигались по всем частям страны, по равнинам и холмам и лесам, и общались со всеми видами людей без различия касты, расы или пола. Люди также были, естественно, очарованы их очень простым образом жизни, их свободой от мирских забот и тревог, их спокойным и радостным нравом в любых обстоятельствах, их способностью с улыбкой переносить всевозможные трудности, их свободой внешнего вида и поведения, чистотой характера, их неритуалистическими и неметафизическими простыми наставлениями для нравственного и духовного возвышения, нередко также их оккультными знаниями и силами, рожденными йогической культурой.

Поклонение символам (Линга-упасана или пратика-упасана) в той или иной форме становится неотъемлемой частью каждой религии. По мере того, как человеческий разум поднимается к все более высоким сферам Духа, все острее ощущается необходимость в символах (линга или пратика) для популяризации абстрактных концепций высших планов, для представления духовных идей в конкретных материальных формах перед умами низших планов, чтобы возвысить их до

высших. Символ был необходим для популяризации высокодуховной концепции Шивы и посвящения искателей истины в медитацию Высшего Духа. Поскольку концепция Шивы подразумевает совершенное самопознание, совершенное просветление всего существа, свет был принят как наиболее подходящий символ (линга) для Шивы. Поклонение Шиве означало поклонение Свету, в то время как поклонение природе (Пракрити), преклонение перед иллюзорными великолепными Силами мира и поиск мирского счастья в этой жизни или в жизни после смерти означали поклонение тьме (Андхам Тамас). Солнце и огонь иногда принимались за символы (линги) Шивы, поскольку они были источниками света в этом мире. Также принимался во внимание их жгучий характер, поскольку Шива означал сжигание камы (желания, жажды чувственных наслаждений, страстного стремления к мирским объектам). Устойчивое пламя света, рассеивающее тьму невежества и сжигающее все мирские желания и привязанности, было задумано как подходящий символ (линга) для Высшего Духа, который был описан как Парам-джьоти, Высший свет, единая спокойная и блаженная самосветящаяся Реальность. Такое пламя света поддерживалось горящим днем и ночью в местах поклонения Шиве, и верующие называли его Джйотир-линга или Акханда-джьоти. Чтобы придать устойчивую форму этому Джйотир-лингаму, установить его по всей стране и представить этот символ Шивы всем классам духовных искателей, был использован твердый камень. Ему была придана форма пламени света и он был установлен как Шива-лингам (символ Шивы).

В этой связи можно отметить, что в умах очень многих людей преобладает неправильное представление об общепринятом символе Шивы – лингаме. Для многих лингам символизирует мужской орган (шишна) и подразумевает форму фаллического поклонения. Особое применение слова лингам в этом смысле (в противоположность йони, означающему женский орган), а также форма пламени символа Шивы являются причиной этой путаницы. Некоторые полагают, что это символ творческой энергии, проявляющейся в природе. Это лишь несколько утонченное выражение того же самого неправильного представления. Некоторые мыслители прослеживают происхождение этого символа до Юпа-кастхи (жертвенного столба), используемого в яджне для привязывания животных для жертвоприношения. Эти мыслители также игнорируют тот факт, что Шивалингам был изобретен людьми, которые испытывали отвращение к ведической карма-канде и жертвоприношениям животных. Почитатели Шивы были сторонниками отречения, искателями духовного просветления, стремящимися к осознанию Высшего Духа в себе. Они не были поклонниками творческой воли или созидающей силы Бога. Для них созидание было рабством, а освобождение – идеалом. Все, что могло вызвать в сознании мысль о половом акте, вызывало у них отвращение. Их представление о Шиве было представлением о Кама-ари (разрушителе вожделения). Шива был Хозяином и Повелителем Пракрити, или творческой энергии вселенной, в том смысле, что Она была полностью под Его контролем, что Она Его ни в малейшей степени не привлекала и не влияла на Его действия. Он полностью превосходил Ее и ее мир, в то время как Она полностью зависела от Него в своих делах существования и самораскрытия. Отцовство по отношению к миру многообразия приписывалось Ему только потому, что Он был единственной самосущей, самосознающей реальностью и опорой, и просветителем Пракрити, материнской Силы. Иногда Его изображают сидящим в состоянии совершенного самадхи на йони-питхе, то есть на материнской силе, как на своем троне. Иногда материнская сила, Кали, изображается танцующей на Его груди в качестве Ее адхистханы (поддержки), в то время как Он лежит просто как шава (мертвое тело), то есть совершенно невозмутимый в своем безмятежном сознании Ее движениями. Иногда Его изображают наслаждающимся блаженством самадхи с материнской

силой, сияющей в какой-то части Его тела (Ардха-Нари-Ишвара). Все эти представления подчеркивают трансцендентный характер Шивы, стоящего над Пракрити, хотя и находящегося с Ней в контакте. Как детородный орган или жертвенный столб могут быть лингамом или символом такого Шивы? Как может что-либо, подразумевающее тенденцию к созданию или размножению видов, или к чувственному наслаждению, или к мирскому продвижению, быть выбрано духовными искателями этой школы в качестве Шива-лингама? Очевидно, что это было несовместимо с фундаментальной концепцией Шивы, а также с характером и мировоззрением древних основателей и лидеров школы религии и философии Шивы, принимать в качестве символа (линга) Шивы что-то, что могло иметь какое-либо сексуальное отношение или какую-либо отсылку к творческой деятельности Бога или Природы, или любую ссылку на какую-либо ритуальную практику жертвоприношения. Даже если в отдаленном прошлом существовал подобный символ, которому поклонялись простые люди, йогины, джняни, тьяги, поклоняющиеся Маха-Йогешваре Маха-Джнянешваре Маха-Тьягешваре Шиве, несомненно, осудили бы и отвергли его. Свет был общепризнанным символом Знания, и почитатели Шивы приняли его в качестве символа Шивы. Устойчивое, неугасимое пламя света (Анирвана-дипа) было помещено перед духовным искателем как Шивалингам (символ Высшего Духа), а также символ высшего духовного идеала человеческой жизни. С целью широкой проповеди этих взглядов йоги, джняны и тьяги, а также чтобы максимально приблизить Шиву к простым людям по всему миру, учителям пришла в голову идея придать камню форму пламени света и установить его как удобный символ Шивы. Такие каменные Шива-линги устанавливались повсеместно, куда бы эти йоги, эти отрешившиеся от мира Шива-санньяси, ни отправлялись и временно устраивались для своей садханы, на холмах и в лесах, в деревнях и городах, на местах кремации и берегах священных рек. Самые разные люди могли предлагать свое служение и культивировать свои религиозные чувства, руководствуясь вдохновляющей идеей о том, что перед ними присутствует Высший Дух. Таким образом, шиваизм распространился по всей стране.

Тришула (священный трезубец) уже давно признан еще одним символом Шивы и шиваизма. Считается, что это оружие, с помощью которого Шива убил Асура, обитавшего в трех пурях (домах). Асура представляет Эго, а три пury относятся к грубому телу, тонкому телу и причинному телу. Шива своим духовным оружием вайрагьи, джняны и самадхи разрушает три тела, убивает Эго, освобождает человеческое сознание от всех видов рабства и объединяет его с самим собой. Поклонение тришуде означает практику вайрагьи, джняны и самадхи. Пепел также используется шиваитами как символ, подразумевающий идеал разрушения или освобождения от всего многообразия мира. Таким образом шиваизм распространил идеалы тьяги, джняны и йоги в человеческом обществе.

Со временем в Индии возникло множество религиозных систем. Индия была страной исследований, направленных на открытие конечной истины о мироустройстве, высшего идеала человеческой жизни, самого простого и надежного метода самодисциплины для познания истины и реализации этого идеала, сил, скрытых в природе человека, а также путей и средств их активизации, гармонизации и объединения и так далее. Искатели истины и духовные искатели пользовались совершенной свободой для проведения своих исследований. В области религии и философии их свобода была ничем не ограничена, хотя в области общественной морали они могли руководствоваться принципами, принятыми обществом в целом. Благодаря этой свободе почва была плодородной для зарождения и развития различных школ философии и религии. В

большинстве случаев их объединяла общая приверженность ведическим принципам и их адаптация к требованиям общества, основанных на этих принципах. Таким образом, они были признаны ортодоксальными школами. Те, кто восстал против основополагающих принципов Вед, были определены как неортодоксальные. Даже во времена пришествия Будды и Махавиры существовало много таких систем философии и религии, и они развивались бок о бок. Йогическая культура была свободно принята почти всеми религиозными традициями, как ортодоксальными, так и неортодоксальными, как наиболее эффективное средство достижения господства над чувствами и умом, свободы от желаний и страстей и пригодности к духовному просветлению.

Существуют достаточные свидетельства того, что в ранние века шиваитские школы были самыми могущественными и широко распространенными среди всех религиозно-философских школ, которые преобладали в Индии. Отдельные школы имели ограниченные сферы влияния в определенных частях страны. Но шиваизм был распространен по всей стране и даже за пределами Индии. Многие великие мыслители и Йога-Сиддхи, Махапуруши процветали в лоне культа Шивы. Со временем шиваизм также разделился на несколько субтрадиций, возглавляемых прославленными Шайва-йогинами. В разных частях страны это принимало разные формы. Они отличались друг от друга внешними особенностями своих философских взглядов и религиозных практик.

Фундаментальные принципы, конечно, остались прежними. Вайшнава- или Бхагавата-культ, хотя и был достаточно древним, не приобрел такую известность вплоть до Средневековья, когда множество прославленных святых и учителей, родившихся в разных провинциях Индии, основали множество вайшнавских традиций под разными названиями на основе древних принципов и дали новую жизнь бхакти-садхане в этой стране. Школа шактов была ответвлением культа шайвов и она также приобрела известность в некоторых провинциях в средние века.

Горакхнатх или Горакшанатх был исключительно одаренным Шайва-Йогином, оказавшим беспрецедентное влияние на духовную атмосферу Индии и объединивший большое количество школ Шивы под своим руководством. Вероятно, в постбуддийскую эпоху, за исключением Ачарьи Шанкары, ни один другой религиозный учитель не мог господствовать над умами и сердцами всех слоев индийского общества во всех частях страны во все времена в такой степени, как это делал Йоги Гуру Горакхнатх. Шанкара дал новую жизнь индуизму в целом на основе бессмертных учений Упанишад, Бхагавад-Гиты и Веданта-даршаны Веда-Вьясы. Горакхнатх сделал то же самое на основе наиболее практичных духовных учений длинных линий преемственности Сиддха-Йогинов культа Шивы. Он также признавал авторитет Упанишад, Гиты и Веданты. Однако Шанкара, будучи преимущественно могущественным философом, находился в непосредственном контакте главным образом с идейными лидерами общества, которые передавали его учения на более низкие уровни общества. Горакхнатх же был могущественным Йоги, обладавшим сверхчеловеческими духовными способностями, и его влияние непосредственно ощущалось всеми слоями населения. Его почитали как истинное Воплощение Шивы, Высший Дух, вечного Гуру всех поколений духовных искателей и Бога всех Богов. Сампрадая, которую он организовал, объединив воедино различные подразделения Шайва-Йогинов известна как Натха-Йоги или Сиддха-Йоги Сампрадая. Это одна из самых живых религиозных организаций Индии даже в наше время. Те, кто интересуется йога-садханой, всегда обращаются за руководством к Сиддха-Йогинам этой традиции, в которой всегда есть йогины и джняни высшего уровня духовного просветления. У традиции есть свои культурные центры, монастыри, храмы, матхи и т.д. по всей огромной стране.

Также в этой сампрадае есть тысячи странствующих монахов, которые подают людям пример отречения и аскезы и высоко поднимают уровень духовности. Сампрадая имеет ряд ответвлений, называемых пантхами, и разные пантхи имеют разные сферы влияния и разные главные центры. Но все они поклоняются Горакхнатху как Воплощенному Шиве и как главному Гуру всех йогов, и их философские взгляды и религиозные принципы практически совпадают. Горакхпур – один из главных центров этой великой сампрадаи. Считается, что это было местом йога-садханы Горакхнатха в течение довольно длительного периода. Следовательно, это священное место паломничества для всех его последователей, а также для всех категорий духовных искателей.

Современные историки до сих пор не смогли установить время и место рождения Горакхнатха. Легенды о его замечательной жизни, чудесных деяниях и милосердных поступках распространены среди простых людей Тибета, Непала, Ассама, Бенгалии, Утар-Прадеша, Пенджаба, Махараштры, Гуджрата и почти всех других провинций Индии. Сампрадая располагает обширной литературой на санскрите, священном языке Индии, а также на многих местных провинциальных диалектах, таких как бенгали, хинди, пенджаби, маратхи, гуджрати и др. Большинство этих работ еще не были выпущены в печатном виде. Многие прославленные святые и религиозные учителя, популяризовавшие вайшнавизм в различных формах в Средние века, отзывались о Горакхнатхе и его Йога-Сампрадае в самых уважительных выражениях и иногда критиковали их доктрины и методы садханы. Некоторые из них еще в двенадцатом веке с гордостью заявляли о своем духовном происхождении от Горакхнатха. Даже в биографии Шанкары есть упоминание об этом великом Йоги. Существует предание, что Иисус Христос в период своего таинственного исчезновения пришел в Гималаи и брал уроки йоги и джняны у святого Натха-йоги. Ассоциация термина «Натх» с названиями многих старейших и наиболее знаменитых мест паломничества и их главных Божеств, возможно не лишена исторического значения, – например, Амарнатх, Кедарнатх, Бадринатх, Адинатх, Чандрнатх, Муктинатх и т.д., и т.п. Махайоги Матсьендранатх, Гуру Горакхнатха, традиционно отождествляется с Бодхисаттвой Авалокитешваром, который широко восхваляется в буддийских писаниях. Он также известен как один из величайших учителей тантрической садханы. Существуют различные факты и традиции, указывающие на относительную древность Натха-Йога сампрадаи, но все же нет неопровержимых исторических свидетельств, на которых можно было бы основывать какой-либо определенный вывод о времени и месте рождения Горакхнатха. Некоторые полагают, что его родной провинцией была Восточная Бенгалия, другие – Махараштра, а некоторые – Пенджаб и так далее. Он, по-видимому, был вездесущей личностью, оказывавшей свое духовное влияние на жителей разных провинций одновременно и на протяжении нескольких столетий. Ортодоксальные монахи его сампрадаи решили проблему, утверждая, что Горакхнатх, будучи Самим Шивой, не имел ни рождения, ни смерти, что он появляется в телесных формах всякий раз, когда он заботится о благе своих созданий, демонстрируя свою чудесную жизнь, наполненную садханой и сиддхи, проповедуя вечную истину и средства ее реализации. Во все юги Он появлялся в той или иной форме. Историки, однако, заинтересованы в реальной истории Горакхнатха, и поэтому их исследования, направленные на выяснение времени и места рождения такой выдающейся личности, должны продолжаться.

Санскритских трудов о культе Шивы и Йога-садхане множество, и в них всегда подчеркивалось, что эффективная садхана йоги и джняны для достижения абсолютной истины и покоя возможна только под непосредственным руководством компетентного Гуру, который сам достиг цели и

отождествился с Шивой. Считается, что оригинальные авторитетные трактаты были написаны самим Шивой. Они называются Шива-агамы. Эти Агамы одинаково священны как для шиваитов, так и для шактов. Предполагается, что они, по меньшей мере, такие же древние, как Веды. Самые ранние тексты едва ли доступны. Но непрерывность создания все новых и новых трактатов на основе более древних никогда не нарушалась. Многие из доступных сейчас текстов представлены в форме наставлений Шивы для Парвати. Многие другие важные труды приписываются просветленным учителям йоги древних времен, таким как Яджнавалкья, Гхеранда, Даттатрея и другим. Очень многие Упанишады представляют точку зрения шайвов и йога-садхану школы. Существуют трактаты, воплощающие учение Горакхнатха, Матсьендранатха и Гуру Адинатха. Существует множество работ прославленных учеников и последователей Горакхнатха. Гита, Йога-Васиштха и Патанджала-Йога-Даршана пользуются большим уважением в традиции.

Многие тексты связаны с именем Горакхнатха, и их авторство приписывается ему. По самим книгам очень трудно быть уверенным в авторах, как и в случае с ранними религиозными произведениями в целом. Горакх-Самхита, Горакх-Шатака, Горакх-Калпа, Горакх-Паддхати, Сиддханта-Паддхати, Сиддха-Сиддханта-Паддхати, Йога-Сиддханта-Паддхати, Джнянам-рита и множество других произведений приписываются Горакхнатху. Мы не можем быть уверены, что он сам написал все эти книги. Однако мы можем предположить, что они включают в себя учения великого мастера по йоге, джняне и различным методам нравственной и духовной самодисциплины. Сиддха-Сиддханта-Паддхати – это книга большого философского значения. Хатха-Йога-Прадипика авторства Сватмарамы Йогиндры Чинтамани – очень популярная и важная книга этой школы. Горакх-Сиддханта-Санграха, Сиддха-Сиддханта-Санграха и многие другие сборники были написаны компетентными йогинами в более поздние периоды для популяризации системы йоги, помимо комментариев к более древним бессмертным произведениям. Литература Горакхнатха на различных провинциальных диалектах также имела большое значение для популяризации учения Гуру среди людей всех слоев общества. Многие из этих поэтических произведений и музыкальных композиций представляют литературу страны в период, предшествующий расцвету вайшнавской литературы. Их до сих пор поют деревенские жители. Это показывает, насколько популярными были учения Шивы в раннем Средневековье.

В соответствии с учениями длинной линии преемственности просветленных Махайоги, Горакхнатх также проповедовал, что Шива – это Абсолютная Реальность. По его словам, так же, как и по словам всех учителей йоги, Шиву не следует воспринимать как одного великого Бога среди множества других, которые прославлялись в Ведах, Пуранах и Тантрах, и которым поклонялись хинду. Он – Высший Дух, Источник всего сущего, сокровенное Я всех существ, внутренний регулятор космического порядка, конечная цель сознательной жизни человека. Все конкретные Боги и Богини являются Его самопроявлениями, частичными самовыражениями Его бесконечной славы и ничем не отличны от Него. Он предстает под разными именами и формами. По сути, у Него нет никакого особого имени или особой формы, но все имена и формы принадлежат Ему, Он является Душой их всех. Упанишады и Ведантисты говорят о нем как о Брахмане. Он – Ишвара из Йога-Сутр Патанджали. Он есть Кришна-таттва, раскрытая в Гите и переживаемая вайшнавами на высшем уровне их духовного просветления. Он – Материнская Сила Вселенной, к которой шакты обращаются как к Кали, Дурге или под другими именами. Он является Высшим Объектом поклонения всех приверженцев всех религиозных течений, какие бы имена, формы или

концепции они ни принимали, чтобы сосредоточить на Нем свои умы и сердца, Он – Высшая Истина всего сущего.

Чувство различия — это авидья (невежество) и источник рабства и печали, осознание истинного духовного единства всего сущего — это истинная видья или джняна (знание), это мокша, или освобождение от всякого рабства и печалей, и это недостижимо без избавления от рабства конкретных имен, форм и концепций и переживания Единого Абсолютного Духа внутри души и Вселенной. Систематическая практика йоги под руководством эксперта необходима для того, чтобы получить благословение на этот опыт, потому что без очищения тела, чувств, нервной системы, ума, сердца и интеллекта, без приобретения контроля над ментальными и чувственными склонностями и страстями, без развития воли и силы для концентрации всей ментальной и интеллектуальной энергии на высшей Духовной Реальности, человеческое сознание не может достичь пригодности для этого глубочайшего переживания духовного единства всего сущего. Следовательно, йога — это путь к Высшему Знанию, которое означает осознание состояния Шивы. Такова фундаментальная точка зрения этой школы.

Согласно Горакхнатху и учителям Натха-Йоги, Шива – Абсолютный Дух – вечно обладает трансцендентным, а также динамическим аспектом. В Своем динамическом аспекте его обычно называют Шакти (Сила/Энергия). Эти два аспекта неотличны друг от друга. *śivasyābhyantare śakti śakterabhyantare śivaḥ* – Шакти пребывает в Шиве, и Шива пребывает в Шакти. Эти двое вечно тождественны друг другу. Абсолютный Дух как Бытие есть Шива, а как Становление – Шакти. В природе Абсолютного Духа нет реальной разницы. Он вечно единый совершенный самосуший, самосознающий, самореализовавшийся, наслаждающийся собой Дух. Его динамическая природа проявляется по отношению к безначальному и бесконечному космическому порядку и бесчисленным дживам (индивидуальным душам) внутри него. Он проявляет себя во всех формах множественности в пространственно-временном порядке, называемом Джагат (постоянно меняющаяся вселенная). Следовательно, они, по существу, ничем не отличаются от Него. В непрерывном акте своего самораскрытия в разнообразных конечных и изменяющихся формах во времени и пространстве Ему не требуется особой воли и усилий, потому что Его природа совершенно динамична и нет никакой сопротивляющейся силы, которую Он должен преодолевать. Его трансцендентный, самосветящийся, самонаслаждающийся характер соответственно никоим образом не затрагивается самовыражением Его бесконечной Шакти. Таким образом, Он вечно активен и вечно бездеятелен, вечно самораскрывающийся и вечно трансцендентный, вечно сагуна и вечно ниргуна, вечно Шакти и вечно Шива.

Характер Шакти – это паринама, то есть самоизменение, которое включает в себя причинно-следственную связь, изменение, созидание, поддержание и разрушение. Согласно учителям Йоги, Шакти проявляется главным образом в формах *saṁkōsa* (сворачивания) и *vikāśa* (развития) – сжатию и расширению, объединению и многообразию. Весь космический порядок состоит в постоянном развитии многообразий из единства и в сворачивании многообразий в единство. То, что вовлечено в причину, развивается через процесс причинности или творения, а то, что эволюционировало в формах следствий или созданных объектов, снова вовлекается в первопричину в процессе разрушения или растворения. Этот процесс созидания и разрушения, процесс разворачивания и сворачивания продолжается вечно во времени. Это самопроявление Шивы как Шакти.

В «Сиддха-Сиддханта-Паддхати», важном философском труде, приписываемом Горакхнатху, есть интересное изложение постепенного раскрытия Шакти, ведущего к созданию мира живых и неживых, сознательных и бессознательных, различных категорий конечных существ. Изложение начинается с концепции Абсолютного Единого Шивы, который является конечной основой и субстратом всего многообразия. Когда нет ни действия, ни действующего лица, ни причины, ни причинно-следственной связи, ни различия единства, ни объединения многообразий, когда Высший Дух абсолютно непроявлен и существует сам по себе, тогда Он единый безымянный (*anāma*), самосветящийся (*svaprakāśa*, *svayam-jyoti*), чистое Бытие. Это, феноменально говоря, состояние Махапралаяи, а метафизически – трансцендентный характер Шивы. Он обладает внутри Себя своей собственной Силой (Ниджа Шакти), которая имеет природу Чистой Бессодержательной Воли (*icchā - mātra-dharma*) и совершенно идентична Владельцу Воли (*dharmi*). Таким образом, на стадии до сотворения Шакти присутствует в абсолютном единении с Шивой. Сила, не имеющая никакого способа проявления, даже какого-либо едва уловимого импульса проявить себя, никоим образом не отличается от Безымянного. Она, будучи Волей, которая ничего не желает, Силой, которая ничего не делает, непознаваема как существующее в Духе, но все же Ее существование неоспоримо. Оно характеризуется пятью отрицательными (с отрицающей приставкой ni-) атрибутами, а именно: Вечность (*nityatā*), Незапятнанность (*nirāñjanatā*), Неподвижность (*niṣpandatā*), Неотражаемость (*nirābhāsatā*) и Неизменность (*nirutthānatā*).

На второй стадии внутри Силы возникает тонкий импульс или тенденция (*unmukhatā*) к раскрытию Себя, Воля становится характеризуемой внутренним стремлением реализовать Свой неопределенный потенциал. На этой стадии она называется Пара-Шакти (*parā-śakti*, Высшая Сила). Поскольку существует своего рода различие без различия между неизменным самосветящимся Духом и Его Силой, Шакти существует на этой стадии не как Шива, а в Шиве. Раскрытие Шакти в форме тенденции или динамического побуждения отличает ее от трансцендентного характера Шивы. Но в Шакти ещё нет настоящего движения или действия. Эта Пара-Шакти также обладает пятью качествами, а именно: Существование (*astitā*), Неизмеримость (*aprameyatā*), Недифференцированность (*abhinnatā*), Бесконечность (*anantatā*), Непроявленность (*avyaktatā*).

На третьей стадии происходит некоторое внутреннее движение, и вибрация (*spandana*) возникает в этой созидательной Воле. Тогда Сила характеризуется некоторой внутренней активностью, хотя и не какой-либо внешней трансформацией. Тогда это называется Апара-Шакти (*aparā-śakti*). Шакти на этой стадии более четко различима, хотя и неотделима от своего трансцендентного Я, или Господа Шивы. Ее пять качеств описываются как *sphuratā*, *sphuṭatā*, *sphāratā*, *sphoṭatā* и *sphūrtitā*. Эти качества подразумевают, что Шакти теперь движется и имеет основу для движения внутри Себя, что Она раскрывает Себя и демонстрирует силу самораскрытия в своем собственном характере, что она полна энтузиазма раскрывать и наслаждаться всем, что потенциально существует в ее природе. Шива, как единственный владделец, просветитель, провидец, наслаждающийся и самость этой активной Воли, выглядит чем-то вроде активного деятеля, хотя на самом деле он превосходит все виды действий.

На четвертой стадии в этой тонко активной Воле Шивы развивается сознание Эго или Самости (*ahantā*), и Шакти тогда называется Сукшма-Шакти (*sūkṣmā-śakti*). Шива, как наделенный этой Сукшма-Шакти, проявляется как побуждающийся в осознании того, что он является

единственным Творческим Духовным Существом, личностью, обладающей бесконечной способностью проявлять Себя в различных формах существования. До сих пор Шива был как бы чистым Сверхличностным Духом, а теперь Он становится Личностным Богом. Но даже на этой стадии он не осознает ни Себя, ни Свою Шакти как имеющих какую-либо дифференциацию на части (*amśa*), или как проявляющих какие-либо временные или пространственные различия (*antara*) в своём существовании, или как совершающих какое-либо действительное движение или самотрансформацию (*calatā*), или как обладающих любым сомнением или неопределенностью (*aniścayatā*) в Его сознании или любом процессе познания, включающем различение субъекта и объекта, я и не-я, души и тела (*vikalpa*). Соответственно, Шакти описывается как обладающая качествами *niraṃśatā*, *nirantarātā*, *niścalatā*, *niścayatā* и *nirvikalpatā*. Сила теперь воспринимается Шивой как Его воплощение, но тело полностью духовно и, следовательно, отождествляется с Ним Самим. Шива, даже применительно к этой стадии Шакти, является совершенно спокойной и умиротворенной, самосветящейся и самонаслаждающейся Божественной Личностью.

На пятой стадии Шакти отчетливо становится знающей, чувствующей и желающей силой (*vedana-sīlā prakṛti*) и тогда она известна как Кундалини-Шакти, сознательно связанная с Шивой. На этой стадии самоэволюции Шакти предстает Совершенной (*pūrṇatā*), Всемогущей (*prabalatā*), Самотрансформирующейся (*proccalatā*), Движущейся к созиданию или саморазнообразию (*pratyāñmukhatā*) и Отражающей в различных формах бесконечную природу Шивы (*pratibimbatā*). Вся вселенная, которая называется Космическим Телом Шивы (Пара-пинда, *parapiṇḍa*), со всем разнообразием, которое должно развиться из Шакти во времени и пространстве, идеально проявляется в динамической природе Кундалини Шакти и освещается Сверхсознанием Шивы. На этом стадии Шива обитает в идеальной вселенной и начинает, так сказать, осознавать Себя как Субстанцию, Душу и Владыку этой космической системы.

Таким образом, Горакхнатх прослеживает постепенное самораскрытие бесконечной и вечной динамической природы Абсолютного Духа, Шивы. Поскольку Шакти таким образом феноменально проявляется, Шива, по-видимому, приобретает все новые и новые атрибуты, все более и более прославленное существование по отношению к этим проявлениям. Именно посредством дальнейшего саморазвертывания, саморазнообразия и самообъективизации Его Шакти (*śakti-cakra krameṇa*) создается Космическое Тело (Махасакара-пинда, *mahāsākāra-piṇḍa*) Шивы. В связи с вышеупомянутыми пятью этапами внутреннего самораскрытия Шакти и в соответствии с ними о Шиве говорят как об *aparāmpara*, *paramapada*, *śūnya*, *nirañjana* и *paramātmā* соответственно. Этот процесс представляет собой постепенное нисхождение Божественного Сверхсознания во все более и более проявленные формы Его динамической природы. Это можно рассматривать, с одной стороны, как постепенное сокрытие, самообусловливание и самоограничение бесконечного, вечного, абсолютного, надличностного духовного характера Шивы, а с другой стороны, как постепенное саморасширение, самовосхваление и самоудовлетворение Его через раскрытие силы, которая вечно присуща Его природе.

Из Кундалини Шакти развивается Махакаша (Великое Пространство, *mahākāśa*), из Махакашы – Махавайю (Великий Воздух, *mahāvāyu*), от Махавайю – Махатеджас (Великий Огонь, *mahātejas*), оттуда – Махасалила (Великая Вода, *mahāsālila*), а оттуда – Махапритхви (Великая Земля, *mahāpṛthvī*). Таким образом, Парапинда, которая также называется Адья- и Анади-пинда, раскрывается в Махасакара-пинду, Великое Тело, имеющее космическую материальную форму.

Именно из этого Космического Тела и внутри него развиваются бесчисленные категории индивидуальных тел (Вьяшти-пинда). Все они живут, движутся и обретают свое бытие и становление в Космическом Телe Шивы. Шива — это Внутренний Дух, сокровенная Душа, вдохновляющий и контролирующий Господь каждого отдельного тела. То, что называется индивидуальными душами (дживатмами), является сознательными самопроявлениями Шивы в индивидуальных психофизических телах, и они феноменально обусловлены характеристиками и ограничениями этих тел. Это Единая Высшая Вселенская Душа, которая проявляет Себя в виде бесчисленных индивидуальных душ, обитающих в различных категориях тел и осуществляющих владение ими. Все индивидуальные существа пронизаны бытием, силой, жизненной энергией и сознанием Шивы.

Полностью развитый психофизиологический организм человека является кульминацией хода естественной эволюции в космическом теле Шивы. Именно в таком индивидуальном теле (Вьяшти-пинда), отчетливо отражается все Космическое тело (Самашти-пинда, Брахманда), и обладающая самосознанием индивидуальная душа, обусловленная таким организмом, способна познавать, переживать и наслаждаться всей Вселенной внутри этого тела посредством надлежащей самодисциплины. Микрокосм является воплощением макрокосма и может быть реализован как таковой. Когда это осознано, тогда можно сказать, что достигнуто истинное знание тела (*piṇḍa-saṃvitti*). Примечательной особенностью философии и учения Горакхнатха является то, что не только индивидуальная душа должна быть осознана как тождественная Вселенской Душе или Высшему Духу, но и индивидуальное тело также должно быть осознано как тождественное Космическому Телу Духа. Когда чувство различия (порожденное невежеством) между индивидуальным телом и Космическим Телом, а также между индивидуальной душой и Вселенской Душой исчезает, и повсюду ощущается один и тот же Шива со Своей Шакти, происходит то, что называется Самараса-карана, то есть осознание совершенной гармонии, единства и красоты всего сущего.

Когда искатель истины поднимается на высший уровень духовного опыта, он достигает совершенного знания о Самарасье (духовном единстве всех существований). Он превосходит различие между материей (*jaḍa*) и духом (*cit*), телом (*deha, piṇḍa*) и душой (*ātma, pada*), конечным (*sānta*) и бесконечным (*ananta*), преходящим (*anitya*) и вечным (*nitya*), изменчивым (*pariṇāmi*) и неизменяемым (*aparīṇāmi*), множественностью (*bahutva*) и единством (*ekatva*). Он видит Дух в материи, Душу в теле, Бесконечное в конечном, Вечное Неизменное единое во всей временно изменяющейся относительной множественности. Он даже выходит за рамки моральных различий между правильным и неправильным, добром и злом, добродетелью и пороком. Он видит все как хорошее и прекрасное, как то, чем оно должно быть, будучи формой самовыражения совершенно хорошего и прекрасного Его. Он пребывает над планами индивидуализма, коммунизма, национализма и даже интернационализма. Он не принадлежит ни к варне, ни к ашраму, ни к сампрадае, ни к джати. В нем не может быть никаких сектантских предубеждений. Он живет, движется и пребывает в Высшем Духе, Шиве, которого он видит проявленным в себе и во всех объектах своего феноменального опыта. В своей обычной жизни он предстает как воплощение всеобщей любви, симпатии и сострадания, совершенно спокойным, умиротворенным и милым, совершенно свободным от всех забот и тревог, печалей и уныния при любых внешних обстоятельствах. Жизнь и смерть, честь и оскорбление, богатая одежда и нагота, весна, лето и зима — все это для него одинаково. Его гармония с природой совершенна. Его можно считать

покорителем природы или человеком, находящимся в совершенном супружеском союзе с природой. Он по-настоящему наслаждается миром.

В трактатах Горакхнатха и всех учителей йоги такой совершенно просветленный человек называется Авадхутый. О нем также говорят как о Натхе. Его описывают как Махаджняни, Махайоги, Махасиддху. Он отождествляется с Шивой. Он – Шива и человек одновременно, он – Шива, реализованный в человеческом теле. Именно такие люди, человеческие существа, осознающие в себе природу Шивы, действуют как Гуру в человеческом обществе. Они являются живыми воплощениями духовного идеала, который человек может реализовать посредством систематических усилий и для реализации которого человек рожден. Шива проявляет Себя как Гуру в них и через них, и Сиддхи зависят главным образом от Его Милости.

Систематический курс физической, витальной, психической, интеллектуальной, моральной и духовной дисциплины, который необходим для реализации высшего идеала, достижения стадии Авадхуты и одухотворения всего мировоззрения и существования называется йогой. Уже отмечалось, что никто не смог исторически установить, сколько лет системе йоги в Индии. Наука и искусство йоги были популярны в Индии с доисторических времен. Йога-Сутры Махариши Патанджали, пожалуй, являются самым ранним систематическим трактатом о науке, искусстве и философии йоги, который доступен сейчас. Но нет никаких сомнений в том факте, что йогу практиковали и преподавали задолго до времен Патанджали. Существует множество других трактатов по йоге, как относительно старых, так и недавних. Система йоги основана на удивительно глубоком знании поразительно сложного физического и психического организма человека, различных уровней человеческого сознания, а также моральной, социальной и духовной природы человека. Она открыла средства для воплощения всей сложной природы человека под полным контролем его просветленной воли, возвысив ее над подчинением общеизвестным физическим и биологическим законам, гармонизировав и объединив все ее аспекты под управлением одного высшего динамического идеала и практически одухотворив и просветлив всю природу – это раскрывает секрет возвышения дживы до состояния Шивы.

Горакхнатх и его школа приняли систему йоги, которую практиковали и преподавали древние Махайоги, и внесли в нее большой вклад. Они написали много книг об этой системе. Они привнесли в нее много тантрических элементов, которых нет в учениях более древних мастеров. Они значительно развили аспекты системы Хатха-йоги, и Мантра-йоги и проявили многие потенциальные силы, скрытые в природе человека, придав им кинетический характер. Они стали особенно известны среди простых людей благодаря своим сверхчеловеческим и сверхъестественным способностям, а также своему духовному просветлению и совершенной, спокойной жизни.

Наука и искусство Хатха-йоги были чрезвычайно развиты Горакхнатхом и его последователями. Поэтому его сампрадая широко известна как Хатха-йога Сампрадая. Хатха-йога в основном состоит в хорошо спланированном курсе психофизиологической дисциплины для достижения совершенного господства над физическим телом, нервной системой, органами чувств, жизненными силами, психическими тенденциями и инстинктами. Эта дисциплина для овладения собой практикуется на разных этапах развития различных способностей, таких как способность видеть прошлые и будущие события, воспринимать очень отдаленные и очень тонкие вещи, читать мысли других людей, входить в другие, одновременно принимать многие тела,

перемещаться в отдаленные места простым усилием воли в мгновение ока, превращать одну материальную вещь в другую, гипнотизировать людей, совершать чудесные деяния и так далее и тому подобное. Это называется сиддхи или сверхъестественные силы. Различные виды тонких звуков слышны внутри тела, когда ум отвлечен от внешних объектов. Многие йогины этой школы продемонстрировали такие способности в своей жизни и доказали истинность утверждений Йога-Шастр. Но все авторитетные трактаты по Хатха-йоге, а также все Гуру этой традиции неоднократно заявляли, что Хатха-йогу никогда не следует практиковать только или главным образом для достижения этих мистических сил, и что ее всегда следует практиковать как предварительный курс к Раджа-йоге. Силы, которые развиваются с помощью Хатха-йоги, всегда следует держать под контролем и обычно скрывать от посторонних глаз. Контроль над йогическими силами требует большой силы самоконтроля. Все приобретенные силы должны быть сохранены и сосредоточены на осознании Высшего Духа и достижении состояния Авадхуты или Натха. Хатха-Йога-Прадипика начинается со слов предостережения – *kevalam rāja-yogāya haṭha-vidyā upadiśyate* – Хатха-видья будет преподаваться только ради Раджа-йоги, которая предназначена для совершенного духовного просветления всего существа человека посредством наиболее интенсивной практики йоги: глубочайшего размышления, концентрации, медитации и самадхи на трансцендентном и всепроникающем характере Шивы, Абсолютного Духа.

С незапамятных времен йога излагалась как состоящая из восьми основных методов, органично связанных друг с другом таким образом, чтобы составлять единую систему, и поэтому известна как аштангика-марга (единый путь с восемью ответвлениями). Существует восемь методов: яма, нияма, асана, пранаяма, пратьяхара, дхарана, дхьяна, самадхи. Яма и нияма — это универсальные кодексы морального поведения, которым должны следовать все, независимо от того, встают они на путь йоги или нет. Школа Натха-йоги, хотя и подчеркивает их абсолютную необходимость в качестве предварительной дисциплины для практики йоги, не всегда признает их ее существенными составляющими. Соответственно, о йоге как таковой говорится как о шаданге (имеющей шесть ответвлений). Патанджали перечисляет пять форм ямы и пять форм ниямы, в то время как учителя Натха-йоги перечисляют по десять форм каждой из них. Десять форм ямы таковы: ахимса (ненасилие), сатья (правдивость), астея (отказ от воровства), брахмачарья (контроль над сексуальными наклонностями), кшама (прощение), дхрити (терпение), дайя (сострадание), арджавя (простота), митахара (регулируемая диета) и шауча (чистота). Каждое из них должно практиковаться в уме, речи и действии – во внешнем поведении, а также в мыслях, чувствах и воле. Десять форм ниямы таковы: тапас (аскеза), сантоша (удовлетворенность), астикья (вера), дана (благотворительность), Ишвара-пуджана (поклонение Богу), Сиддханта-шравана (слушание духовных истин от надежных учителей), хри (скромность), мати (размышление), джапа (длительное повторение Божественного имени), хута (жертвование, подношение предметов Богам). Все это следует тщательно практиковать для возвышения характера, облагораживания поведения, утончения мыслей, чувств и желаний, приобретения самоконтроля и уверенности в себе, а также достижения физической и умственной подготовленности к высшей йогической культуре. Яма и нияма должны посредством постоянной практики превратиться в естественную природу каждого духовного искателя. Ими не следует пренебрегать даже на высших стадиях йоги. Известно, что многие серьезные искатели пали с высших уровней йогических достижений на самую низкую ступень нравственной и духовной деградации из-за своего пренебрежения ямой и ниямой. Их следует помнить как *sarvābhauma-mahāvratā* – великие дисциплины, необходимые на всех уровнях жизненного прогресса.

Патанджали, интересующийся главным образом дхараной, дхьяной и самадхи, очень кратко остановился на асане и пранаяме. Трактаты Натха-йогинов содержат подробные инструкции по различным видам асан и пранаямы, а также учат различным формам мудр, бандх, ведх, а также крия-йоге. Не все они, по существу, необходимы для восхождения на высшие планы духовного просветления и достижения единения с Шивой. Но они обладают особой эффективностью для пробуждения и развития великих сил, скрытых в человеке. Практикуя их, человек может взять все органы тела, как внешние, так и внутренние, под свой совершенный контроль, может превратить мышцы и конечности, которые действуют произвольно, в действующие по его воле, может приобрести различные виды сверхъестественных способностей и сверхнормальных знаний. Он может стать хозяином многих природных сил, работ которых он обычно считает себя. Эти процессы также оказывают большую помощь в практике глубочайшей концентрации всей ментальной энергии на Высшей Истине и поглощении Ею всего сознания.

Здесь нет места, чтобы дать хотя бы малейшее представление об этих сложных процессах контроля тела и разума, контроля природы и пробуждения силы, на которых специализировались йогины сампрадаи Горакхнатха и в отношении которых они внесли наиболее ценный вклад в индийскую культуру. Серьезные студенты могут составить представление о них из изучения книг, посвященных им, и могут быть удивлены, обнаружив, какие невообразимые способности скрыты в человеке и какие сокровища, неисследованные современной наукой и психологией, остаются неизвестными в его природе. Но практика этих процессов без руководства специалиста, просто опираясь на книжные знания, таит в себе опасности и может не принести желаемых плодов. Хатха-видья сохраняется учителями как гупта-видья (тайное знание) и должна изучаться достойными учениками у компетентных Гуру. Систематически практикуемая Хатха-йога, может коренным образом изменить всю природу человека и дать ему возможность осознать, что он может быть совершенным хозяином природы в истинном смысле этого слова.

Обретя достаточную силу для осуществления контроля над телесной системой, жизненно важными органами, чувственными влечениями, ментальными склонностями, интеллектуальным любопытством и сомнениями, духовный искатель должен практиковать все глубже и глубже концентрацию с целью совершенного просветления сознания. Пратьяхара, дхарана, дхьяна и самадхи — это прогрессивные стадии концентрации. Пратьяхара — это процесс отвлечения внимания от всех видов отвлекающих объектов, будь то внешние или внутренние, будь то объекты чувственного восприятия или объекты ментальных мыслей, желаний и эмоций, включая даже объекты йогического знания и сил, которые также создают препятствия на пути концентрации. Это требует неукротимой силы воли, духа борьбы с обычной природой, а также огромного терпения и настойчивости. Наряду с непрерывными усилиями по пратьяхаре следует практиковать дхарану, которая представляет собой позитивный процесс фиксации внимания на каком-то определенном объекте — выбранном звуке или мантре, или видимой вещи, символе или образе, или ментальной концепции, или идее пустоты или неподвижности, или же на спокойном и умиротворяющем состоянии сознания или каком-то субъективном представлении о Высшем Идеале. С прогрессом в пратьяхаре и дхаране, выбираемый для дхараны объект, должен становиться всё более и более утонченным и духовным, а для пратьяхары должно быть все меньше и меньше сознательных усилий. Когда пратьяхара становится легкой, а дхарана — устойчивой и утонченной, когда сознание становится относительно свободным от отвлекающих тенденций и учится оставаться сосредоточенным на Истине, дхарана развивается в дхьяну. По

мере развития способности к дхьяне, или глубокой медитации, йога-садхака должен быть особенно осторожен, чтобы освободить свое сознание от всех предвзятых представлений о Высшей Истине, от всех сектантских предубеждений; он должен знать, что Высшая Истина не является объектом интеллектуальных спекуляций или размышлений, что она находится выше или за мыслью и речью, что она самораскрывается и скрыта в самой сокровенной глубине его сознания, что это Душа его эмпирического сознания, а не его объект. Сознание, ставшее благодаря предыдущим практикам совершенно чистым, спокойным и устойчивым, должно открыться Истине, чтобы быть озаренным Ее Божественным Светом. По мере того как искренний и ревностный искатель истины продвигается в своей практике благодаря глубокой концентрации и медитации с непредвзятым и непривязанным умом, двери внутренних покоев сознания, которые остаются закрытыми для обычного ума, открываются перед ним, он получает опыт все более глубоких тайн человеческого сознания, его духовный и блаженный характер становится все более и более очевидным, его эмпирическое сознание постепенно освещается трансцендентным сознанием и объединяется с ним, а обычное сознание возвышается до состояния сверхсознания.

Это состояние сверхсознания, состояние единения эмпирического сознания с бесконечным, вечным, неизменным Трансцендентным Сознанием, или то, что можно назвать единением ума с Душой, или дживатмы с Параматмой, или дживы с Шивой, известно как состояние самадхи. Самадхи — это не статичное состояние, не состояние бессознательности, не состояние, похожее на крепкий сон или обморок, каким оно кажется внешне. Это самое спокойное и умиротворенное состояние сознания, и в то же время самое динамичное, самое просветленное, самое радостное. Это состояние совершенной активности, а также совершенного покоя или отсутствия усилий, состояние совершенной радости, а также совершенного отсутствия эмоций, состояние совершенного знания, вместе с тем состояние без какого-либо процесса познания, без какого-либо различия между субъектом и объектом. Это состояние, в котором йогин наслаждается блаженством бессмертия в смертном теле, переживает бесконечность и вечность в конечном и изменяющемся теле. Он становится единым с Шивой. Знание и сила, которые так долго были скрыты в нем как в личности, полностью раскрываются и объединяются. Когда достигается это состояние самадхи, оно не сразу становится стабильным и совершенным. Эмпирическое сознание снова и снова отделяется от Трансцендентного Сознания, мирские силы влекут его наружу и вниз, подавленные тенденции ума стремятся самоутвердиться. Длительная практика необходима для стабилизации и совершенствования состояния самадхи, а также для озарения внешних слоев сознания Божественным Светом, переживаемым в этом состоянии. До тех пор, пока интеллектуальный, ментальный, витальный и физический планы эмпирического сознания йогина не просветлены самадхиджа-праджней (мудростью, рожденной из состояния самадхи), нельзя сказать, что он достиг совершенства. Все его существо должно быть одухотворено. Это требует длительной практики. Самадхи также имеет различные стадии, через которые необходимо пройти для достижения совершенства.

Среди различных форм эзотерической йога-садханы, преподаваемых Горакхнатхом и учителями Натха-йоги, особое значение придается чакра-бхеде и нада-анусандхане. Из них чакра-бхеда (пронизывание чакр внутри тела) слишком технична, чтобы непосвященный мог даже составить о ней представление. Проще говоря, чакры можно назвать главными нервными центрами в спинном мозге, в которых находятся тонкие лотосоподобные колеса. От нижнего основания позвоночника до основания головного мозга обычно насчитывается шесть таких чакр. Это число

иногда варьируется. Над ними всеми, в мозговом центре, находится высшая чакра, имеющая природу колеса с тысячей спиц (сахасрара) или тысячелепесткового лотоса. Все эти чакры и падмы понимаются как соответствующие планам эмпирического сознания, а также жизненной энергии. Посредством соответствующих йогических методов жизненная энергия, а также эмпирическое сознание должны проникнуть через все шесть чакр, развернуть вверх обычно обращенные вниз грани лепестков лотоса, неуклонно поднимаясь на все более высокие планы и стягивая оковы низших планов, пока достигается самый высокий из них (сахасрара), – план совершенного просветления, совершенной силы и совершенного блаженства. Сила, которая была свернута в Кундалини-Шакти на низшем плане муладхара-чакры постепенно становится развернутой, динамичной и самораскрывающейся на высших планах Шакти, где она совершенно свободна и реализуется как пребывающая в самых блаженных объятиях с Шивой. Таким образом, высшая чакра является высшим идеальным планом эмпирического сознания, на котором сознание поднимается до состояния сверхсознания и наслаждается внутри себя абсолютным союзом Шива-Шакти – единством Высшей Силы с Высшим Духом. Когда благодаря постоянной практике сознание на обычных планах также (т.е. в нижних чакрах) озаряется трансцендентным переживанием сверхсознательного состояния, все мировоззрение трансформируется и одухотворяется, и союз Шива-Шакти переживается в каждом явлении космического порядка.

Наданусандхана — это сравнительно более простой процесс йоги. Это предписано для большинства садхак. Монотонный звук Ом (Пранава) универсально признан во всех системах садханы в Индии как не имеющий аналогов звуковой символ или имя Высшего Духа, какими бы другими именами он ни обозначался в различных системах. Ом рассматривается как Первый звук, единый недифференцированный Звук, источник всех остальных звуков и слов, источник Вед. Она воспринимается как музыка сердца Вселенной, а также как музыка сердца человека. Это Анахата-нада, то есть это звук, который не возникает ни от какого-то удара, ни от какого-либо трения и не делится на части. Это единое целое. Итак, если духовному искателю необходим какой-либо объективный символ для обозначения Абсолютной Реальности, а обычно считается, что он необходим – этот звук Ом является наиболее подходящим символом. Учителя йоги советуют садхаке принять этот элементарный звук и все глубже и глубже концентрировать свое внимание на его внутренней сути (*anusamdhāna*). Это будет включать в себя процесс пратьяхары, то есть отвлечение чувств и ума от всех других звуков и объектов чувств и ума, а также процесс дхараны, как устойчивой фиксации сознания на монотонном звуке как показателе Высшего Духа. Гласная, которая необходима только для начала звука, должна постепенно опускаться, и внимание должно быть сосредоточено исключительно на непрерывном носовом звуке. Внимание должно быть отвлечено от внешнего внутрь, и звук должен быть услышан внутри. Внутри тела также слышны различного рода таинственные звуки; они приятны и притягательны, но их следует превзойти. Постепенно звук должен становиться все тоньше и тоньше, все более и более поглощающим и отождествляемым с сознанием. В итоге звук и сознание должны стать единым целым, и в блаженном сознании не должно быть различия между субъектом и объектом. После этого сознание должно неуклонно подниматься на уровень сверхсознания и становиться единым с Шивой, Высшим Духом.

Горакхнатх и прославленные святые его сампрадаи, внося значительный вклад в йога-садхану и джняна-садхану этой святой земли на протяжении многих веков, никогда не смотрели свысока на популярные в обществе бхакти-садхану и карма-садхану. Они никогда не осуждали религиозное и

церемониальное поклонение Богам и Богиням, божественным аватарам и обоженных святым и героям. Они никогда не отзывались пренебрежительно о благородных и благочестивых поступках и общественно полезных работах. Но они проявляли свое духовное влияние в развитии духовного мировоззрения людей в целом и в обучении их выполнять все формы богослужения, подразумевая высший духовный идеал. Они наставляли верующих видеть одного и того же Всевышнего Духа (Параматму) во всех Богах и Богинях, во всех аватарах, святых и героях, во всех изображениях и символах. Они учили преданных помнить, что один и тот же безымянный и бесформенный, бесконечный и вечный, Абсолютный Дух принимает ограниченные и определенные имена и формы, чтобы быть легко понятным ограниченному и несовершенному человеческому уму, привлекать их и вызывать их восхищение и почтение посредством разнообразных проявлений Божественной славы в этих конкретных самовыражениях Самого Себя и через них. Он хочет, чтобы они очистили, просветили и одухотворили себя посредством поклонения этим Божественным воплощениям и достигли готовности для восхождения на план его трансцендентной природы. Сформировать привычку видеть Единый Дух как Душу всех этих имен и форм, по их мнению, наиболее важно для духовного просветления и освобождения от рабства. Действия также имеют великую духовную ценность, если они совершаются с искренним и ревностным духом поклонения Верховному Господу, пребывающему как Душа во всех людях и всех живых существах. Практика ямы и ниямы, конечно же, необходима всем трудящимся и верующим. Они не проповедуют, что монашеская жизнь неизбежно необходима для достижения духовного совершенства. На самом деле, во все века среди домохозяев было много йогов высочайшего уровня. Внутреннее отречение гораздо более существенно, чем внешнее. Непривязанность к мирским вещам и искреннее стремление к духовному идеалу, будь то в семейной жизни или в жизни в лесу, являются основными необходимыми условиями.

Здесь была предпринята скромная попытка дать общее представление о философии и религии Горакхнатха и его сампрадаи в качестве введения к краткой биографии Йогираджа Гамбхирнатха, который пользовался всеобщим уважением как совершенный представитель садханы и сиддх этой сампрадаи в современную эпоху. Пройдя длительный курс систематической йога-садханы, он достиг высочайшей вершины йоги и джняны и достиг высшего состояния Авадхуты, и в более поздний период своего физического существования жил удивительно обычной жизнью, полной всеобщей любви и служения. Многие из святых его времени, обладавших глубоким проникновением во внутреннюю природу Махайогина, свидетельствовали, что йогические силы, которые он приобрел, были безграничны, что его йогические знания были всеобъемлющи, что внутренне он достиг совершенного господства как над собой, так и над силами природы, находился в непрерывном общении с Абсолютным Духом и был воплощением Шивы в человеческом облике. Но в своей практической жизни он держал свои сверхъестественные силы и знания под таким совершенным контролем, что они редко находили какое-либо внешнее выражение. Что больше всего бросалось в глаза в его обычном образе жизни, так это его совершенное спокойствие и умиротворенность, его абсолютно беззаботный и радостный взгляд, постоянная сосредоточенность его глаз, непрерывный медитативный поток его сознания посреди всевозможных внешних обстоятельств. Казалось, он всегда находился в сверхсознательном состоянии, хотя и находился в телесном контакте с делами чувственного мира. Казалось, он всегда пребывал в сверхсознательном состоянии, хотя и занимался физическими делами чувственного мира. Он всегда внутренне жил на надмирском плане и в то же время двигался и действовал в мирской сфере. Было похоже, что он видел один и тот же недвойственный Дух во всем, и в то же

время вел себя с разными людьми и другими существами в соответствии с мирскими законами. Хотя он жил в мире многообразия, казалось, что он всегда пребывает над этим миром в каком-то далеком царстве абсолютного единства, покоя и блаженства. В этом мире каждый человек и каждое существо чувствовали его любовь и товарищество, а также ощущали присутствие сверхличности. Его биография представляет скромную попытку дать простое представление о внешней жизни этого выдающегося йогина, внутренняя жизнь которого действительно была за пределами нашего понимания

Глава 1. Первое появление в Горакхпур-матхе

Йогирадх Гамбхирнатх отрекся от мира и принял жизнь аскета, когда был в полном расцвете своей юности. Его отречение, даже во внешнем аспекте, с тех пор было настолько полным, что впоследствии он никогда не говорил и не ссылаясь на свое оставленное имя, или происхождение, или место рождения, или касту, или какое-либо событие своей ранней жизни. Он принял имя, которым наградил его Гуру (духовный наставник), и посвятил себя садхане (духовной практике), в которую Гуру его инициировал. Он, по-видимому, решил стереть даже из своей памяти все следы своих домашних и социальных связей, от которых он отказался, и стать совершенно новым человеком в новом мире, в котором он получил новое рождение от своего духовного отца. Всякий раз, когда какой-нибудь поклонник случайно задавал ему какой-либо вопрос о его предках, он мягко напоминал ему о тщетности такого любопытства, говоря «*Prapancha se kyā hogā*» (что ты получишь от знания и обсуждения таких мирских вопросов)? Из-за его абсолютной сдержанности в отношении фактов своей прошлой жизни и нашей невозможности найти каких-либо надежных людей, обладающих информацией из первых рук о том периоде, его доаскетическая жизнь осталась практически неизвестной его ученикам и почитателям.

По свидетельству некоторых очень старых садху (аскетов) из великого монастыря Горакхпура, где Гамбхирнатх нашел своего Гуру и был посвящен в йогу и аскетизм, можно было установить, что он был родом из какой-то деревни в штате Кашмир. Садху, которые присутствовали в монастыре, когда Гамбхирнатх прибыл туда примерно в середине девятнадцатого века, были очень впечатлены и привлечены, как они говорили, его величественной внешностью, благородными манерами, милым и скромным поведением, холодностью темперамента и теплотой сердца, молчаливостью в речи с готовностью служить, безразличием ко всем внешним событиям и сильным стремлением к духовному продвижению. Им казалось, что он происходил из богатой семьи с высоким социальным статусом, и садху удивлялись, почему культурный и многообещающий молодой человек, обладающий такими средствами для комфортной жизни, должен был устать от мира и подумать о том, чтобы стать нищим. Даже в то время он неохотно произносил какие-либо слова о том, кем и чем он был и что заставило его отказаться от своих мирских перспектив и удовольствий. Садху задавали ему всевозможные вопросы, но они не могли заставить его нарушить молчание по этим вопросам. В целом он мало общался с садху. Единственный, кто его интересовал, был святой Баба Гопалнатх, тогдашний Махант или глава монастыря, которого он принял как Гуру и у которого искал наставлений, чтобы посвятить всю свою жизнь и энергию практике йоги.

Однако садху смогли понять, что новый искатель пути йоги по натуре обладал глубоко религиозным темпераментом и склонностью к потустороннему. И даже в ранней юности деньги, женщины и социальное положение не привлекали его, и он был каким-то образом полностью убежден, что такие объекты преходящих интересов не могут удовлетворять насущные потребности человеческой души и подарить человеку постоянное счастье. Он стал испытывать отвращение ко всему, на что люди обычно полагаются для получения удовольствия в жизни. Он не находил покоя в том мире, в котором он жил. Общественная атмосфера наслаждения и честолюбия, соперничества и самовозвеличивания, взаимной ревности и ненависти стала для него невыносимой. Все вокруг него казались несчастными, хотя каждый стремился к счастью. Он начал глубоко задумываться про себя о наилучшем и наиболее эффективном средстве

достижения постоянного счастья и совершенного душевного спокойствия. Он не был ученым человеком. У него не было английского образования, его познания в санскрите также были недостаточно обширны для того, чтобы он искал решение своих проблем в заумной литературе священных писаний. Какое бы знакомство он ни приобрел с мыслями, опытом и жизнями мудрецов и святых древности, средневековья и нового времени, оно было в основном связано с его родным языком. Однако он был человеком необычайно здравомыслящим и обладающим острым умом, и в глубине его сердца был скрыт неизмеримый запас духовной мудрости. В результате своих глубоких размышлений он пришел к выводу, что отречение от мира, принятие санньясы и следование путем йоги было единственным средством достижения постоянного блаженства и спокойствия, к которым стремилась его душа.

Говорят, что на этом этапе, когда юный ум Гамбхирнатха был озадачен этой великой загадкой жизни, он, к счастью, вступил в контакт со святым из сампрадаи Натха-йогинов, которому во время своих обычных странствий посчастливилось прибыть в место неподалеку от своей родной деревни и поселиться там в месте для кремации. Услышав о присутствии святого недалеко от себя, мальчик почувствовал внутреннее побуждение увидеть его и насладиться его святым обществом. Он предстал перед ним и попросил просветления относительно своей проблемы. Спокойный и серьезный йогин и молодой и искренний искатель истины почувствовали глубокое влечение друг к другу. Стремящийся к йоге, казалось, получил от йогина какой-то новый свет. Он ежедневно посещал йогина примерно в течении месяца. В результате этого тесного общения первый был полностью приспособлен к образу мышления второго. Говорят, что именно от этого йогина будущий Гамбхирнатх получил информацию из первых рук о традиции Натха-йогинов, ее центре в Горакхпуре, знаменитом храме Горакхнатха и монастыре при нем, о его великом Маханте Бабе Гопалнатхе, а также об основных доктринах йоги. Теперь путь стал ясен для искателя истины. Вскоре после этого он резко и молча оборвал все связи с семьей и обществом и отправился в Горакхпур.

Садху могли многое понять, связав воедино то, что время от времени срывалось с его осторожных и дисциплинированных уст, и сделав выводы из его манер и поступков. Говорят, что во время своего первого появления в храме Горакхнатха в Горакхпуре он был одет как "Бабу" (культурный индийский джентльмен). Он носил шелковую одежду. Он обычно сбривал бороду, но сохранял усы. У него был светлый цвет лица, а также высокое и крепкое телосложение. Его серьезные, мягкие, исполненные достоинства и уравновешенные манеры были достойны человека высокого положения. Его внешность, как говорили садху, привлекла бы внимание любого случайного зрителя, даже если бы он попытался спрятаться в толпе из сотен человек. Говорят, он привез с собой довольно приличную сумму денег. Некоторую часть суммы он раздал садху и бедным голодающим людям, а остальное передал своему Гуру Бабе Гопалнатху. Милосердие, казалось, было присуще его натуре.

Вскоре после его прибытия в ашрам Махант Баба Гопалнатх, который был не только главой монастыря, но и слыл великим йогиним с глубокой духовной реализацией, официально посвятил его в йогу и сделал полноценным садху. Его Бабу-образ полностью исчез, и он стал совершенно новым человеком с новым именем, на котором не было ничего, кроме каупины (набедренной повязки).

Глава 2. Посвящение и подготовка к йога-садхане

Новый посвященный получил от своего Гуру имя «Гамбхирнатх», которое идеально соответствовало его характеру и поведению. Имя подразумевает, что он был владыкой (натха) серьезности, глубины и достоинства (*gāmbhīrya*). По природному складу он был необычайно серьезен, – серьезен внешне, серьезен в осанке, серьезен в речи, серьезен в образе мыслей, серьезен в проявлении эмоций. Никто никогда не заставлял его в гневе или возбужденном состоянии; никто никогда не слышал, чтобы он говорил громко или быстро; никто никогда не замечал никаких признаков грусти или безутешности на его лице; никто никогда не видел, чтобы он разразился громким смехом. Слабый лучик улыбки почти всегда исходил от его пронизательных и спокойных глаз и губ, но в то же время в них был виден безошибочный признак сильной внутренней решимости. Он принадлежал к тому типу людей, которые не довольствовались посредственной жизнью или выполнением каких-либо обязанностей вполсилы. Когда окончательно принимается решение о стремлении к какому-либо идеалу, вся энергия должна быть сосредоточена на нем, и не может быть ни отдыха, ни умиротворения, пока цель не будет достигнута.

Таков был характер молодого джентльмена, который предложил себя Бабе Гопалнатху за то, что тот направил его к высшей духовной цели человеческой жизни. Гопалнатх Джи, святой с глубоким духовным видением, должно быть, считал себя особенно удачливым, имея в качестве своего ученика юношу с таким необычным потенциалом и многообещающими перспективами, и, вероятно, питал большую надежду на то, что образцовые духовные практики и достижения этого молодого человека в будущем прольют необычный свет, придадут блеск и окажут динамичное влияние на нравственную и религиозную атмосферу не только великого монашеского ордена, к которому он принадлежал, но также и всего Индостана, страны духовной культуры.

Он сердечно принял юного искателя истины, взял на себя ответственность наставлять его на пути ее осознания и приступил к формированию его характера и поведения в соответствии с лучшими традициями великой традиции йогов. Но вскоре Гуру обнаружил, что ученику не требуется от него особой непосредственной помощи и руководства, поскольку его тело, разум и душа уже были должным образом подготовлены к эзотерическим практикам высших планов йоги. Казалось, что завеса невежества, скрывавшая лик Истины от его феноменального сознания, была настолько тонкой, что ее можно было разорвать без особых усилий с его стороны на любой промежуток времени.

Согласно священным писаниям и йогическим традициям, яма и нияма являются основами йоги. Яма в первую очередь состоит из ахимсы (ненасилия), сатьи (правдивости), астеи (отказа от воровства), брахмачарьи (контроля сексуального аппетита) и апариграхи (контроля желания сохранить какую-либо собственность или взять у кого-либо больше, чем требуется для продолжения физического существования). Ненасилие подразумевает регулирование мыслей, слов и поступков с должным уважением к жизни, чувствам и восприимчивости всех созданий. Его осуществление заключается в любви и служении всем живым существам. Правдивость подразумевает не только совершенную искренность в мыслях, речи и действиях, но и регулирование всего этого с помощью искреннего поиска того, что действительно реально, хорошо и красиво. Требуется искреннее усилие, чтобы знать, что является истиной, и выражать в

речи, так и в действии то, что определенно известно или во что искренне верят. Отказ от воровства требует, чтобы человек даже не смотрел и не думал о какой-либо собственности или владении другого человека с чувством жадности или зависти. Брахмачарья требует такой дисциплины тела и ума, при которой не только должно отсутствовать какое-либо сексуальное взаимодействие с любым лицом противоположного пола и любое нисходящее движение сексуальной энергии, но также, на более высоких стадиях, – отсутствие какого-либо ментального стремления к удовольствию от такого полового акта и отсутствие мысли о ком-либо из представителей другого пола как об объекте наслаждения. Апариграха заключается в привычке не брать ничего сверх того, что едва необходимо для самосохранения, и не запасать что-либо впрок, как свое собственное для дальнейшего использования. Следовательно, это также подразумевает распределение того, чем человек обладает и что он получает сверх своих насущных жизненных потребностей, для удовлетворения потребностей других. Таким образом, каждая из пяти форм ямы имеет как негативный, так и позитивный аспект, как физический, так и ментальный.

Аналогичным образом, нияма разъясняется как состоящая в первую очередь из шаучи (чистоты тела и ума), сантоши (удовлетворенности обстоятельствами, в которых человек находится, и, как следствие, спокойствию ума), свадхьяи (хорошо организованного изучения священных писаний и книг, вдохновляющих ум высокими духовными идеалами, а также систематическое прослушивание поучительных бесед Гуру и других ученых и опытных наставников), тапас (практика стойкого и невозмутимого перенесения изменяющихся внешних обстоятельств, таких как жара, холод и дождь, полноценный прием пищи, недоедание и голодание, почести, оскорбления и безразличие, перенаселенность, одиночное заключение и т.д.) и Ишвара-пранидхана (практика поклонения Богу и медитации на Него, а также выполнения обязанностей в духе служения Богу). Представления о Боге могут быть разными. Ишвара-пранидхана иногда может принимать форму поклонения богам и богиням и созерцания их идеальных моральных и духовных сил и качеств. Иногда это может принимать форму поклонения Гуру и служения ему. В какой бы форме это ни практиковалось, оно всегда эффективно для очищения тела и ума, уничтожения тщеславия и мирской направленности ума и развития духа смирения и стремления к Богу.

Без практики ямы и ниямы и без достаточной степени прогресса в них не может быть искренней преданности, посвященной практике эзотерических аспектов йоги. Если стремящийся, пренебрегая этими необходимыми предварительными условиями, временно подавляет отвлекающие аморальные склонности силой решимости и пытается продвинуться в практике контроля дыхания, созерцания, медитации и т.д., он может, если он человек сильной воли, достичь видимого успеха; но эффект вряд ли будет постоянным, и в некоторых случаях путь к дальнейшему прогрессу оказывается заблокированным внезапным волнением и бунтом искусственно сдерживаемых телесных и ментальных импульсов. Яма и нияма составляют систематическую нравственную культуру, и основополагающим принципом духовной садханы является то, что формирование чистого, благородного, возвышенного и сильного высокоморального характера должно быть надежной основой, на которой должна стоять религиозная дисциплина в ее высших аспектах. Яма и нияма описаны в священных писаниях как Сарвабхаума Махаврата – великая дисциплина всеобщей необходимости на всех этапах человеческой жизни. Даже те, кто не испытывает внутренней тяги к реализации высшего блага жизни и, следовательно, не чувствуют необходимости в высших формах религиозной

дисциплины, должны, как самосознающие и самоопределяющиеся человеческие существа, культивировать основные нравственные добродетели, указанные ямой и ниямой. Это первостепенная необходимость для тех, кто стремится к высшей духовной жизни.

Соответственно, первоочередной задачей истинного и опытного духовного наставника является подготовка тела и ума ученика к высшим духовным практикам путем подчинения его строгой моральной дисциплине, то есть культивированию ямы и ниямы. Баба Гопалнатх также держал своего нового любимого ученика рядом с собой в ашраме, чтобы дать ему соответствующую предварительную подготовку. Но вскоре выяснилось, что эти главные добродетели были для него почти естественны. Юный садху Гамбхирнатх от природы обладал хорошо сложенным телом, дисциплинированным умом и высокоразвитым характером. Казалось, он был изначально неспособен к насилию в словах и действиях и к умышленному причинению боли любому даже маленькому существу, способному чувствовать. Его сердце было переполнено любовью ко всем. Он хотел быть полезным окружающим, но не любил получать услуги от других. Именно стремление к истине привело его сюда из далекой захолустной деревни Кашмира. Он никогда не испытывал никакой жадности богатства и стремления к сексуальному удовольствию. Он выжег даже семена своих мирских склонностей в огне своего сильного стремления к постижению истины. Отдав Гуру все деньги, которые у него были, он освободился от оков собственности. Теперь его существование полностью зависело от милости Гуру или Божества. Его невозмутимое спокойствие и умиротворенность посреди всевозможных внешних обстоятельств были его самой главной добродетелью. Его тело также было приспособлено для перенесения всевозможных лишений. Он всегда был доволен любыми условиями, в которые его помещали.

Его вера в Бога и преданность Ему были замечательными, и он научился поклоняться Ему в различных именах и формах с непоколебимой верой и невозмутимой преданностью. Хотя он не слишком хорошо разбирался в книгах, его интеллект и здравый смысл были необычайно высокого порядка, и он мог очень легко извлечь то, что ему требовалось узнать, из того, что он слышал, читал и испытывал на собственном опыте. Обычно он с величайшим смирением слушал наставления, проводимые Гуру и пожилыми садху, а также беседы, которые садху вели на темы шаштр. Проявляя свой здравый смысл, он мог чудесным образом решать многие сложные проблемы, которые ставили в тупик умы ученых мужей, и находить превосходные формулы для примирения многих противоречивых точек зрения, которые часто становились источником беспокойства среди соперничающих защитников. Хотя он очень редко вмешивался во время жарких дискуссий, всякий раз, когда он нарушал молчание и вставлял пару слов, на всех производило впечатление его решение, и они удивлялись, как молодой человек, не имеющий широкого и глубокого знакомства с шаштрами, мог так ясно понять вопрос и так легко указать на причину и решение.

Моральные добродетели Гамбхирнатха, превосходные качества его головы и сердца, а также острое стремление к осознанию истины и освобождению вскоре убедили Гуру в том, что его не следует заставлять проводить много времени в подготовительной садхане в ашраме под его непосредственным руководством. Он уже был пригоден для занятий практикой высших ступеней йоги. Сам он также очень стремился уйти из переполненного монастыря и отвлекающей компании настроенных на внешнее нищенствующих монахов, которые посвящали очень малую часть дня и ночи духовной самодисциплине, а гораздо большую часть проводили в праздности, бесполезных

разговорах и действиях. Но его преданность Гуру удерживала его там, и он ни на что не жаловался.

Находясь в ашраме, он получил всестороннюю подготовку к монашеской жизни. Его главным занятием здесь было служение Гуру, которое повсеместно рассматривалось одним из наиболее существенных элементов самодисциплины на первых стадиях духовной садханы. Для того чтобы он мог получить непосредственный опыт во всех областях управления ашрамом, Гуру назначил его на различные ответственные посты в монастыре и обучил надлежащему выполнению относящихся к ним обязанностей. Эти обязанности были такого характера, чтобы развить в уме молодого садхаки дух преданного поклонения (бхакти), а также дух бескорыстного служения (сева).

С этой целью Гуру назначил его на определенный период пуджари (проводящий ритуал почитания или священник) и возложил на него ответственность за церемониальное поклонение главному Божеству ашрама. Следует помнить, что это была нелегкая задача. Пуджа в храме Горакхнатха проводится с короткими интервалами почти в течение всего дня и ночи. В храме нет Божественного изображения (мурти). О главном Божестве, которому там поклоняются, обычно говорят как о Натха Джи (Учителе), Верховном Повелителе вселенной и вечно реализованном идеале йогинов. Пуджа совершается у алтаря, на котором каждое верующее сердце ощущает живое присутствие всемогущего и всеведущего, бесконечного и вечного, любящего и всемилостивого Господа всего мира.

Все йогины поклоняются ему как Верховной Личности, в которой в совершенстве воплощен высший идеал йоги – абсолютная истина, доброта, красота и блаженство, и который является вечным и универсальным Гуру, вдохновляющим, направляющим и благословляющим всех искренних искателей идеала как изнутри, так и посредством Гуру в человеческой форме. Он – Господь всех владык, Самость всех самостей, Гуру всех Гуру. Пуджа начинается примерно в 3 часа ночи, когда, как предполагается, наступает раннее утро. Затем богослужение продолжается в различных формах: иногда огненный ритуал (арати), иногда украшение цветами, иногда подношение сладостей, иногда подношение фруктов, иногда подношение хлеба и риса, иногда организация отдыха и так далее. Это продолжается до полуночи. Для каждой из форм богослужения существуют определенные предписанные ритуалы. Необходимо произносить определенные виды мантр (слов и предложений, обладающих мистической силой) и практиковать определенные виды асан и мудр (йогических поз) в связи с определенными аспектами поклонения. Церемония арати с наступлением темноты длится более двух часов. Точно так же требуется много времени для выполнения каждой из других функций, и каждая функция должна выполняться пунктуально в установленное время. Исполнение обязанностей пуджари само по себе является религиозной тапасей (аскезой), и это обязательно включает в себя обуздание всех чувств, избавление от вялости и лености, а также контроль над всеми страстями и импульсами. В течение нескольких месяцев Гамбхирнатх проходил это обучение и стал опытным пуджари.

На определенный период времени он был назначен ответственным за хозяйство (снабжение). Это еще одна ответственная должность в ашраме, и добросовестное исполнение обязанностей, связанных с этой должностью, в значительной степени способствует обучению садхаки карма-йоге (хорошо организованному выполнению различных форм работы с учетом одного высокого

идеала) и сева-дхарме (добродетели бескорыстного служения для всех). Он должен доставлять предметы, необходимые для ежедневного подношения еды Божеству. А также вести учет количества садху и гостей, присутствовать в ашраме изо дня в день и поставлять различные виды материалов в соответствии с их необходимостью. В его обязанности входило следить за тем, чтобы не было неправильного использования каких-либо материалов, за тем, чтобы обитатели и гости были должным образом обслужены, и никто из них ни по какой причине не испытывал никаких неудобств. Он должен был помнить, что все материалы, находящиеся в его распоряжении, принадлежат Натха Джи, Верховному Божеству ашрама, что сам Натх джи является хозяином дома, и что все садху, гости, слуги, нищие и т.д., пока они там находятся, находятся под его опекой, за ними присмотрит Натх джи. Управляющий хозяйством занимает ответственное положение представителя этого любящего всех идеального хозяина дома, как управляющего, который обслуживает их всех и заботится об их удобствах, в том, что касается их физических потребностей. Среди них могут быть люди, страдающие серьезными заболеваниями, и он должен обеспечить им правильное питание. Гости могут прибыть в ашрам в самое неподходящее время и могут отдыхать в тени любого из многочисленных деревьев в любом уголке ашрама; он должен быть настороже, чтобы ни один из таких гостей не остался незамеченным и без присмотра. Во время многочисленных празднований в разное время года большое количество садху собирается в ашраме для участия в церемониях, большое количество брахманов приходит в качестве приглашенных гостей, и гораздо большее количество бедных, голодных, полуголых мужчин, женщин и детей появляется у дверей ашрама Господа Вселенной за его благословениями в виде еды и одежды. Ожидается, что в таких случаях управляющий правильно оценит количество материалов, которого должно быть достаточно для удовлетворения потребностей, но ненамного превысит необходимое. Таким образом, выполняющий эти обязанности получает хорошую подготовку в управлении хозяйством и в оказании услуг всем. Животные, также проживающие в ашраме или приходящие в него, должны быть должным образом накормлены и им должен быть обеспечен уход. Любое неисполнение долга с его стороны в вопросе оказания услуг созданиям Натха Джи было бы равносильно преступлению и греху против самого Натха Джи. Баба Гамбхирнатх обладал врожденной любовью к служению другим и врожденной способностью к эффективному управлению такими делами. Его добросовестное исполнение обязанностей на этом посту в духе истинного бхакта-садхаки в значительной степени способствовало пробуждению и развитию этой способности, а также его самодисциплине как карма-йоги и любящего всех слуги.

Бабу Гамбхирнатха поочередно назначали на несколько таких должностей. Он безропотно выполнял приказы своего Гуру и добросовестно исполнял обязанности, соответствующие его положению, в правильном духе служения Гуру, Божеству и обществу. В часы досуга он брал уроки по методам и техникам йоги и глубокой медитации. Однако в глубине души он испытывал острое желание оставить жизнь в ашраме и посвятить все свое время и энергию практике все более и более глубоких процессов йоги в каком-нибудь уединенном месте. Его тело и разум были полностью готовы к этому. Он ждал разрешения Гуру. Через некоторое время Гуру также почувствовал, что ученику следует позволить поступать по-своему и сосредоточить всю свою духовную энергию на стремлении к Высшему Идеалу. Получив разрешение и благословения Гуру, он поклонился Гуру, Божеству, садху и ашраму и попрощался с ними. Затем он отправился в свое духовное путешествие в одиночку.

В этой связи следует упомянуть еще один момент. За короткий период пребывания Бабы Гамбхирнатха в ашраме он прошел три предписанные формы посвящения (дикши), которые были необходимы для того, чтобы ученик был принят в лоно полноценных Канпхат-йогинов. Общей практикой в этой сампрадае является то, что ищущий жизни йогина должен прежде всего получить наставления (упадеша) от Гуру о принципах и практиках йоги, главным образом в ее внешних аспектах, а также в некоторой степени – во внутренних. Ему также может быть дана какая-либо мантра (мистическая формула) для джапы (многократного повторения либо в уме, либо едва слышно). Если его способности более высокого порядка, ему также может быть дана какая-нибудь формула, означающая великую духовную истину для непрерывного созерцания и медитации. Например, его учат методу, с помощью которого он должен выработать привычку постоянно думать о том, что с выдохом его «я» выходит за пределы телесных ограничений и отождествляет себя с бесконечным Вечным Самосветящимся Духом, присущим этой Вселенной, а со вдохом Бесконечный Дух входит в тело и отождествляет себя с его собственным «я». Таким образом, наряду с постоянно текущим потоком вдохов и выдохов, должен быть непрерывный поток осознания единства индивидуального «я» и вселенского «Я» – индивидуальной души и Брахмана. Это называется аджапа. Она может иметь разные формы. После такого посвящения искателя пути йоги называют «упадеша чела» (проинструктированный ученик) Гуру. Такое посвящение необходимо всем, кто хочет практиковать йогу, и оно имеет фундаментальное значение с точки зрения духовной дисциплины. Но это не делает ученика садху в узком смысле, поскольку он не может полностью отречься от мира и полностью посвятить себя практике йоги. С целью полного отречения от всех мирских забот и достижения свободы от всех внешних домашних и социальных обязанностей, предписанных шастрами, необходима вторая инициация. Благодаря этому посвящению садхака получает новое рождение и становится аскетом. Вместо предписанных обязанностей домохозяина на него теперь возлагаются новые обязательства в монашеской жизни. Он лишается своих прав как член общества домохозяев и приобретает новые права как член монашеского общества. Именно Гуру дает ему новое рождение и наделяет его новым именем, новой одеждой и новыми правами, обязанностями и ответственностью посредством церемониального процесса посвящения. Когда это посвящение получено, ученика в народе называют «чоти-ката-чела» Гуру, потому что одной из важных внешних функций церемонии является то, что Гуру срезает прядь волос ученика (чоти), брея ему голову и давая ему новое рождение как члена монашеского ордена в качестве ученика. В традиции йогинов о садху на этой стадии говорят как об аугхаре (возможно, имеется в виду бездомный искатель истины).

Третье посвящение необходимо для того, чтобы стать йогиним в полном традиционном смысле этого термина. Во время этой последней инициации в двух ушах посвящаемого проделываются два больших отверстия, куда в последствие вставляют две большие кундалы (кольца). Эти кундалы также известны в традиции как мудра или даршан. Затем он становится тем, кого в просторечии называют Канпхат-йогиним (йогиним с разорванными ушами), и эзотерически называют Даршани-йогиним (обладающим силой духовного видения), и он приобретает все права и привилегии высших категорий садху в этой традиции. Эта церемония в своем внешнем аспекте, возможно, не имеет большой духовной ценности, но она имеет значение с точки зрения положения и престижа внутри монашеского ордена Натха-йогинов. Идея, однако, заключается в том, что с помощью этого посвящения Гуру пробуждает в сознании ученика экстраординарные способности к духовному видению (даршану) и самореализации и вводит его во внутренний покой йоги. Баба Гамбхирнатх прошел все эти три формы посвящения, прежде чем покинуть

Горакхпур. Первые две, которые имеют огромное моральное и духовное значение, он получил от Бабы Гопалнатха, которого он почитал как Гуру на протяжении всей своей жизни. Третью ступень посвящения он получил от другого святого, Бабы Шиванатха, в Деви-Патане (месте паломничества, особо священном для традиции йогоинов). Следует отметить, что в этом ордене нет определенного правила относительно того, следует ли принимать все формы посвящения от одного и того же Гуру или от разных. Поскольку третье посвящение Гамбхирнатха состоялось при жизни Бабы Гопалнатха, должно быть, по просьбе или с разрешения последнего оно было торжественно совершено другим йогоином сампрадаи.

Одной из характерных эмблем садху, как аугхара, так и канпхата, йогической сампрадаи является то, что маленький деревянный свисток, похожий на флейту с отверстием, подвешивается у них на груди с помощью шнура из шелковых нитей. Свисток называется «нада», а шнур – «шли/сели». Дух в свисток, владелец издает звук, похожий на Пранаву (Ом), который является настоящей нада. По мнению йогоинов, в самом сокровенном уголке человеческого сердца непрерывно звучит анахата-нада, или непрерывный равномерный звук Пранавы, и практика концентрации ума на этом внутреннем звуке является важным шагом в йогической садхане. Для того чтобы практиковать его на более ранних стадиях, необходимо издавать продолжительный звук Пранавы ртом и фиксировать на нем внимание. Когда внимание достаточно сконцентрировано, чтобы не отвлекаться на другие звуки, и направлено внутрь, в сердце действительно можно услышать произведенный, непрерывный, равномерный поток естественной Пранавы. Пранава понимается как проявление в форме звука Бесконечного Вечного Абсолютного Сознания, или Брахмана. Таким образом, при концентрации внимания на вечно струящемся звуке Пранавы практикуется непрерывный поток мыслей о Брахмане. Как видимый символ этого вечного звука (нада) – этого вечного проявления Брахмана в форме Пранавы, – маленький свисток, который называется нада и с помощью которого может быть получен звук, подобный звуку Пранавы, прикладывается к сердцу стремящихся к йоге их Учителями (Гуру). Баба Гамбхирнатх получил этот символ от своего Гуру Бабы Гопалнатха, и хотя в более поздние годы своей жизни, когда он достиг стадии авадохты (стадии совершенно осознанного единства с Абсолютом), в ношении этого символа не было необходимости, он сохранил и носил его в знак уважения к Гуру и сампрадае и в качестве примера для других.

Глава 3. По дороге в Банарас

Когда он покидал прибежище Гуру и ашрам, первой проблемой, которая естественным образом могла возникнуть в уме молодого человека, стремящегося к непрерывной йогической практике, была проблема «хлеба насущного». Это становится реальной проблемой для йогоинов и саньясинов в целом, после того как они отрекаются от мирской жизни и дают обет не иметь никакой собственности и не тратить свое время и энергию на зарабатывание средств к существованию. Ради этого «хлеба насущного» большинство из них считают необходимым либо искать убежища в каких-нибудь монастырях, в которых есть всё необходимое, либо останавливаться у дверей домохозяев и просить милостыню. Оба эти ресурса имеют свои сопутствующие проблемы, которые стоят на пути непрерывной преданности истинного стремящегося к духовной самодисциплине. И не всегда очень легко добыть из этих источников даже самое необходимое для тела.

Молодой Йоги Гамбхирнатх узнал из «Бхагавад- Гиты», что Сам Господь берет на себя всю ответственность за обеспечение всего необходимого для Йогина, который всем сердцем предан Ему и не думает сам за себя. Он верил в Гиту как в воплощение вечных Божественных истин, «воспетых» или изреченных Самим Господом. Он безоговорочно верил каждому слову Гиты, и его вера заключалась не в простом интеллектуальном или теоретическом согласии, а в непоколебимом доверии. Он без колебаний приводил свою практическую жизнь в соответствие с идеалом, установленным Самим Господом в Гите, и он никогда не мог подумать, что надежды, возлагаемые Господом, не оправдаются.

Полагаясь на авторитет Гиты, он принял решение не искать убежища ни в каком другом монастыре, не просить милостыню, не сообщать никому о своих желаниях и потребностях, не думать о том, что ему следует есть или пить или как ему следует защищаться от жары и холода, но сосредоточить все свое внимание на высшем духовном идеале жизни и посвятить свое время и энергию исключительно следованию правилам самодисциплины, предписанным для реализации этого идеала. Что касается предметов первой необходимости для своего физического существования, он дал обет всецело полагаться на милость Бога. Решив в таком образом мысленно свою проблему с хлебом, он покинул ашрам и направился в сторону Банараса. Он всегда считал Банарас самым священным местом паломничества. Он обычно говорил о Банарасе (Каши-дхаме) как о царе святых мест (Тиртха-радж), земля, вода и атмосфера которых были наполнены духовностью. Естественно, он подумал о том, чтобы отдать дань уважения этому святому городу и некоторое время пожить инкогнито в его священной атмосфере.

Во время его пешего путешествия из Горакхпура в Банарас твердость его веры и сила его решимости подверглись суровому испытанию. В течение первых двух дней его путешествия никто не предлагал ему никакой еды. Он продолжал идти. Его тело, непривычное к голоданию, ослабело, но воля была несгибаема. Он чувствовал острый голод, но ему была невыносима мысль о том, что он позволит голоду одержать победу над его священным обетом, основанным на авторитете слов Господа. Он думал, что в нем, должно быть, чего-то не хватает, что его преданность Богу и идеалам еще не достигли должного уровня. Он не представлялся никому. Он избрал более уединенный путь и всей силой своей воли старался быть равнодушным к голоду и сосредоточить все свое внимание на Верховном Господе своего сердца. Он приготовился к смерти вместо того, чтобы потерять веру в Господа и Его слово и признать поражение при первом испытании искренности своего обета. На третий день, хотя его тело было еще слабее, его разум был спокоен и уравновешен, и он продолжил свой путь.

Когда он, таким образом, брел по пустынной тропинке под полуденным солнцем, с сердцем, наполненным непоколебимой верой в любовь и милосердие Господа, совершенно неожиданно он встретил брахмана-пандита, который был связан с храмом Горакхнатха и с которым он там познакомился. Он обменялся с ним приветствиями в присущей ему манере, но ни словом не упомянул о своем трехдневном голодании. Однако по его внешнему виду брахман легко мог заключить, что он обходится без пищи. Брахман знал его природу, и чтобы заставить его подождать некоторое время и убедить его принять немного пищи, он сказал ему, что появился там и встретил его не случайно, что Натха Джи – сам Господь – послал его снабдить своего бхакту пищей, в которой тот сейчас остро нуждался. Гамбхирнатх был вынужден присесть по приказу Натха Джи. Брахман побежал в ближайшую деревню, но в это время дня там не было ни вареного риса, ни хлеба. Таким образом, он вернулся в кратчайшие сроки с достаточным количеством чиры

(жареного риса) и молока. Гамбхирнатх воспринял это как милостивый дар Господа и наелся вволю. Немного отдохнув, молодой йогин с новыми силами отправился в Банарас, а брахман двинулся в направлении Горакхпура. Брахман рассказал об этом интересном инциденте садху в храме Горакхнатха.

Этот опыт еще больше укрепил его убежденность в том, что если бы он мог верно придерживаться своего курса и сохранять веру в милосердное провидение Господа посреди испытаний, Господь всегда позаботится о нем. Он пошел дальше. Вероятно, это путешествие из Горакхпура в Банарас было его первым самым долгим путешествием пешком. Поскольку он принял решение отправиться в Банарас, он не мог позволить себе долго отдыхать где-либо по пути. Легко можно себе представить, что во время путешествия он, должно быть, испытывал и другие физические трудности. Но он никогда не падал духом. Каждое трудное обстоятельство укрепляло его решимость. Облегчение всегда приходило, когда это было больше всего необходимо. У него не осталось никаких сомнений в Божественном провидении. Теперь его самоотдача Ему была полной. Это путешествие преподавало ему отличный урок. И это имело огромное значение для развития его духовного прозрения. Он приобрел знание из первых рук, конечно, в соответствии со своей интерпретацией событий своего опыта, о великой истине, что Господь никогда не оставлял своих бхакт (преданных), что чем больше они доверяли Ему, предавались Ему и сосредоточивали свой ум и сердце на Нем, тем больше они могли находить безошибочных свидетельств Его неизменной милости и привязанности к ним. Теперь он был полностью убежден, что борьба за существование и тревоги на этот счет были всего лишь проявлением недостатка уверенности в Божественном провидении. До тех пор, пока люди живут в мире эгоизма, имея больше веры в мирские силы и законы природы, чем в высшую духовную силу Господа, управляющую этими силами и законами в соответствии с законом Его любви и милосердия, они чувствуют неизбежную необходимость прилагать усилия для сохранения своего физического существования и благополучия, сражаясь против ограниченных мирских сил, а также прибегая к их помощи. Поскольку их внимание направлено вовне, силы, которые они воспринимают как действующие в чувственном мире, кажутся предельными, а законы их действия – высшими законами природы. Но когда благодаря духовной дисциплине ума достигается более глубокое проникновение в конечное устройство мира, становится очевидным, что все они являются вторичными силами и вторичными законами, производными от Высшей силы и Закона Божественной Воли, и регулируемые ими, и что Сила Божественной Воли — это Духовная Сила, а Закон Божественной Воли – это Закон Любви. Верным средством для непосредственного переживания действия этой Силы и этого Закона является сосредоточение ума и сердца на Господе в соответствии с наставлениями Гуру, вручение Ему тела и души в абсолютной любви и доверии и воздержание от мыслей о физических потребностях и обстоятельствах внешнего мира.

В результате своих разнообразных переживаний во время пешего путешествия по уединенной тропинке в джунглях из Горакхпура в Банарас и глубоких размышлений о них с преданным сердцем молодой Йоги Гамбхирнатх научился быть совершенно безразличным к своим физическим потребностям и с абсолютной верой предаваться Господу. Он все глубже и глубже чувствовал, что Господь был с ним, в нем и вокруг него. Он осознал, что все обстоятельства, которые влияли на него, будь то приятные или болезненные, были созданы Господом и были выражением Его любви и милосердия. Проблема его физического существования была идеально решена. Единственная проблема, которая теперь существовала для него, заключалась в том, как

достичь высшей ступени йоги – как сделать человеческую жизнь всецело духовной и Божественной.

Глава 4. Практика йоги в Банарасе и Праяге

Гамбхирнатх с его юношеской энергией и высокими устремлениями покинул Горакхпур в качестве новичка в эзотерической йоге-садхане и вернулся туда в преклонном возрасте, чтобы возглавить Ашрам своего Гуру, когда идеал его жизни был полностью реализован и он был признан всеми совершенным сиддха-махапурушей (осознавшим себя сверхчеловеком). Промежуточный период он провел в разных частях Индии, посвящая себя культуре все более высоких форм йоги и осознанию все более высоких аспектов Абсолютной Истины. Есть четыре важных святых места, с которыми, как известно, была главным образом связана его жизнь как садхаки, а именно: Банарас, Праяг, берег Нармады и холмы Гайи. В каждом из этих мест он поселялся в уединении на довольно длительный период для систематической дисциплины тела, чувств, нервной системы, психических сил, интеллектуальных идей и пробужденных духовных сил с целью достижения высшей ступени йоги и прямого интуитивного переживания высшей Реальности, как имманентной, так и трансцендентной вселенной. Из них холм Капилдхара в Гайе был выбран им на заключительном этапе его садханы с целью практики непрерывного погружения в высшую форму медитации и превращения самоотождествления с Высшим Духом в свою нормальную природу. Именно на холме Капилдхара он достиг высшей цели своих духовных поисков и стал известен как сиддха-йогирадх (царь самореализовавшихся йогоинов).

Хотя эти четыре места заслуживают особого упоминания в связи с его интенсивными и настойчивыми духовными поисками, он объездил почти всю Индию вдоль и поперек и посетил большинство святых мест, некоторые на стадии садхаки, а некоторые на стадии сиддхи. Никакого систематического отчета об этом периоде его жизни не имеется. Он жил в основном в одиночестве и старался оставаться незамеченным людьми, насколько это было возможно. Он не подходил к людям даже для того, чтобы попросить еды. Даже когда к нему подходили любопытные, он едва открывал губы и глаза и почти не замечал их присутствие. Таким образом, очень немногие из инцидентов, которые, должно быть, происходили с ним во время его путешествий или в ходе его практики, могли стать известны внешнему миру. Но в Индии люди, по-видимому, обладают врожденной склонностью и способностью искать людей с высокими духовными достижениями. Даже те, кто прячется в пещерах и джунглях, обнаруживаются, и слухи о их величии получают широкую огласку. В этой стране духовной культуры о святом говорят гораздо больше, чем о государственном деятеле, ученом или военном гении. Баба Гамбхирнатх не старался старательно скрывать себя от взглядов других. Ему было безразлично смотрели на него другие или нет. Неудивительно, что еще до того, как он достиг цели своей садханы, люди с религиозной любознательностью признали его духовное величие, с почтительным интересом следили за его перемещениями и обсуждали друг с другом о его экстраординарных йогических достижениях. Но подробности его переживаний никак не могли быть им известны. Когда впоследствии он позволил людям собраться вокруг него в Горакхпуре, он вообще хранил молчание о собственных достижениях и опыте, и его невозможно было убедить дать какой-либо отчет о своей прошлой жизни. Он всегда избегал слов «я» и «мое» в своих разговорах. Следовательно, рассказ об этой важной части его жизни обязательно должен быть таким же расплывчатым и поверхностным, как и о его ранней жизни. История развития внутренней жизни

человека может быть непосредственно известна только ему самому, и если он хранит о ней молчание, то она должна вечно оставаться неизвестной миру. Внешняя жизнь человека, который внутренне велик, но внешне скромн, также становится известной лишь очень ограниченному кругу людей, особенно если большая часть его жизни проходит в одиночестве.

Мы, однако, попытаемся дать здесь краткий обзор того, что нам удалось почерпнуть из сообщений, которые каким-то образом получили распространение среди садху, и из того, что иногда срывалось с уст самого Йогираджа в ходе его наставлений своим ученикам в дальнейшей жизни.

Добравшись до священного города Банарас, он обнаружил, что это место было не только традиционно святым, но и действительно благоприятным для систематической йога-садханы на том этапе его жизни. Для того чтобы ощутить святость такого места, чувствующее сердце должно быть достаточно чистым и отзывчивым. Беспорядки и пороки, с которыми так часто сталкиваются в таких густонаселенных местах паломничества, являются для большинства людей непреодолимыми препятствиями на пути к пониманию действующих там духовных влияний. Сердца людей с мирским складом ума, настроенные на грубую музыку мирского, естественно откликаются на бурные и порочные волны этой музыки и испытывают возбуждение от них, но они не в состоянии слушать и ценить подспудный поток сладкой и тонкой духовной мелодии, постоянно текущей там.

Духовные вибрации, которые создаются в атмосфере местности долгой, интенсивной и эффективной духовной садханой великого святого, сохраняются там долгое время даже после того, как святой ушел, и не могут быть легко уничтожены даже антидуховными вибрациями, которые вызываются там мыслями и поступками множества мирских и безбожных людей. Эти вибрации могут ощутить духовно настроенные сердца искателей истины, даже если они могут быть незнакомы с историей этого места и его связи со святым. Когда эти духовные вибрации создаются садханой и сиддхами длинной череды духовно великих людей с незапамятных времен, они становятся вечными, неисчерпаемыми и неразрушимыми, а почва, вода и воздух местности насыщаются их влиянием. Это относится к большинству мест, которые считаются святыми, и степень святости зависит от количества и величия святых, чьи духовные силы создали эти вибрации. Тот, кто может освободить свой ум и сердце от мирских мыслей, чувств и желаний и привести их в соответствие с духовным ритмом этого места, действительно может услышать эту духовную музыку и ощутить ее влияние. Если человек искренне и ревностно посвящает себя духовной практике в таком месте, ум легко концентрируется на объекте преследования, и истина осознается в течение сравнительно короткого периода времени.

В результате его сильной тяги к духовному прогрессу и полного безразличия ко всем мирским заботам, а также вследствие предварительной садханы, с помощью которой он тщательно очистил свое тело, ум и сердце, вся натура Бабы Гамбхирнатха была совершенно невосприимчива к мирским заботам и волнениям города и идеально реагировала на духовное влияние священного региона. Таким образом, влечение, которое он уже испытывал к этому бессмертному центру индуистской духовной культуры, было значительно усилено его непосредственным опытом духовного влияния этого места. Он решил обосноваться здесь на какое-то время, выбрав сравнительно уединенное место на берегу священной Ганги. Он обычно совершал омовение в ее святой воде и время от времени отправлялся в Храм, чтобы поклониться Вишванатху (Господу

Вселенной). В противном случае он проводил свои дни и ночи в выбранном месте, поглощенный своей йогической практикой и интенсивной медитацией. Согласно своему принципу, он не выходил на улицу просить еду. И даже не принял ни одного приглашения поужинать в каком-либо ашраме или чьем-либо доме. Но, так или иначе, еда обычно приходила к нему сама. В этой стране Аннапурны (супруги Вишванатха, Матери Вселенной, источника всей Анны или пищи) никто – ни один из Ее детей – не мог умереть от недостатка пищи, и меньше всего святой человек, который отказался от всех мыслей о еде и всем сердцем посвятил себя поклонению Высшему Духу (Параматме). Внимание какого-нибудь человека, желавшего служить садху, каждый день привлекалось к этому замкнутому аскету, и он, считал себя счастливым, когда этот аскет вкушал предложенную им пищу. Истина, убеждающая его в ходе путешествия, стала неотъемлемой частью его жизни как сейчас, так и впоследствии.

До тех пор, пока молодой садху Гамбхирнатх мог оставаться неизвестным, незамеченным и без присмотра, как всего лишь один из многочисленных садху, проживающих в Банарасе, это место было для него практически уединенным. Поскольку жители Банараса привыкли встречать многочисленных садху различных традиций на улицах и в монастырях, в тени деревьев и на берегу Ганги, и поскольку многие из этих садху не относятся к идеальному типу, вид садху, даже с закрытыми глазами и плотно сжатыми губами, подвергающегося воздействию жары, холода и дождя, не сразу привлекает их внимание и внушают им чувство благоговения. Соответственно, этот молодой йогин также мог долгое время оставаться незамеченным и совершенно спокойно продолжать свою садхану.

Но огонь, если он пылает, отказывается оставаться постоянно скрытым. Духовный огонь, пылающий в сердце йогина, вскоре излучает свой блеск вовне. Нимб над его лицом начал вызывать любопытство у прохожих. Его совершенное господство над своими страстями, полное безразличие ко всем мирским заботам, абсолютная свобода от похоти, жадности и гнева, совершенное спокойствие, постоянная погруженность в глубокую медитацию начали привлекать внимание благочестиво настроенных пытливых людей. Они поняли и заговорили между собой, что перед ними был йогин, который не принадлежал к обычному типу, который не был одним из многих, кого они привыкли видеть в Банарасе. Они стали обращать на него все больше и больше внимания. Люди, попавшие в беду, начали обращаться к нему за помощью. Он начал чувствовать, что это место больше не было для него уединенным. Он еще не достиг высшей ступени йоги. Ему все еще требовался длительный курс самодисциплины. Но люди начали говорить о нем как о сиддха-махатме и молиться о его милости. Его сердце от природы было мягким, когда дело касалось страданий других людей. Иногда он испытывал искушение приложить немного своей силы, чтобы облегчить их страдания. Но здравый смысл заставил его быть осторожным и сказал ему, что это воистину искушение и путь к падению. Иногда его рассудительности приходилось бороться со страстью. Он, однако, убедился, что уступить страсти на этом этапе было бы равносильно неправильному применению силы, которую он, возможно, приобрел по милости Господа, и это стало бы серьезным препятствием на пути его продвижения к высшему объекту своих амбиций. Он рассматривал это как испытание, которому подверг его Вишванатх. Он его прошел и овладел своим состраданием.

Он, однако, счел необходимым уйти из этого священного города, потому что больше не мог наслаждаться там блаженством одиночества. В какую бы часть города он ни отправился, люди стекались к нему. Он должен был удалиться в такое место, где бы его никто не знал и где у него

была бы возможность подниматься на все более высокие уровни йоги. Говорят, что в этот период он пробыл в Банарасе чуть больше трех лет подряд. Однажды он поклонился Вишванатху и покинул Банарас. Его почитатели, к своему крайнему изумлению, обнаружили, что великий Йоги таинственным образом исчез из их среды.

Покинув Банарас, он направился в Праяг, который также является одним из самых почитаемых священных мест в Индии. Прибыв туда, он отдал дань уважения тиртхе и выполнил свои религиозные обязанности в соответствии с существующими правилами и обычаями. Но здесь он не выбирал для своей садханы какого-либо места на склоне Праяга, возможно, опасаясь, что его скоро обнаружат, и люди устроят беспорядки. Он обнаружил уединенную пещеру на противоположном берегу Ганги, недалеко от слияния двух самых священных рек Индии, Ганги и Ямуны. Этот населенный пункт известен как Джунси. На берегу священной реки было несколько искусственных пещер (гуха). Они обычно не привлекают внимание людей, живущих и проезжающих в города и деревни. Пещеры были обращены на реку. Это место было уединенным и поэтому благоприятным для садханы. Гухи, вероятно, были сделаны какими-то людьми с благими намерениями с целью предоставить возможности для духовного самообразования тем садху, которые хотели практиковать йогу и медитацию в одиночестве.

Баба Гамбхирнатх занял пустовавшую гуху и погрузился в свои собственные дела, которые были ничем иным, как йогической практикой и глубокой медитацией. Здесь Господь, вероятно, уже позаботился о том, чтобы снабжать его пищей и заботиться о его удобствах. Вскоре после того, как он отправился туда, молодой садху из его собственной традиции по имени Мукутнатх случайно оказался рядом и глубоко привязался к нему с любовью и почтением. Он со всей серьезностью посвятил себя своему служению. Бабаджи оставался погруженным в медитацию в гухе почти день и ночь, и Мукутнатх в нужное время доставлял ему еду из окрестностей и время от времени приходил к нему, чтобы узнать, что ему может понадобиться и чем он может быть полезен Махатме. Здесь Баба Гамбхирнатх пробыл также около трех лет.

Говорят, что именно эта пещера, которая давала убежище йогину Гамбхирнатху около трех лет, обычно избегалась другими садху, потому что она изобиловала скорпионами, и время от времени подвергалась нашествию ядовитых змей. Гамбхирнатх, который практиковал абсолютное упование на милость Господа и научился смотреть на все создания как на живые воплощения Божественного, был свободен от всех видов страха. Появление змей и скорпионов никогда не пугало его. Позволив им свободно жить, двигаться и играть вокруг себя, он уселся среди них и погрузился в мысли о вездесущем Господе. Он был совершенным воплощением ахимсы (непричинение вреда). В его сердце не было ни духа насилия, ни ядовитости. Вероятно, ядовитые и опасные существа откликнулись на его ахимсу и премудрость, его ненасилие и любовь. Они никогда не причиняли ему никакого вреда. Возможно, они сослужили ему службу, удерживая других на расстоянии. Там он проверил истинность духовного утверждения о том, что любовь и ненасилие могут покорить сердца всех существ, какими бы внешне свирепыми и опасными они ни были. Те, кто знал его, верили, что за три года садханы в Джунси Гамбхирнатх поднялся на очень высокий уровень духовного опыта и приобрел значительные йогические способности.

Глава 5. Медитирующий странник

В Банарасе и Праяге Баба Гамбхирнатх непрерывно и интенсивно практиковал шесть форм эзотерической йоги в течение примерно шести лет. В каждом из этих мест у него было постоянное убежище. В Банарасе у него была маленькая хижина на берегу Ганги, а в Праяге он мог занять небольшую пещеру или гуху на берегу Ганги со стороны Джунси. Считается, что в этих двух местах он прошел через все важные йогические практики, необходимые для трансформации нервной и психической систем, чтобы превратить их в идеально подходящие проводники для получения и удержание трансцендентного духовного просветления и энергии. Благодаря постоянной практике концентрации нервных и психических потоков на все более высоких формах дхараны (созерцания) и дхьяны (медитации) он постепенно поднялся на очень высокий уровень сознания и осознал многие тонкие духовные истины. От природы он был наделен духовными способностями такого высокого порядка, что его прогресс был необычайно быстрым. В результате этих шести лет непрерывной садханы он вознесся на духовный уровень, который, возможно, обычному садхаке было бы трудно достичь путем непрерывной практики в течение всей жизни. Теперь он был практически брахмавит-йогином, святым, который в глубокой медитации осознал тождество индивидуальной души с Высшим Духом и осознал мир как пронизанный тем же Духом.

Теперь он думал о том, чтобы стать странствующим садху. Это также предписано в Йога-шастрах. Так долго он был, используя технические выражения священных писаний, «кутичакой» (садху, который проходит духовную дисциплину в определенном уединенном месте), а теперь он пожелал стать «бахудакой», садху, который проходит духовную дисциплину, странствуя по разным местам, и пробует различные виды воды (удака). На этой стадии от садху требуется переезжать с места на место, у него не должно быть какого-либо определенного дома, он должен подвергаться различным климатическим условиям, приспосабливаться к всевозможным незнакомым обстоятельствам, бродить без каких-либо определенных ожиданий в отношении пищи и крова. Двигаясь в условиях такой неопределенности, он всегда должен стараться оставаться в медитативном настроении и сохранять свой ум совершенно спокойным и умиротворенным, свободным от всех видов беспокойств и волнений, его внимание всегда должно быть сосредоточено на Господе и Высшем идеале жизни. Именно благодаря этой форме самодисциплины духовные знания и силы, приобретенные садхакой на предыдущих стадиях, стремятся глубоко укорениться в его природе, чтобы оставаться незапятнанными при любых возможных обстоятельствах. Именно благодаря практическому применению знаний и способностей к разнообразному опыту странствующей жизни они становятся неотъемлемой частью природы садхаки. Многие истины, которые постигаются интуитивно посредством созерцания и медитации, сохраняются в интеллекте как хорошие и прекрасные концепции до тех пор, пока вера в них не подвергается суровым испытаниям в практической жизни. В ходе странствий обязательно возникнут поводы для таких испытаний. Строгая бдительность в отношении психического состояния и постоянное памятование об усвоенных истинах необходимы для того, чтобы их выдержать. Садхака начинает осознавать многие моральные и духовные слабости, которые могли скрываться в его уме, но о которых он не знал из-за отсутствия каких-либо неблагоприятных обстоятельств. Когда же он осознает свои несовершенства, у него появляется возможность избавиться от них с помощью подходящих нравственных и духовных практик. Приобретается много нового опыта относительно путей людей и мира, и благодаря этому

опыту в уме вспыхивает много новых истин, касающихся путей Господа по отношению к его бхактам (преданным) и всем созданиям в целом. Повсеместно считается, что путешествия имеют огромное значение для всестороннего развития знаний и характера. План жизни йогина был задуман таким образом, чтобы все стороны его характера могли гармонично развиваться в направлении высшего духовного Идеала, чтобы его джняна-шакти (сила знания), бхакти-шакти (сила любви и почтения) и карма-шакти (сила действия и служения) были гармонично развиты, и у него были бы все возможности для того, чтобы быть утонченным и совершенным, чтобы его жизнь могла стать образцом для людей в целом.

Жизнь Бабы Гамбхирнатха формировалась, конечно, без какого-либо отчетливого осознания с его стороны Верховным Правителем его судьбы и судеб всех людей таким образом, чтобы он мог стать в будущем идеальным духовным учителем для ищущих истину, но умудренных житейской мудростью и скептически настроенных людей нынешнего века, и мог бы явить их глазам живое воплощение самого совершенного типа индийского йогина. Поэтому от него требовалось приобрести всевозможный жизненный опыт и пройти через все стадии практики йоги. В результате своего предварительного обучения в Горакхпуре и шестилетней напряженной практики в Банарасе и Праяге он овладел искусством, сформировал привычку и наслаждался блаженством оставаться погруженным в глубокое созерцание и медитацию в течение длительного времени в одной и той же позе и на одном и том же месте при благоприятных обстоятельствах. Теперь Господь, которому он предался, вдохновил его на идею испытать жизнь странствующего аскета (парибраджака) и практиковать созерцание и медитацию в различных физических и моральных условиях. Он вышел из гуха и начал свой путь странника.

Нет никаких точных сведений о местах, которые он посетил, и впечатлениях, которые он получил в ходе этого странствия. Из случайных упоминаний в ходе его наставлений своим ученикам и из отчетов других садху, с которыми он контактировал в тот период, можно сделать вывод, что в Индии было очень мало важных мест паломничества, которые он не посещал и о которых он не мог дать подробной информации. Ему были известны все святые места всех провинций Индии, включая Гималаи. В течение примерно шести лет своей скитальческой жизни он путешествовал от Кайласа и Мансаровара до Рамешварамы, от Амарнатха до Пашупатинатха и Чандронатха, от Двараки до Гангасагара. Обычно он ходил пешком и в одиночку. Но никаких подробностей о его пребывании во всех этих местах собрать не удалось. Он довольно долго совершал обход священной реки Нармады и провел несколько месяцев в глубокой медитации в Амаркантаке. Вполне возможно, что в момент прощания с Гангой он думал о Нармаде, потому что, как и Ганга, Нармада повсеместно почитается индусами как одна из самых священных рек. В некоторых Пуранах вода Нармады описывается как более святая, чем вода любой другой священной реки. Говорят, что святость Ганги, Ямуны и других рек варьируется в зависимости от духовного величия священных мест, по берегам которых они протекают, но вся территория, по которой протекает Нармада от ее истока до устья, одинаково священна. Однако разные Пураны могут отличаться прославлением различных священных рек, или каждая из них может быть описана как величайшая в соответствии с вселенной дискурса. Но с незапамятных времен и по сей день среди садху существовал обычай обходить Нармаду на определенном этапе своей жизни, и это считается в высшей степени добродетельным поступком и большим подспорьем на пути духовного прогресса. Стремящемуся к духовному постижению дается указание начать свой путь от истока Нармады и двигаться к ее устью по одной стороне, затем пересечь реку там и вернуться от

устья к его источнику по другой стороне. Баба Гамбхирнатх также следовал традиции и совершил этот добродетельный обход (парикрама).

Как йогин, стремящийся к достижению совершенного освобождения от всех видов рабства, он, конечно, не стремился приобрести какие-либо религиозные заслуги совершением таких добродетельных поступков. Его принципом было выполнять обязанности, предписанные или рекомендуемые шастрами, когда представлялись подходящие случаи из уважения к ним, а также к риши древности. Но он не стал бы намеренно искать таких поводов. Регулирующий принцип его жизни в отношении внешних действий состоял в том, чтобы не создавать поводов для их совершения и не уклоняться от них, когда они появлялись сами по себе без его ведома. Обход Нармады также был таким актом и совершался в подобном духе.

Доподлинно неизвестно, намеренно ли он направил свои стопы к Нармаде в момент начала своей скитальческой жизни, или же он прибыл туда непреднамеренно в ходе своих скитаний, но фактом является то, что, достигнув берега этой священной реки, он счел своим долгом воспользоваться представившейся возможностью, чтобы отдать дань уважения шастрам и обычаям общества садху, и использовать часть времени своего путешествия для обхода этой реки.

Поскольку он не был главным образом заинтересован в том, чтобы каким-то образом завершить этот благочестивый обход и тем самым приобрести религиозные заслуги, он не чувствовал побуждения двигаться дальше и дальше каждый день. Его ум всегда был сосредоточен на высшем идеале своей жизни. Всякий раз, когда в ходе своего путешествия он находил какое-либо место, особенно подходящее для глубокой медитации, всякий раз, когда благодаря своему духовному прозрению он обнаруживал, что атмосфера того или иного места насыщена особым духовным влиянием, или оно было особо прославлено общением с каким-либо великим святым, он почти спонтанно погружался в глубокую медитацию и селился там на неделю, или на месяц, или на два, или на четыре, в зависимости от степени привлекательности, комфорта и духовной атмосферы, царившей там. В таких случаях он выбирал для места своего сидения либо пустую хижину, либо тень дерева, либо какой-нибудь кусок камня, либо равнинный песок с небом над головой и текущей рекой впереди. Пока его ум пребывал в глубоком медитативном настроении и наслаждался каким-то особым духовным блаженством, он оставался на одном и том же месте. Немного отдохнув, он покидал его и снова шел пешком. Бабе Гамбхирнатху потребовалось около четырех лет, чтобы завершить свое путешествие вокруг Нармады. В Амаркантаке, истоке этой священной реки, он остановился на сравнительно длительный период. Это место особенно подходит для садханы. Это излюбленное место йогов.

Йогирадх, в ходе своих наставлений своим ученикам в дальнейшей жизни, иногда намекал, что искренний искатель истины может получить много необычных переживаний огромной моральной и духовной ценности в ходе своих странствий по священным местам. Но его так и не удалось убедить рассказать о том опыте, который он сам приобрел это за время своей скитальческой жизни. Однако иногда он косвенно упоминал о нескольких экстраординарных происшествиях в качестве иллюстрации некоторых истин, которые ему довелось изречь своим ученикам и которые они хотели более четко обосновать. Один из таких инцидентов связан с его Нармада-парикрамой.

Однажды в Горакхпуре возникла тема, касающаяся жизни таких свирепых существ, как змеи, тигры и т.д., и бережного отношения к ним. Йогирадх случайно упомянул, что они не всегда были

свирепыми существами, но что иногда святые, обладающие необычайными йогическими способностями, передвигались по земле в облике змей, тигров и т.д. У разных святых могли быть разные причины для принятия таких тел, но то, что они это делали, было фактом. Слушатели воспользовались этой возможностью, чтобы потребовать от него конкретных примеров. Он упомянул о событии, которое он пережил на берегу Нармады. Во время его путешествия по этому региону его привлекло одно особое место. Там он нашел пустой дом. Он вошел в него и погрузился в медитацию. На следующее утро перед ним предстал большой змей необычайной природы, он некоторое время пристально смотрел на него, а затем почтительно прополз вокруг него и удалился. Вид змея произвел необъяснимое духовное воздействие на его разум, и он впал в состояние транса. На второе утро появился тот же змей, и он вел себя точно так же и его опыт повторился. Это произошло и на третье утро. В тот день пришел Брахмачари и сказал ему, что он является постоянным обитателем этого дома. Конечно, он не был недоволен тем, что тот занял дом в его отсутствие. В ходе беседы Брахмачари сообщил ему, что в этой местности в теле змея проживает необыкновенный Махатма (великая душа), обладающий духовными достижениями чрезвычайно высокого порядка, и что Брахмачари жил в этом доме в течение двенадцати лет пребывая в молитвенном и медитативном настроении с целью получить даршан Махатмы. Баба Гамбхирнатх также рассказал Брахмачари о благословенном опыте, который он приобрел в каждый из этих трех дней. Брахмачари был явно тронут и сказал: «О! как тебе повезло! Ты новичок, и сам Махатма приходил повидаться с тобой и даровать тебе даршан в каждый из дней, что ты был здесь, в то время как он ни разу не сжалился надо мной за эти двенадцать лет».

Йогирадх сказал ученикам, что это не было исключительным случаем и что было много таких махатм, добровольно или принудительно пребывающих в нечеловеческих формах по разным причинам. Он встречал много таких махатм. Он упомянул о своей встрече с некоторыми йогинами, живущими и передвигающимися в обличье тигров. Урок, который он преподавал, ссылаясь на такие случаи, состоял в том, что человек с духовным устремлением не должен смотреть свысока или быть жестоким ни к одному существу, потому что никто не знает, кто есть кто.

После Нармада парикрамы он посетил ряд других священных мест. Везде он глубоко погружался в духовные воды этого места. Затем он услышал от некоторых странствующих аскетов традиции, с которыми ему довелось встретиться, что его Гуру Баба Гопалнатх покинул этот мир и что его старший Гурубхай (соученик) Баба Балабхадранатх, который, согласно обычаю, вступил в должность Маханты с согласия монахов сампрадаи, искренне попросил его вернуться в Горакхпур хотя бы на короткое время. Из глубокого уважения к Гуру и в соответствии с просьбой старшего брата он направил свои стопы в Горакхпур, но только для краткого визита.

Глава 6. Практика глубокой медитации в Капилдхаре

Баба Гопалнатх испустил дух в 1880 году. Его первый ученик Баба Балабхадранатх сменил его на посту Маханты Храма Горакхпура. Он был очень привязан к своему брату-ученику Бабе Гамбхирнатху, и последний также высоко ценил первого. Когда Гамбхирнатх отправился в Горакхпур, чтобы отдать дань уважения бессмертной душе своего почитаемого и любимого Гуру и выразить свое почтение новому главе монастыря, Балабхадранатх не пожелал снова расставаться с ним. Он обладал достаточной проницательностью, чтобы оценить духовное величие,

достигнутое его младшим братом. Слухи о его исключительно йогическом образе жизни, абсолютной отстраненности от всех дел этого мира, полном безразличии даже к насущным потребностям физической жизни, совершенном предании себя Господу и непрерывном потоке медитации при любых обстоятельствах уже достигли ушей его друзей. Гуру, его соученики и другие садху Горакхпурского ашрама посредством странствующих аскетов различных традиций, которые время от времени отправлялись в паломничество в этот священный центр сампрадаи йогинов, и многие из которых либо случайно встречались с ним во время своих странствий, либо слышали о нем от других аскетов.

Слава о высоких духовных достижениях великих святых, которые посвящают свою жизнь йогической дисциплине и глубокой медитации в уединении, нередко распространяется по всей стране такими странствующими садху. Баба Гамбхирнатх, как отмечалось ранее, не скрывался старательно на недоступном холме или в джунглях для своей йогической практики, и, хотя обычно он избегал внимания мирских людей, он не был полностью скрыт от взора тех благочестивых людей, которые были движимы духом любознательности к истинным садхакам и сиддхам. Обычно он путешествовал и выбирал для своей садханы такие священные места, которые, хотя и находятся в уединении, считаются хинду местами паломничества и иногда посещаются ими. Таким образом, без его помощи и без его ведома Баба Гамбхирнатх стал хорошо известен сотням религиозных людей в разных частях страны и почитался на расстоянии. Его Гуру, его братья-ученики и садху, с которыми он общался в ашраме, естественно, испытывали гордость за него, когда получали достоверные сообщения о его необыкновенных духовных достижениях из различных проверенных источников. Баба Балабхадранатх, вернув его к себе, захотел, чтобы он постоянно проживал в ашраме и разделял с ним ответственность за эффективное управление и развитие великого социально-религиозного учреждения, которое их Гуру оставил на их попечение, в соответствии с высоким идеалом, установленным Горакхнатхом, основателем традиции и Гуру всех йогинов.

Однако Баба Гамбхирнатх теперь находился на таком уровне духовного опыта и мировоззрения, при котором ему была невыносима мысль о жизни в ашраме. После своего опыта медитирующего странника он почувствовал потребность снова обосноваться в каком-нибудь подходящем уединенном месте для постоянной практики высших форм медитации и совершенной одухотворенности всего своего ментального, витального и физического существа. В Йога-шастрах, после вышеупомянутых стадий самодисциплины кутичака и бахудака, упоминаются четыре другие стадии, а именно: хамса, парамахамса, турьятата и авадхута. Каждая из этих стадий имеет свою специфическую садхану, и каждая из них ведет к все более высоким планам духовного опыта. Сиддхи, или успех на каждой стадии, дает представление о следующей более высокой стадии и порождает более глубокое стремление к ее переживанию. Здесь не место для каких-либо попыток дать представление о специфических характеристиках этих этапов. Духовное переживание в них слишком тонкое, чтобы его можно было постичь с помощью теоретического рассуждения на обычных уровнях нашего опыта.

Стадия авадхута рассматривается как высшая в том смысле, что все существование, включая физическое тело и физический мир, одухотворяется, так что на этой стадии мирское и сверхмирское, внутреннее и внешнее, субъект и объект переживаются как отождествленные, и это тот же самый Абсолютный Дух, который воспринимается раскрытым внутри и снаружи в состояниях бодрствования и сна точно так же, как и в состоянии транса. Как мог Баба Гамбхирнатх,

обладавший потенциалом духовной реализации высшего порядка, оставаться довольным до тех пор, пока он действительно не достиг ее? Обычные благочестивые люди, а также йогины низшего ранга могли бы превозносить его как сиддха-йогина, поскольку он уже превзошел низшие уровни йоги и достиг состояния, редко достигаемого практикующими. Но как он мог оставаться удовлетворенным на этом этапе? То, что, как он считал, было совершенной самореализацией, еще не было достигнуто. Тем не менее, по настоятельной просьбе своего старшего брата Маханта Балабхадранатха, он пробыл в храме Горакхнатха несколько месяцев и даже около месяца руководил пуджей (церемониальным богослужением). Продемонстрировав таким образом свое почтительное отношение к чувствам главы монастыря, к которому он принадлежал, и хорошей репутации ашрама своего Гуру, он снова покинул Горакхпур в поисках высшего идеала своей жизни. Он искал какое-нибудь уединенное место, подходящее для непрерывной практики глубочайшей медитации на Абсолютный Дух, высшую реальность индивидуальной души и вселенной. Посетив несколько местностей, связанных со святыми, он, наконец, прибыл на холмы Гайи, где одно уединенное место привлекло его больше всего как место, которое он искал.

Гайя – древнее, хорошо известное место великой святости. Именно здесь Господь Будда был благословлен самым благородным духовным светом, который вот уже два с половиной тысячелетия показывает путь к нирване или освобождению миллионам мужчин и женщин и вдохновляет их идеалом бескорыстной любви и служения. Именно здесь Господь Гауранга получил свое первое вдохновение и посвящение в религию Божественной Любви, давшее новую, прекрасную философию обществу ученых, которая в то же время приблизила Верховного Господа Вселенной так близко к сердцам всех людей, даже из самых угнетённых и депрессивных классов. Вся территория вокруг Гайи освящена садханами и сиддхами многочисленных выдающихся святых древности и современности. Холмы в регионах Гайи не слишком высоки и не слишком низки. Людям, привыкшим к климату равнин, не так уж трудно жить в них в любое время года. Но никто без какой-либо определенной цели не может испытывать ни малейшего желания посещать такие места. Они не являются недоступными даже для людей средней силы, но и не являются легкодоступными. Люди, живущие там, могут добывать еду и одежду в населенных пунктах равнин, если им потребуется, но это не очень простая задача. Следовательно, только йогины, ищущие истину, которые стремятся практиковать в одиночестве, выбирают такие места для проживания. Действительно, с незапамятных времен к холмам Гайи приходили искренние садхаки различных религиозных учений в период их постоянной духовной самодисциплины. Некоторые из этих холмов связаны со священными воспоминаниями о Капиле, Нагарджуне, Парешнатхе и других прославленных святых, оставившие неизгладимый след в истории духовной жизни Индии. Из их неиссякаемых фонтанов зигзагообразно стекает множество ручьёв. Здесь есть много естественных пещер или гух, которые садху используют для своего проживания, и также было построено много искусственных гухасов в разных частях холмов в соответствии с инструкциями Йога-шастр для удобства йогинов.

Бабе Гамбирнатху приглянулся один из таких холмов вблизи города Гайя. Он получил свое название от прекрасного живого ручейка, который вытекал из источника в каком-то высокогорном районе и следовал дальше с певучим голосом вечной свежести днем и ночью по направлению к людям, живущим неподалёку, чтобы послужить страдающим от жажды мужчинам и женщинам с нижних равнин. Этот ручей был известен как Капилдхара (дхара или поток Капилы). Однако неизвестно, какую историческую связь этот ручей и холм на его берегу могли иметь с этим

древнейшим философом Индии (*ādividvān*) и самым известным прототипом всех сиддхов, или самореализовавшихся святых («*siddhānām kapilo muniḥ*»). Вполне возможно, что сам Капила или какой-нибудь выдающийся йогин школы философии и религии Капилы в какой-то период времени поселился здесь и название этого места было связано с священным именем этого древнего учителя философии и религии. Часть горной гряды, на берегу ручья, которая была столь благоприятна во всех отношениях для йога-садханы, была известна под названием холма Капилдхара. У подножия этого холма, но значительно выше уровня равнины, находился очень старый храм Шивы. Этот Шива также был известен как Капилешвар Шива (Шива, Владыка Капилы).

Этот холм был выбран великим йогинем Гамбхирнатхом для систематической практики глубокой медитации высшего духовного плана, и он решил продолжать эту практику здесь до тех пор, пока не достигнет совершенной стадии йоги аваххута. Внешний облик этого места сильно изменился с тех пор, как он впервые появился здесь, и его привлекла благоприятность атмосферы, обстановки и окружения для высшего типа духовной культуры. В то время поблизости от выбранного им места не было ни ашрама, ни дома, ни подходящей пещеры. Поблизости не было ни одного известного садху, который привлекал бы людей в эту местность. Храм Капилешвара Шивы находился не так уж близко от него, и паломники не часто посещали его. Холмы вокруг изобиловали деревьями и кустарниками, которые нередко служили убежищем свирепым животным и, следовательно, отпугивали людей.

Йогирадх Гамбхирнатх, отвыкший за долгое время думать о своей пище, крове и других потребностях, занял свое место на холме Капилдхара и решил посвятить себя интенсивной и непрерывной медитации в этом уединенном месте, пока не будет достигнута окончательная цель. Он начал проводить свои дни и ночи под открытым небом, не обращая никакого внимания на жару и холод, дождь и бурю. У него были только каупина (набедренная повязка) и одеяло в качестве одежды, кхарпар (небольшой сосуд, сделанный из скорлупы кокосового ореха) для приема пищи и питья и небольшой Т-образный стержень, называемый фаури, на который время от времени он мог опирать тело. Это было его единственное земное имущество. И у него была совершенная вера в то, что все, что ему действительно потребуется для своего существования, должно прийти к нему со временем, если только он сможет придерживаться своего идеала с полным безразличием к земным благам, и все, что фактически предоставлялось ему без поисков, рассматривалось им как составляющее все его истинные потребности. С таким абсолютным доверием к Божественному порядку в мире и со всей энергией ума и тела, сосредоточенной на Высшем Благе, которое должно быть реализовано, великий Йоги расположился на обнаженной груди холма Капилдхара.

Господь Вселенной – самый верный слуга своих искренних преданных. Он неизменно принимает соответствующие меры из-за кулис для удовлетворения всех физических, моральных и духовных потребностей тех, кто отдает себя Ему в любви и преданности, жертвует всеми объектами мирских и потусторонних наслаждений ради совершенного единения с Ним и не стремится ни к чему иному, кроме осознания Абсолютной Истины о Нем и наслаждения совершенной красотой и блаженством Его трансцендентной природы. Йогирадх Гамбхирнатх был полностью убежден в этой истине не только из слов Господа, но и из своего жизненного опыта. Соответственно, в Капилдхаре его не заботило, чем обеспечит его Господь его сердца и вселенной. Ему приглянулось это место он поселился там и погрузился в медитацию.

Через день или два к нему было привлечено внимание человека по имени Акку. Этот человек был бедным поденщиком, принадлежавшим к низшим слоям индуистского общества. Раньше он время от времени отправляется в эти холмистые места с целью заготовки древесины и топлива. Он и его брат Мунни жили со своими женами и детьми в деревне недалеко от подножия холма. Благодаря таким кропотливым работам им каким-то образом удавалось сводить концы с концами. Именно этого бедного неграмотного работника Господь привлек к оказанию всех необходимых услуг, преданному Йоги в первый период его пребывания на холме Капилдхара. Не дожидаясь какого-либо приказа или наставления, Акку приблизился к Йоги и начал служить ему. Йоги обращал мало внимания на этого человека и его служение. Он почти всегда находился в состоянии глубокой медитации. Он не обращал внимания ни на свое окружение, ни на свои потребности. Но Акку, казалось, каким-то внутренним чутьем понимал, что ему может понадобиться для его комфорта. Он обычно приносил еду и питье, фрукты и молоко из своего собственного дома или из окрестностей и ставил их перед медитирующим йогиним. Он приносил дрова из окрестных мест и разжигал дхуни (священный огонь) рядом с ним. Он убирал сорняки, кустарники и камни с этого места, где находился йогин и старался поддерживать там чистоту и святость настолько, насколько мог. Чем больше он служил ему, тем больше чувствовал притяжение к нему. Мало-помалу служение Йоги стало первой и главной из его повседневных обязанностей. Это потребовало большой жертвы со стороны поденщика, и он принес ее, даже не осознавая этого. Постепенно его брат начал принимать участие в служении Йоги, и вся семья также привязалась к нему. Все они, включая детей, научились смотреть на Бабу Гамбхирнатха как на своего собственного и как на Бога их сердца.

В течение двух или трех месяцев Акку выпала завидная удача быть единственным представителем Господа, который заботился о физических потребностях этого великого Йоги. Нежное отношение Бабы Гамбхирнатха, который был на своей стадии дживанмукты, к членам семьи Акку, по-видимому, указывало на то, что он считал себя в долгу перед Акку и его семьей. Однажды он даже вышел из своего обычного состояния, чтобы продемонстрировать некую чудодейственную силу для спасения семьи от домашнего бедствия. Мы будем ссылаться на это далее.

Через два или три месяца у Бабы Гамбхирнатха появился еще один самый преданный слуга в лице искренне ищущего истину садху по имени Нрипатнатх (Нрипатнатх – Владыка царей). Движимый глубоким стремлением к осуществлению высшего блага жизни, Нрипатнатх отрекся от мира и скитался по холмам, джунглям и святым местам в поисках своего Гуру. В ходе этих странствий Вершитель его судьбы привел его на холм Капилдхара, и самый первый взгляд на необычную фигуру медитирующего там святого вдохновил его на убеждение, что это был тот самый человек, которого он искал. Мысленно он сразу же признал этого Йоги своим Гуру и посвятил себя служению ему. Он умолял о формальном посвящении в йогическую садхану. Но Баба Гамбхирнатх молча, но решительно отказался стать Гуру и погрузился в медитацию. Хотя его поведение всегда было мягким и обходительным, а отказ – вежливым, его решимость была непоколебимой. Он был полон решимости никого не признавать своим учеником, по крайней мере, до тех пор, пока не утвердится на высшем плане духовного сознания. Но Нрипатнатх также был не из тех людей, которые впадают в уныние или отказываются от общества Махапуруши, который, хотя внутренне и пленил его сердце, внешне отказывался принимать его как своего собственного. Он оставил вопрос формального посвящения и обучения йогическим практикам на усмотрение избранного им Гуру, но посвятил свою жизнь служению ему. Он взял на себя ответственность за все

приготовления, необходимые для обеспечения максимального удобства великого Йоги в практике глубочайшей медитации без какого-либо дискомфорта или беспокойства. Теперь Акку был освобожден от большей части своей ответственности, и ему оставалось только выполнять поручения Нрипатнатха. Нрипатнатх уже приобрел значительный опыт благодаря своим контактам со многими йогинами в прошлом относительно физических и экологических требований святого, погруженного в йогу-садхану. Он обладал крепким телосложением, бесстрашием, неумной энергией и редкой способностью переносить трудности. Преданное служение такого человека было, с человеческой точки зрения, необходимо для физического существования Бабы Гамбхирнатха и его безмятежной медитации на этом этапе.

Через несколько месяцев после того, как Нрипатнатх взял на себя заботу о теле Йоги, там появился другой искатель истины и стал полезным помощником Нрипатнатха в служении медитирующему святому. Его звали Суддханатх. Он также был в поисках Йоги-гуру. Увидеть Гамбхирнатха означало быть очарованным им. Исходя из опыта Нрипатнатха, он был убежден, что нелегко быть принятым к нему в ученики. Обладая набожным темпераментом, он, подобно Нрипатнатху, был удовлетворен тем, что ему выпала редкая привилегия посвятить свою жизнь служению идеальному йогину, обычно обитающему на надмирском плане. Нрипатнатх был рад принять его как своего брата и разделить с ним счастье служить Маха-йоги. Примерно после пятнадцати лет преданного служения оба они были один за другим официально посвящены Бабой Гамбхирнатхом и приняты в качестве его учеников. Затем он прошел стадию садханы и достиг состояния дживанмукты.

Таким образом, Маха-йоги Баба Гамбхирнатх мирно и комфортно продолжал свою глубокую медитацию, Нрипатнатх был его телохранителем, Суддханатх был помощником Нрипатнатха в его служении, а братья Акку способствовали его физическому комфорту под руководством братьев Натхов. Натхам не разрешалось постоянно находиться рядом с ним. Они построили для своего проживания небольшую хижину на склоне холма, на более низком уровне. Этот квартал был известен как Кхарпар-Бхайраб. Они приходили к нему для выполнения служения так часто, как считали необходимым. В это время у Йогираджа также было свое каменное сидение, как правило, под открытым небом, иногда в тени дерева и редко в какой-нибудь естественной пещере.

В течение короткого периода времени люди, интересующиеся духовными вопросами, постепенно узнали, что на холме Капилдхара жил очень великий Махатма и что он проводил день и ночь под открытым небом. Вполне возможно, что некоторые истории об его чудодейственных способностях также передавались из уст в уста. Некоторые великие святые высоких духовных достижений, которые занимались медитацией на соседних холмах, время от времени тайно навещали его. Сиддха (осознавшие себя) Маха-пуруши, испытывающие духовную симпатию к искренним садхакам, преданным высшей духовной дисциплине, часто приходят к ним по собственной воле, чтобы оказать помощь и исправить любую ошибку, которую они могут совершить в своих практиках. Святые, достигшие состояния дживанмукты (состояния освобождения в этой земной жизни), иногда наслаждаются высшим блаженством в обществе друг друга. Но они передвигаются таким образом, чтобы не привлекать внимания обычных людей. Именно садху высших порядков время от времени благословляются видением и способны распознавать их. Люди узнают о них через этих садху. Появление таких историй в связи с Бабой Гамбхирнатхом чрезвычайно возвысило его в глазах людей. Они постепенно начали обращаться к нему за даршаном. Аскеты, которые занимались садханой тут и там на холмах Гайи, начали

приходить к нему по ночам в надежде, что медитация в непосредственной близости от Махапуруши легко станет глубокой и поднимется на более высокие планы.

Хотя Баба Гамбхирнатх обращал мало внимания на тех, кто приходил и уходил, и его медитация была слишком глубокой, чтобы ее могли нарушить изменения в окружающей среде, все же это место было уже не таким уединенным, как раньше. Баба Нрипатнатх, который был его телохранителем, иногда принимал облик Бхайравы и пытался отпугнуть людей неловкими жестами. Время от времени он сурово упрекал людей, которые собирались, иногда он даже забрасывал камнями тех, кого застал поднимающимися на холм. Все это, конечно, не нравилось его Мастеру, ради которого он предпринимал эти шаги. Хотя в глубине души он был полон любви ко всем, особенно к искренним почитателям своего Учителя, он не потерпел бы ни малейшего неудобства, которое могло бы быть причинено садхане Мастера скоплением людей. Он приложил все усилия, чтобы сохранить чистоту атмосферы и уединенность местности. И все же было трудно предотвращать поток людей. Баба Гамбхирнатх иногда удалялся в густые леса, чтобы избежать толпы. Возможно, он был бы вынужден покинуть это выбранное им место, если бы не интересный инцидент, который решил проблему одиночества и удержал его там.

Богатый панда (священник в месте паломничества) из Гайи, по имени Мадхолал, в это время был вовлечен в серьезный судебный процесс. Проиграть дело означало бы для него практически потерю его имущества и разрушение всех жизненных перспектив. Но при сложившихся обстоятельствах у него было очень мало шансов на успех. В таком кризисе по-мирски мыслящие люди, естественно, ищут сверхъестественной помощи, и их вера в божества и людей, обладающих чудодейственной силой, благоговение перед ними и самоотдача им возрастают в тысячу раз. Имя Бабы Гамбхирнатха и рассказы о его сверхчеловеческой тапасье (аскезе) и необычайных духовных способностях уже достигли его ушей из разных источников. Мадхолал смиренно припал к стопам великого йогина и взмолился о его милости. Йогирадх никогда сознательно не давал ни малейшего намека на то, что он обладает какой-либо йогической оккультной силой. Он никогда не заявлял о своей силе творить чудеса. Йогирадх не отвечал на его молитвы, за исключением того, что время от времени бросал на него сочувственный взгляд. Мадхолал стал еще смиреннее и начал служить ему, как подобает простому слуге. Он молил о пощаде всех своих приближенных. Он предлагал свои услуги другим садху и оказывал щедрую благотворительную помощь бедным. Он прибегал ко всем средствам, которые могли бы сделать его достойным милости Божьей и святого.

Однажды Баба Гамбхирнатх в ответ на его жалобную назойливость благословил его, сказав: «Все будет хорошо» (*ācchā hi hoga*) и попросил его не грустить. Эти простые слова благословения вселили в Мадхолала большие надежды. Оставалось всего несколько дней до того, как это дело будет рассмотрено Верховным судом для окончательного решения. Самым неожиданным образом Мадхолал выиграл дело. Что бы ни повлияло на решение суда, Мадхолал был совершенно убежден, что именно сила воли великого йогина действительно принесла ему победу. Он думал, что всем своим имуществом обязан Йогирадху. Его тело и разум были достаточно очищены преданными служениями, которые он оказал святому. После его успеха в судебном процессе заинтересованные мотивы, стоящие за его служением, исчезли. Теперь он продолжал служить ему совершенно бескорыстно, в чистом духе почтения и поклонения.

Мадхолал выразил свое сильное желание построить йога-гуху для безмятежной медитации Йогираджа. После получения разрешения Йогираджа были запрошены инструкции относительно места и плана гухи. В нескольких словах Йогирадж дал необходимые указания относительно места, формы, размера и природы гухи в соответствии с Йога-шастрами. Мадхолал сконструировал гуху соответствующим образом. Это было подземное сооружение. Определенная часть холма была раскопана в соответствии с требованиями. Внутри углубления были сделаны два небольших отделения – одно внешнее, а другое внутреннее. Перед внешним отсеком имелась очень маленькая дверца для входа и выхода. Там было отверстие для перемещения из внешнего отсека во внутренний, и это отверстие можно было заделать. Это было устроено так, чтобы никакой шум снаружи не мог проникнуть во внутреннее отделение. Снаружи гухи на поверхности холма был сооружен зацементированный алтарь. Посреди алтаря было посажено дерево Бел. Некоторые тришулы (освященные трезубцы) также были закреплены на алтаре. В четырех углах алтаря были установлены четыре асаны (сиденья).

Когда была построена эта йога-гуха, проблема одиночества была решена, и теперь в доме не оставалось никаких неудобств. Йогарадж имел возможность погружаться в глубочайшую медитацию так надолго, насколько ему хотелось, и постоянно пребывать на высшем духовном плане. Теперь он начал проводить большую часть дня и ночи во внутреннем отделении гухи и проводить час или два снаружи, на алтаре. Именно в течение этого короткого периода люди могли получить его даршан. Иногда он был так глубоко погружен в медитацию внутри гухи, что не выходил из нее ни днем, ни ночью. Севаки (служители) ждали снаружи с едой и питьем, не зная, когда он очнется от своего транса и почувствует желание выйти. Через некоторое время было обнаружено, что он выходит ненадолго сначала через день, а затем только два дня в неделю. Затем он взял за правило всегда оставаться в гухе и выходить наружу на несколько часов каждый вторник вечером. Тогда было условлено, что севаки должны хранить небольшое количество молока – около полфунта – во внешнем отделении гухи, чтобы он пил его, когда почувствует необходимость. Даже севаки не имели права входить или заглядывать во внутреннее отделение, пока он был погружен в медитацию, или звать его снаружи. В течение всей недели, пока он находился в гухе, он не чувствовал необходимости в опорожнении кишечника или почек.

Вероятно, в результате решения, которое он, возможно, принял во время входа в гуху, он инстинктивно почувствовал необходимость выходить в нужное время каждый вторник незадолго до наступления сумерек. К этому времени его слава как выдающегося Махапуруши распространилась далеко и широко. Каждый вторник там перед алтарем собиралось большое количество людей, жаждущих получить даршан Махатмы. Многие из них приносили цветы, фрукты и сладости в качестве подношений благочестивому человеку. Многие приходили с мысленными молитвами о достижении каких-то целей, амбиций или избавлении от трудностей. Единственной целью некоторых было приумножить свое духовное богатство. Среди приходящих были как аскеты, так и домохозяева, богатые люди, занимающие высокие посты, а также бедняки из скромных деревень. Йогирадж Гамбхирнатх выходил из гухи в состоянии полутранса и занимал свое место на алтаре под тришулами. Казалось, он сидит на границе между чувственным феноменальным миром и сверхчувственным духовным миром. Его высокое и величественное телосложение сияло ореолом духовного света, который горел внутри. Лучик улыбки, свидетельствующий о его внутреннем удовлетворении и о его любви и милосердии ко всем исходил из его неподвижных полузакрытых глаз. Он почти никогда не произносил ни слова. Но

само его присутствие создавало атмосферу мира, радости и надежды и оказывало святое духовное влияние на умонастроение и мировоззрение всех. Иногда он распознавал приветствия людей и благословлял их, слегка поднимая правую руку. Он бросал улыбающийся взгляд на подношения, делал легкий жест в знак принятия и подавал знак севакам раздать их собравшимся людям. Благословив таким образом людей своим присутствием на час или два, он снова удалялся в свою гуху на неделю.

Он продолжал в том же духе около трех лет. Затем взял за правило выходить раз в две недели – в Амавасью (день новолуния) и Пурниму (день полнолуния).

После этого он выходил только раз в месяц. В течение всех этих периодов остальные договоренности оставались неизменными. Его пища состояла всего из полфунта молока, которое помещалось во внешнее отделение гухи. Не было необходимости в очистке кишечника и почек. Люди с нетерпением ждали того дня, когда он совершит свое святое появление на алтаре и дарует им свои благословения. Хотя у него не было послания, которое он мог бы передать им из уст в уста, само его физическое присутствие доносило до них благородное послание мира, который был абсолютно свободен от всех забот и тревог, всех соревнований и соперничества, всех страхов и ненависти, всех утрат и разочарований, всех печалей и отвращения, и вся атмосфера которого была пропитана вечным спокойствием и умиротворенностью, всеобщей любовью и дружелюбием, абсолютным покоем и блаженством.

Считая с начала своей садханы в гухе, он продолжал этот систематический процесс около двенадцати лет. Наконец он однажды вошел в гуху и не вышел в ожидаемое время. Прошло целых три месяца, а он так и не выходил из внутреннего отделения. Севаки опасались, выйдет ли он снова или продолжит пребывать в этом состоянии глубочайшей медитации до тех пор, пока не будет достигнуто махасамадхи (совершенное состояние освобождения от тела). Однако через три месяца он появился за пределами гухи. Это было, насколько можно было заключить из его внешнего поведения, завершение его добровольно спланированной садханы. После этого не существовало никаких определенных правил в отношении его пребывания внутри гухи или за ее пределами. Разница между внешним и внутренним, возможно, исчезла из его сознания на этой стадии. Он достиг состояния авадхуты, к которому так усердно стремился. Теперь он достиг той стадии, на которой мог наслаждаться блаженством транса в бодрствующем состоянии, он мог находиться в безмятежном общении с Абсолютом, даже ведя беседы о мирских делах с мирскими людьми.

Глава 7. Взгляд сквозь завесу (краткий обзор его садханы)

Ни один биограф, вероятно, не сможет дать подробный отчет о технических процессах и методах духовной самодисциплины, применяемых йогиним для реализации своего высшего идеала, об испытаниях и трудностях, с которыми он сталкивается на разных этапах своего духовного путешествия, и о разнообразных путях и средствах, к которым прибегает, чтобы преодолеть их, или описать внутренние радости и печали, особые чувства и импульсы, оккультные видения и чудесные происшествия, переживаемые им на определенных этапах своего саморазвития. Эта самая важная глава в жизни истинного йогина всегда остается во тьме. Это верно в отношении всех величайших религиозных учителей мира. Мы восхищаемся, обожаем их и следуем за ними

после того, как их жизни озаряются Божественным Светом, но очень мало знаем о конкретных путях и средствах, с помощью которых они сделали себя достойными этого. Подробности садханы, ободряющие и обескураживающие переживания, через которые йогин шаг за шагом поднимается к стадии осознания Истины и совершенного самоудовлетворения, обязательно остаются его секретом. Спрашивающие могут знать ровно столько или так же мало, сколько ему заблагорассудится разгласить в ходе наставлений другим.

Глубокое молчание Гамбхирнатха о его собственных усилиях и достижениях, даже когда он принял обязанности духовного учителя, было неприступным. Даже в своей обычной речи он редко употреблял «первое лицо единственного числа». Исходя из направленности его наставлений тем, кто искренне и ревностно искал руководства для продвижения по пути духовности, и по свидетельствам некоторых других святых, которым выпала редкая привилегия время от времени наблюдать и слушать его в период садханы, мы смогли составить лишь общее представление о способах его самодисциплины – йогических методах, принятых им для удовлетворения своего духовного стремления.

Гамбирнатх был посвящен в систему йоги школы Натха-йогинов, основанной Горакхнатхом. Он всегда называл себя смиренным последователем и слугой Горакхнатха и вместе с другими верил, что Горакхнатх был воплощением Шивы. Он никогда не расставался с отличительными символами традиции, такими как кундалы (кольца) в ушах и нада на груди. Нет никаких свидетельств того, что он хоть раз обращался к какому-либо религиозному учителю, принадлежащему к другой школе, с просьбой перенять какой-то иной метод духовной дисциплины. Исходя из этого, можно обоснованно утверждать, что методы садханы Гамбхирнатха были в основном, если не исключительно, основаны на системе йоги Горакхнатха.

Итак, йога-система Горакхнатха – это всеобъемлющая система духовной культуры, состоящая из (1) системы этической и социальной дисциплины, (2) системы религиозного и церемониального поклонения, (3) системы регулирования, контроля и подавления физических, витальных и ментальных функций и развития сверхъестественных сил тела, чувств и разума, а также (4) системы философского поиска Истины и прогрессивного осознания Истины. Баба Гамбхирнатх обычно делал акцент на каждом из этих аспектов йоги, но он предостерегал своих учеников-мирян от неразумного принятия третьего аспекта, поскольку он требует особого физической и умственной подготовки, квалифицированного руководства и исключительной преданности практикам в течение длительного периода при благоприятных условиях окружающей среды. Он сам прошел все эти этапы дисциплины. От природы он был наделен телом и умом, специально приспособленными для практики эзотерической йоги. Возможно, из-за своего продвижения по пути йоги в предыдущем рождении он родился в этой жизни с необычайными физическими и умственными способностями и сильным внутренним стремлением достичь конца этого пути. Возможно, по той же причине его прогресс в практике йоги был необычайно быстрым.

Он отрекся от своего дома и общества и ушел в монастырь в Горакхпуре с таким сильным отвращением (вайрагья) к мирским интересам и таким жгучим рвением к осознанию Бога, что он избавился от всех нечестивых желаний и моральных нечистот почти без каких-либо сознательных усилий. Практика ямы и ниямы как в их отрицательных, так и в положительных аспектах была для него почти естественной. Правдивость и любовь, безвредность и бескорыстие, сдержанность и целомудрие, прямолинейность и бесстрашие, терпение и настойчивость, удовлетворенность

мирскими заботами и неукротимая решимость к духовной самореализации, способность переносить всевозможные трудности ради благородного дела и неустранимая вера в конечный успех серьезных и искренних усилий – было очевидно, что все эти моральные добродетели, которые делают человека пригодным для практики эзотерической йоги были адекватно развиты в его характере даже в тот период, когда он находился в храме Горакхнатха в компании своего Гуру и других аскетов. Наряду с этим он отличался глубокой преданностью. У него было врожденное почтение к Богам и Богиням, которым поклонялись на протяжении веков и тысячелетий в индуистском обществе, и он твердо верил в эффективность всех форм поклонения, предписанных авторитетными священными писаниями.

Даже на самой ранней стадии его садханы его духовные идеи были достаточно утонченными и развитыми, чтобы смотреть на всех Богов и Богинь как на разнообразные проявления с различными именами и формами одного и того же Верховного Божества – единого недвойственного Господа и Вселенской Души – Ишвары, Параматмы, Брахмана. Идея абсолютного единства Бога наряду с верой в множественность Божественных проявлений преобладает в ментальной атмосфере индуистского общества, и каждый мальчик или девочка впитывает ее без каких-либо книжных знаний или философских размышлений. Искатель истины, движимый внутренним духовным побуждением, все более интенсивно направляет свое внимание и энергию на осознание единства Божественного и становится все более безразличным к множеству имен и форм, в которых Он феноменально проявляет Себя. Но индуистский садхака, даже на своих высших стадиях духовного просветления, не игнорирует их полностью и не смотрит на них с какой-либо враждебностью или презрением. Он выражает почтение одному и тому же Абсолютному Духу во всех разнообразных именах и формах, а также в различных методах, предписанных шастрами. Членов ордена натха-йогинов с самого начала учат поклоняться единому Богу – недвойственному Абсолютному Духу – с преданностью и любовью в формах различных Божеств, в образах Богов и Богинь, в символах различных Сил, действующих в явлениях и регулирующих их природу, а также как бесформенной идеи Высшей Духовной Реальности. На самой начальной стадии своей садханы Баба Гамбхирнатх научился культивировать искреннюю любовь, преданность и почтение к высочайшему, доброму, истинному и прекрасному, в высшей степени справедливому, любящему и милосердному, Всемогущему, Всеведущему и Вездесущему Абсолютному Духу – Создателю, Хранителю, Правителю и Разрушителю бесчисленных конечных существ и бессмертной Души их всех. Он практиковал искреннюю молитву, служение и поклонение Ему в формах воплощенных Божеств, бестелесных Сил или Духов, прославленных духовных идей, а также как всепроникающей Духовной личности. Он соблюдал правила церемониального богослужения с сильным стремлением к духовному совершенствованию; он стремился к прямому соприкосновению с Духом внутри и за формами и воплощениями; он хотел извлечь максимальную духовную пользу от внешних способов богослужения. Формальное и ритуальное поклонение было для него необходимым шагом для очищения тела и ума, для развития личных отношений с Высшим Духом, для развития любви, преданности и духа служения Господу, а также для усиления чувства, что Господь всей существующей вселенной близок к нам, доступен нашим органам восприятия, отзывчив к нашим чувствам и милосерден и ласков к своим созданиям.

Признавая эффективность формального и ритуального поклонения и сам практикуя его на ранних стадиях своей садханы для развития бхакти, или любви и преданности Божественному, Баба

Гамбхирнатх придавал особое значение джапе и дхьяне, то есть неслышному повторению Божественного Имени и размышлению о его духовном значении. В дальнейшей жизни он обычно предписывал искателям бхакти несколько форм джапы, каждую из которых он, очевидно, практиковал сам. Эта джапа включена в Мантра-йогу и представляет собой ее важнейший аспект. Во-первых, какое-нибудь священное имя Божества, Шива, Кали, Кришна, Хари, Рама, Бхагаван, Васудева, Параматма, Брахма или любое другое имя может быть взято у Гуру, который наполняет это имя своей собственной духовной силой и передает его через уши внутрь сердца ученика. Это имя обычно дается в такой форме, которая включает в себя истинное представление о Божественном и подразумевает подлинное отношение садхаки к Нему. Путем добавления какого-либо подходящего слова или словосочетаний к Имени оно, как правило, преобразуется в мантру или мистическую формулу, которая передает смысл того, что садхака должен стремиться отдать себя, свое «я» и «мое» и тем самым отождествить себя с Божественным Духом, который является Самостью его «я», Правителем его судьбы, Господином его тела, разума и души, создающим, поддерживающим и разрушающим Вселенную, самым совершенным идеалом истины, красоты, благодати, чистоты, любви и блаженства.

Мантру нужно повторять про себя, и ее внутреннее значение должно постоянно запечатлеваться в сердце и интеллекте. Если этот вид джапы практиковать день за днем с каждым дыханием, вдохом и выдохом, как учил Баба Гамбхирнатх, этого будет достаточно для одухотворения и обожествления всего существа садхаки и отождествления его индивидуального эго с Божественной Душой. В учениях выдающегося религиозного учителя и реформатора Бенгалии Махатмы Виджайкришны Госвами записано, что он впервые получил урок «Нама-джапы с каждым дыханием» от Бабы Гамбхирнатха и испытал удивительную эффективность этого процесса в своей собственной жизни.

Баба Гамбхирнатх учил некоторых из своих учеников той же садхане в другой форме, форме, которая называется «аджапа» в Йога-шастрах. Говорят, что человек естественным образом вдыхает и выдыхает двадцать одну тысячу шестьсот раз в течение каждых двадцати четырех часов. Этот естественный процесс вдоха и выдоха был истолкован йогами как втягиванием дживой (индивидуальной души) Вселенной или Вселенской Души в себя и ее выход во Вселенную и объединение себя с Вселенской Душой. Предполагается, что «я» садхаки выходит со звуком хам (что означает «ахам» или «я» или «эго»), чтобы слиться с Вишватмой или Параматмой (Высшей Вселенской Душой или Высшим Духом), и снова входит со звуком Са (что означает «Он», или Вселенская Душа, или Высший Дух), как бы вбирая Ее в себя. Таким образом, утверждается, что при каждом вдохе непрерывно происходит естественная попытка объединения внутреннего с внешним, части с целым, индивидуального с Вселенским, эго, привязанного к телу, с вечно освобожденным Духом, дифференцированным феноменальным сознанием с всеобъемлющим, ноуменальным. Садхаке предписывается обращать внимание на каждое дыхание и размышлять о его духовном значении. Без каких-либо усилий по принудительному давлению, подчинению или удлинению естественной дыхательной функции садхака должен только следить за тем, чтобы ни один вдох не проходил незамеченным, и пытаться помнить и чувствовать единство между собой и всепроникающим Божеством, истину которого каждый вдох и выдох нашептывает его сердцу. Эта Аджапа-йога, по-видимому, была очень дорога Бабе Гамбхирнатху. Иногда он повторял мнение, выраженное самим Горакхнатхом в его Горакша-шатаке, а именно: «никакая другая видья (знание), никакая другая джапа, никакая другая джняна (прозрение) не могут сравниться с этой

аджапой! Когда, в результате продолжительной и устойчивой практики аджапы истина единства «я» с Брахманом, Дживы с Шивой, осознается на духовном опыте, тогда все вожеление, ненависть, злоба, страх, беспокойство и неугомонность исчезают, и блаженство сознания самореализации переживается в **сердце»**.

Третья форма джапа-йоги, по-видимому, также была любимой Бабой Гамбхирнатхом и, должно быть, тщательно практиковалась им. Согласно Йога-шастрам, в самой глубине человеческого сердца находится непрерывный, неразрывный, непронизведенный звук Ом (Пранава), который рассматривается как звуковое воплощение Брахмы. Это называется Анахата-Нада (т.е. звук, который не возникает при ударе одной вещи о другую, который не имеет природы вибрации плотного воздуха, который не разбивается на части, у которого нет подъема и спада, возникновения и разрушения). Считается, что это проявленное присутствие Брахмана или Абсолютного Духа в звуковой форме (Шабда-Брахман) в сердце каждой Дживы. То, что находится в пинде (индивидуальном теле), также находится в брахманде (вселенной). В сердце вселенной также присутствует подобная Анахата-нада, Нада-Брахман или Шабда-Брахман. Нада в сердце индивидуума по существу идентична наде в сердце вселенной, и то и другое является проявлением Абсолютного Духа в форме одного вечного спокойного звука (флейты Шри Кришны). Именно из этого самораскрывающегося бесконечного и вечного Звука происходят все преходящие, разнообразные звуки, и именно в этом Звуке все они, в конечном счете, сливаются. Эта Анахата Омкара, этот ничем не порожденный, недифференцированный, бессмертный, всеобъемлющий сладостный звук Ом (Пранава) — это вечное Имя Брахмана и оно тождественно Ему. Совершенное погружение ума в эту Анахата-наду ведет к осознанию Брахмана. Садхака, стремящийся к осознанию Бога, должен сосредоточить свое внимание на Анахата-наде, которая поначалу осознается довольно смутно и ее присутствие в сердце предполагается лишь теоретически. Он должен предпринять интенсивный поиск этой нады, и это называется наданусандхана. Он должен открыть и осознать это в самой сокровенной глубине сердца. Поскольку сердце является вместилищем желаний, впечатлений от прошлых поступков и способности к эгоизму, которые создают различного рода вибрации и беспорядки, нада не может быть услышана и пережита в обычных условиях жизни. Они должны быть преодолены постоянной и продолжительной практикой, в теле и уме должна быть создана спокойная и чистая атмосфера, непрерывный поток внимания должен быть направлен на тонкую музыку нады, чтобы она, это звуковое проявление Верховного Господа – могла стать объектом непосредственного переживания. Если это переживается в собственном сердце, то это может быть пережито и в самом сердце Вселенной.

В качестве эффективной помощи в поиске нады и концентрации на ней иногда прибегают к Пранава-джапе. Устойчивое и продолжительное произнесение Пранавы (например, О-О-О-м-м-м), в чем-то похожее на имитацию Анахата-нады, с тщательно закрытыми глазами и ушами и культивирование внимания к этому звуку, очень полезно в процессе садханы. Для того, чтобы услышать внутренний звук, садхака должен предотвращать проникновение внешних звуков в свои уши и наполнять окружающую его атмосферу сладким монотонным звуком Пранавы (произносимым им самим), аналогичным внутренней Анахата-наде. Ночная тишина, безмолвие уединенных лесов и горных пещер и т.д. благоприятны для практики. Когда садхака приобретает опыт в этой практике, он может создать для себя тишину даже посреди шумной толпы силой своей абстракции и концентрации.

Но препятствия приходят не только извне, но и изнутри тела. Когда внешние звуки отключены и ум ищет наду внутри, он шаг за шагом слышит внутри себя великое множество звуков, таких как бой барабанов и грохочущих облаков, звон маленьких колокольчиков и раковин, жужжание черных пчел, музыку флейты, скрипки и других звуков. Но ищущий Анахата-наду не должен останавливаться на достигнутом. Он должен проявлять безразличие ко всем этим переживаниям, какими бы восхитительными они ни были, и продолжать свой поиск, все глубже и глубже концентрируя свое внимание. Все подобные переживания и удовольствия, вытекающие из них, и даже мистические силы, которые могут развиваться в ходе практики, следует рассматривать как отвлекающие факторы. Преодолев их, ум, в конечном счете, вступает в прямой контакт с Анахата-надой и озаряется истиной, воплощенной в ней. Для достижения устойчивости и стабильности на этой стадии требуется длительная практика, в противном случае мирские потрясения могут снова отодвинуть этот опыт на задний план. Когда ум находится в гармонии с Анахата-надой, вся вселенная становится сладким потоком духовной музыки для его восприятия. Все, что слышится в этом мире, звучит как особая нота этой музыки. Посредством более глубокой медитации ум полностью объединяется с надой, которая по сути тождественна Брахману, Абсолютному Духу.

Эта нада-йога, которая является великолепной формой джапа-йоги, занимает очень важное место в системе садханы разработанной учителями традиции Натха-йогинов, и Баба Гамбхирнатх был известен как совершенный адепт этой формы духовной дисциплины.

Что касается того, насколько глубоко Баба Гамбхирнатх практиковал сложные методы хатха-йоги, нам очень трудно оценить это. То, что он установил совершенный контроль над своими физическими, витальными и ментальными функциями, было признано всеми людьми, которые имели хоть какое-то представление о таких вещах. Но насколько это было результатом его бхакти-садханы и джняна-садханы – практики преданности Господу, джапы Его Имени, абсолютного предания себя Ему, глубокой медитации на его трансцендентный и всепроникающий характер и совершенное осознание высшей истины о себе, о Вселенной и Верховном Господе, – и насколько это было достигнуто с помощью практики хатха-йоги, по этому поводу нельзя высказать определенного мнения. Среди великих современных святых, от которых можно было бы ожидать сформированного суждения на основе некоторого более глубокого духовного прозрения, существовало общее мнение, что Баба Гамбхирнатх был идеальным йогиним, достигшим высшей стадии самореализации на пути йоги. Еще до того, как Баба Гамбхирнатх стал известен как учитель и проводник духовности, Махатма Биджойкришна Госвами, великий религиозный учитель с глубоким духовным прозрением и заслуженной славой, обычно упоминал о нем, говоря: «Здесь был йогин, который приобрел благодаря своей необычной йогической практике Божественную силу создания, управления и разрушения этого мира в мгновение ока, и который, достигнув высшей ступени знания (джняна), могущества (шакти) и господства (айшварья), теперь жил в мире как совершенное воплощение любви, мира и сладости (мадхурья)...».

Йога в узком смысле, изложенная Горакхнатхом и его прославленными последователями, состоит главным образом из шести частей (шаданга), а именно: асана (устойчивость позы), пранаяма (контроль жизненных потоков), пратьяхара (отвлечение чувств и ума от мирских объектов), дхарана (концентрация ума на выбранных идеалах или объектах стремления), дхьяна (непрерывная медитация) и самадхи (транс или самоидентификация с идеалом). Их практикуют все серьезные йогини, и не может быть никаких сомнений в том, что Гамбхирнатх прошел через все эти процессы. Эти шесть процессов составляют шесть частей одной органической системы,

которая называется йога-садхана и предназначена для реализации высшего идеала жизни, а именно: полное освобождение от всех печалей, уз и ограничений посредством одухотворения всего существа садхаки и непосредственного переживания единства индивидуальной души с Высшим Духом, Дживы с Шивой. Поскольку все шаги направлены на достижение одного окончательного идеала, конечная ценность каждого должна определяться его вкладом в процесс реализации этого идеала, а полезность и эффективность каждого предыдущего шага должны измеряться его пользой, необходимостью и помощью в практике последующих шагов. Соответственно, асану следует практиковать с учетом практики пранаямы, пратьяхары, дхараны, дхьяны и самадхи, поскольку здоровье и уравнивание тела необходимы для успешной практики этих высших процессов. Аналогичным образом, пранаяма, или контроль внутренних органов, нервной системы и жизненно важных функций посредством надлежащей регуляции процессов дыхания, должна практиковаться с целью сделать весь психофизический организм в высшей степени пригодным для культивирования высших форм дхараны, дхьяны и самадхи. Пратьяхара или отрешение чувств и ума от всех преходящих объектов естественных желаний практикуется не ради нее самой, не просто для того, чтобы сделать ум пустым и не от мира сего, но для приобретения все большей и большей способности концентрировать внимание на высшей духовной истине, на высшей цели человеческой жизни. Дхарана, дхьяна и самадхи обладают присущими им ценностями в йога-садхане, если они делают конечную истину, Высший Дух, объектом концентрации, медитации и самопоглощения. Это не три разных процесса. Дхарана, когда она становится достаточно глубокой, и продолжается непрерывно в течение какого-то периода времени, развивается в дхьяну, и когда дхьяна благодаря практике становится настолько глубокой, что сознание различия между субъектом и объектом исчезает, не остается никаких сознательных усилий для осознания истины, индивидуальная душа полностью поглощается прямым проникновением в объект своего поиска и чувствует себя отождествленной с последним, затем это развивается в самадхи.

Дхарана, дхьяна и самадхи для достижения цели истинной йоги и полного освобождения человеческой души от невежества, печали, рабства и ограничений предполагают концепцию Высшего Духа, Абсолютной Реальности, Высшей истины индивидуальной души и Вселенной. Это понимание должно быть приобретено путем тщательной вичары (метафизического рассуждения), основанного на наставлениях Гуру и записанных реализациях Видящих истину учителей древних и современных времен. Концепция, сформированная через вичару, преобразуется в прямую интуицию или осознание через дхарану, дхьяну и самадхи в той мере, в которой благодаря длительной практике этих высших форм самодисциплины феноменальное сознание, являющееся вмещателем осознания, становится совершенно чистым, спокойным и прозрачным, и самосветящаяся истина отражает в нем свой собственный трансцендентный вечный характер и иллюстрирует всю свою природу. Самадхи, если оно не основано на вичаре и не поддерживается ею, не является надежным проводником к истине, потому что концентрация может практиковаться на неправильных представлениях, и вичара также без самадхи не может привести к прямому осознанию истины, потому что из-за нечистоты и непостоянства сознание может не полностью идентифицировать себя с истиной и не оставаться поглощенным ею.

Баба Гамбхирнатх, как искренний и ревностный искатель истины, должно быть, спланировал всю свою йога-садхану с целью прямого постижения Абсолютной Истины и совершенного погружения в нее. Соответственно, он, вероятно, уделял гораздо больше внимания систематической вичаре

или рациональному размышлению о природе истины, которое, как он говорил впоследствии, составляло суть раджа-йоги, а также дхаране, дхьяне и самадхи, потому что они делали истину полностью его собственной и вели к абсолютной поглощенности (*linga*) в ней. Практика вичары, вайраги, дхьяны и самадхи, по-видимому, занимала центральное место в его йога-садхане. Это все, что можно было определенно заключить из того, что слетало с его уст во время наставлений ученикам.

Но осознание истины, или самореализация, или Богореализация не обязательно подразумевает приобретение таких мистических или чудесных способностей – контроль над силами природы, сверхчувственное видение прошлого, будущего и отдаленных фактов феноменального мира, способность творить чудеса и совершать сверхчеловеческие деяния и т.д. – как все это приписывалось Бабе Гамбхирнатху современными святыми и почитателями, у которых была возможность внимательно наблюдать за ним и которые обладали компетенцией составить истинную оценку его внутреннего характера. Хотя он очень редко давал какое-либо внешнее выражение своим сверхъестественным способностям, этих немногих исключительных случаев было достаточно, чтобы продемонстрировать внимательным наблюдателям, что он обладал ими в огромной степени. Что было самым поразительным и прекрасным в его характере, по словам многих известных религиозных учителей, так это то, что он не только обрел способность управлять всеми силами природы и перестраивать мир, так сказать, в новой форме, если ему так хотелось, но и то, что он также достиг мудрости и могущества держать все эти мистические силы под своим полным контролем и приводить их в соответствие с благим течением событий, как предписано вечным Господом всех йогин. Его воля отождествлялась с волей Господа, его разум и сердце в мудрости и любви подчинялись вселенскому Разуму и Сердцу, он всегда наслаждался красотой хода событий во вселенной Господа и никогда не был встревожен кажущимся безобразием или тяжестью конкретных явлений, происходящих рядом с ним, настолько, чтобы желать им иного и прилагать любые усилия своей воли для изменения их курса. В последние годы своей жизни, когда он был окружен учениками и почитателями, последние иногда обращали его сострадательное внимание на нежелательные события, происходившие рядом с ним, и просили его вмешаться. Было слышно, как в таких случаях он отвечал своим характерным мягким тоном: «Должен ли я восстать против воли Господа?» Но в исключительных случаях любовь и сострадание, казалось, брали верх над его отношением незаинтересованного наблюдателя за игрой Господа в Его вселенной, и воля, которую он проявлял и выражал, конечно, как орудие Господа, казалась другим приводящей к чудесным результатам. Однако благочестивые, ищущие истину люди, которые вступали с ним в тесный контакт, а также святые, обладавшие духовной проницательностью, позволяющей проникнуть в то, что скрывалось за его совершенно неподвижным телом и умом, были одинаково убеждены и одинаково непоколебимы в своем утверждении, что Баба Гамбхирнатх обладал «бесконечными йогическими силами».

Некоторые из так называемых оккультных способностей развиваются в ходе обычного духовного прогресса благодаря концентрации и утончению физической и психической энергии, что должно практиковаться каждым духовным искателем, независимо от того, выбирает ли он путь бхакти, джняны или йоги (в узком смысле). Есть много сил, которые скрыты в каждом человеке, но о которых обычный человек обычно не знает, потому что они рассеиваются по различным неправильным каналам желаниями и страстями, которые обычно влияют на деятельность людей. Если контролировать желания и страсти, тщательно культивировать правдивость и чистоту в

мыслях, речи и действиях, сознательно концентрировать физическую и умственную энергию на некоторых выбранных объектах и проявлять самоограничение во всех жизненных делах, тогда сила воли и мышления безмерно возрастают и иногда они становятся способны совершать поступки, которые обычным мирским людям показались бы чудесными или сверхъестественными. С духовным прогрессом эти способности становятся все более и более свободными от уз и ограничений, все более и более непреодолимыми для внешних сил, все более утонченными и просветленными, и на определенных стадиях обычные люди рассматривают их как превосходящие законы феноменальной природы. Эти сверхъестественные силы, проявляющиеся в формах оккультного видения и чудесных действий, на самом деле являются ничем иным, как естественными силами, присущими человеческой душе, которые обычно не проявляются, но которые раскрываются, когда устраняются препятствия.

Но есть много скрытых сил, или вибхути, которые не проявляются без специальных йогических практик. В Йога-шастрах упоминаются и описываются различные йогические процессы, успехи в которых приводят к особым вибхути, особым формам сверхъестественных и сверхчеловеческих сил, а также к сверхчувственному и супраментальному знанию. Горакхнатх и его последователи, хатха-йогины, значительно развили этот аспект йоги. Они экспериментировали и изобрели различные виды асан, пранаям, мудр и разнообразные практики путем их сочетаний. Для культивирования глубокой концентрации физической и ментальной энергии, для достижения совершенного господства над телом и умом, для развития различных сверхъестественных сил, знания и воли они практиковали и изобретали множество форм асан, мудр, бандх, пранаям, дхаран и дхьян и предлагали стать свидетелем удивительных результатов этих процессов. Для того чтобы сделать внешние и внутренние органы тела и нервную систему идеально здоровыми, чистыми и пригодными для высших йогических процессов, было предписано множество вспомогательных техник, таких как дхаути (очищение внутренних и внешних органов), бастии (попеременное сокращение и расширение определенных мышц для очищения желудка и кишечника), нети (процесс очищения пути, посредством которого соединяются нос, глаза, уши и горло), лаулики (специальные упражнения для живота), тратака (процесс фиксации взгляда на тонких предметах и увеличения силы зрения), капалабхати (способ устранения дефектов капха-доши или слизи в теле) и т.д. Каждое из этих упражнений имеет различные формы. Благодаря их практике развиваются всевозможные силы. Более того, говорят, что особые формы дхараны, дхьяны и самадхи – глубокой концентрации ума на определенных видах объектов – раскрывают исключительные виды мистического видения и чудесных сил.

Учителя говорят нам, что существуют йогические практики, с помощью которых йогин может стать совершенным мастером всех процессов в эволюции Пракрити, он может, по крайней мере, теоретически приобрести силу создавать и разрушать мир. Существуют способы, с помощью которых йогин может достичь такого интуитивного прозрения, чтобы видеть все вещи, все явления прошлого, настоящего и будущего, слушать и понимать значения звуков, издаваемых всеми живыми существами, даже мельчайшими насекомыми, непосредственно узнавать мысли, чувства и желания всех существ. Это означает, что его внутреннее сознание становится удивительно свободным, освобожденным от всех уз и ограничений, которые обычно налагаются на него временем и пространством, особыми чувствами и дискурсивным разумом, желаниями, страстями и предрассудками, а также общепринятыми эмпирическими способами познания, которые йогин находит истинно отраженными в своем сознании, на что он обращает свое

внимание и на чем его концентрирует. Поскольку индивидуальное сознание, по сути, находится в единстве с вселенским Сознанием, которое пронизывает, освещает и объективизирует все конечные умы, материальные объекты и события, то первое обладает врожденной способностью находиться в непосредственном контакте со всем, что присутствует во втором, и эта потенциальная возможность реализуется посредством соответствующих йогических практик. Утверждается, что существуют йогические процессы, с помощью которых садхака может победить смерть не только в духовном смысле, но даже в эмпирическом смысле увековечения физического тела; он может подняться над физическими законами и силами и одухотворить все свое физическое существование.

Многие современные святые и йогины, которые сами время от времени проявляли различные виды мистических прозрений и способностей и тем самым очаровывали удивленных людей, открыто признавали превосходство Бабы Гамбхирнатха не только в плане духовной самореализации, но и в плане сверхъестественных сил, сиддх или вибхути. Они утверждали, что Баба Гамбхирнатх был непревзойденным йогиним, он был не только святым с совершенной духовной реализацией (просветлением), но и совершенным адептом специальных йогических практик, обладающим непостижимыми способностями творить чудеса, и даже изменять ход природы. Мы, которые могли наблюдать за его жизнью только со стороны и с эмпирической точки зрения, не компетентны ни подтверждать, ни опровергать свидетельства этих великих личностей, обладавших глубоким духовным прозрением. Внешне Баба Гамбхирнатх был, по крайней мере, в последние дни своей жизни, когда у нас была возможность увидеть его, человеком такого глубокого молчания и блаженного спокойствия, что едва ли какое-либо проявление его сверхъестественных сил и сверхчувственных видений можно было заметить извне. Его сиддхи или вибхути, возможно, были полностью переработаны и растворены в блаженном спокойствии его духовной самореализации и безмятежного наслаждения Божественностью внутри него самого. Однако, взглядываясь в манеру его поведения и читая между строк его учений, даже непрофессионал мог бы разумно заключить, что в некоторые периоды своей садханы он посвящал себя практике хатха-йоги и приобрел благодаря этому много сверхъестественных сил и опыта, и что, посчитав эти силы и переживания не имеющими большого фундаментального значения для постижения Абсолютной Истины, он стал относительно безразличен к специальным упражнениям хатха-йоги и направил всю физическую, витальную и интеллектуальную энергию, которую он чрезвычайно активизировал, утончал и делал непреодолимой благодаря им, на достижение единого идеала жизни, а именно: сознательное объединение индивидуальной души с Вечным бесконечным блаженным Абсолютным Духом, Высшей основой и сущностью, Господом и Самостью этой разнообразной вселенной. Имея в виду эту высшую цель, он, по-видимому, на более поздних стадиях своего духовного самообразования уделял наибольшее внимание таттва-вичаре (все более глубокому размышлению о природе Абсолютной Истины), таттва-дхьяне (все более глубокой медитации и самопоглощению в том, что было определено как высший трансцендентный характер Истины) и таттва-самадхи (совершенное самоотождествление с Абсолютной Истиной, как на уровне сознания, так и на уровне сверхсознания). Достигнув высшей стадии самадхи и получив благословение совершенного осознания истины, красоты, благодати и блаженства вечной и бесконечной Божественной природы внутри себя, он снова занялся практикой благородного духовного искусства низведения осознания высшего плана самадхи до ментального, витального и физического планов – планов обычного поведения в разнообразном феноменальном мире.

Как религиозный учитель, он неохотно посвящал своих учеников в технические практики хатха-йоги. Один из его учеников, прежде чем вступить с ним в непосредственный контакт, изучал и практиковал несколько методов хатха-йоги – нети, дхаути, мудры, бандхи и т.д. – и также приобрел с их помощью некоторые мистические силы. Чтобы глубже погрузиться в практику высших процессов хатха-йоги, он обратился к Бабе Гамбхирнатху, который считался величайшим из доступных ему йогов, и принял его как своего Гуру. Баба Гамбхирнатх сказал ему со свойственным ему спокойствием и серьезностью, что его можно было бы обучить некоторым таким тонким процессам хатха-йоги, систематической и успешной практикой которых он мог бы приобрести способности знать прошлое и будущее, видеть невидимые реальности, творить чудеса и жить в этом теле тысячу лет. Он показал ему некоторые тонкие процессы шат-чакра-бхеды (пронизывание шести чакр внутри тела и поднятия жизненной силы на высший духовный план, называемый сахасрарой). Дав ему некоторые подобные наставления о более глубокой садхане хатха-йоги, он добавил, что такие чудесные силы, или вибхути, незначительны для искреннего и ревностного стремящегося к осознанию Бога и совершенной самореализации. Следовательно, добавил он, вместо того, чтобы тратить так много времени и энергии из своего ограниченного запаса на попытки приобрести такие силы и славу, ему было бы желательно посвятить себя такой практике, которая непосредственно вела бы к самосовершенствованию и достижению единства с Богом. Ученик подчинился и отказался от своих старых практик и давно лелеемых амбиций. Гуру посвятил его в джапа-йогу, джняна-йогу и дхьяна-йогу, сказав, что если бы он мог практиковать их без перерыва, то смог бы достичь духовной цели в этой жизни.

Однажды, в ходе своих наставлений некоторым из своих учеников, он, между прочим, упомянул, что хатха-йога на самом деле не связана полностью или главным образом со сложными упражнениями для физических и витальных органов и развитием сверхъестественных способностей интеллекта и воли, но в ней существовали некоторые практики (обычно неизвестные обычным приверженцам системы), которые были удивительно эффективны для духовного просветления всего существа садхаки и осознания Высшей Истины. Но, по его словам, физические и умственные способности, необходимые для таких практик, были редкостью, и так мало йогов нынешнего века обладали тем количеством терпения, уравновешенности, преданности и веры, которые им требовались, что эти аспекты хатха-йоги были почти забыты за невостребованностью в культуре. Один из присутствующих учеников, который обладал крепким телосложением и сильной решимостью и уже разорвавший связь со своей семьей, чтобы полностью посвятить себя духовному пути, умолял Гуру о посвящении в эти эзотерические практики хатха-йоги, какими бы трудными они ни были, если, конечно, он сочтет его достойным их. Видя его очевидную серьезность, Гуру сначала дал ему авторитетный трактат о хатха-йоге для первоначального теоретического ознакомления с системой. Прочитав несколько фрагментов книги, ученик в течение нескольких дней утратил энтузиазм, украдкой оставил книгу на кровати Гуру и больше не повторил своего предложения пройти посвящение в хатха-йогу. Гуру, который с самого начала обладал более глубоким пониманием внутренней природы ученика, также хранил молчание и больше не поднимал этот вопрос. В соответствии со склонностями его характера и темперамента он наставлял его в джняна-йоге – пути совершенствования духовного знания.

Подобные инциденты, с одной стороны, показывали, что Баба Гамбхирнатх из первых рук был знаком с самыми сложными процессами хатха-йоги и в полной мере наслаждался их плодами, а с другой стороны, они указывали на то, что на высших стадиях духовного просветления он не

испытывал к ним особого интереса и не считал необходимыми для осознания Истины, которая была высшим благом жизни. Культивирование бхакти (Божественной любви) и джняны (Божественного знания) было тем, на чем он настаивал в ходе своих наставлений искателям истины.

Глава 8. На стадии дживанмукты

Период напряженной борьбы Бабы Гамбхирнатха за самореализацию, по приблизительным подсчетам, составил около тридцати лет. Из них первые несколько лет он прожил в храме Горакхнатха в присутствии и под непосредственным руководством своего Гуру, и это можно рассматривать как период его всесторонней подготовки к более глубокой йога-садхане. Его систематическая практика йоги началась в Банарасе. В Банарасе и Джунси он провел около шести или семи лет, в течение которых практически отрезал свою жизнь от мира и полностью посвятил себя четко определенному курсу самодисциплины, включающему культивирование бхакти, джняны и дхьяны наряду со вспомогательными процессами для достижения господства над телом, чувствами и разумом. Следующие шесть или семь лет он провел как странствующий аскет, и в течение этого периода он подвергался разнообразным физическим и природным условиям, как благоприятным, так и неблагоприятным, и, должно быть, упорно боролся за то, чтобы интенсивность его духовных поисков, а также равномерное течение созерцания и медитации, не подвергались влиянию окружающей среды. Последние двенадцать или тринадцать лет он провел в Капилдхаре, и это был период его наиболее систематической, интенсивной и непрерывной садханы высшего типа.

В результате этой садханы он достиг высочайшего состояния духовного переживания и стал совершенно Божественным человеком. Его стремления к истине, силе, красоте, чистоте, спокойствию, всеобщей любви и абсолютному блаженству, все те стремления, в которых заключалась его садхана, теперь достигли своей конечной цели. Он чувствовал, что его знания совершенны, его сила беспредельна, его любовь безгранична, его счастье ничем не омрачено, его чистота неподдельна, его спокойствие невозмутимо. Он полностью осознал, что эти идеалы, которые казались отличными друг от друга на низших планах стремления, на самом деле были едины на плане осуществления, и что они были вечно объединены в славной природе Божественного, который был не только Создателем и Правителем вселенной, но и истинной Душой всех созданий, истинным Содержанием всех вещей. Он осознавал Божественность как в себе, так и в объективном мире. Он ощущал себя воплощением Бесконечного Духа и смотрел на все во вселенной как на самовыражение Абсолютного Существа. Следовательно, все славные идеалы, к которым он стремился в своей трудной жизни, он считал полностью реализованными и объединенными в своем истинном «я». Соответственно, ему больше не к чему было стремиться, не к чему больше прилагать свою волю или энергию, не к чему больше стремиться или от чего отрезаться. Он испытал одну и ту же Реальность, один и тот же Дух в себе и во всех предметах. Поэтому он предстал как олицетворение спокойствия.

Совершенное спокойствие тела, чувств и ума было внешним проявлением внутренней самореализации. Его сознание всегда находилось на таком плане единства, мира, гармонии, любви и красоты, что ничто, никакое изменение внешних обстоятельств, никакое обращение, получаемое извне, никакие события в окружающей среде или даже в его собственном теле, не

могли создать никаких форм возбуждения или возмущения в нем. У него не было чувства эго как отдельного от других эго, – никакого чувства «я и мое», и, следовательно, никакого чувства личных интересов, отличных от интересов других. Мир был для него не материальным миром соперничества, страха и ненависти, а духовным миром покоя, гармонии, любви, единства и красоты. Видя или слыша, говоря или двигаясь, принимая пищу или питье, он действительно был свидетелем всепроникающего Божества, которое видело или слышало, говорило или двигалось, принимало пищу или питье через это конкретное воплощение Самого Себя. Он также наслаждался деятельностью других людей и явлениями природы в том же центре переживания. Он не был ни действующим лицом, ни страдающим, ни наслаждающимся, но это был единый Абсолютный Дух, который проявлял себя во всех действиях, наслаждениях и страданиях. Он всегда был в сознательном единении с этим Абсолютным Духом, Шивой, Брахманом – и смотрел на все дела мира как на игру Духа, лилу Шивы, самопроявление Брахмана. Как личность, он ни к чему особенно не проявлял интереса. Он даже не лелеял желания, чтобы что-то было предпочтительнее того, что есть.

Его физические черты, выражения глаз, языка и других конечностей были настолько полны спокойствия и нежности, такой гармонии и красоты, такой любви и сострадания ко всем, что, казалось, зримо отражали его внутреннее сознание. Казалось, они безмолвно передавали этому миру сладостное послание единства и согласия, всеобщей любви и братства, вечного мира и блаженства. Все его существо излучало духовность повсюду. Он не чувствовал в себе никакого порыва к какой-либо невыполненной миссии, никакого желания проповедовать или учить, никакой склонности чтобы занять должность религиозного учителя или духовного наставника, никакой тяги к оказанию какого-либо активного служения другим. Но само его присутствие действовало как духовный магнит и электростанция. Духовный свет, который ярко сиял внутри него, казалось, приглашал на свою сторону людей мира, страдающих от невежества, рабства и печали, чтобы осветить их сознание и активизировать их потенциальные возможности. Его глаза почти всегда были полузакрыты. Даже посреди толпы, казалось, что в его теле и уме течет непрерывный поток медитации. Само его появление, казалось, возводило прекрасный мост между феноменальным и духовным мирами, между постоянно меняющимся разнообразием и неизменным единством.

Достигнув этой высшей ступени духовной жизни, Баба Гамбхирнатх продолжал жить на холме Капилдхара в течение нескольких лет. Его присутствие там на том этапе постепенно превратило уединенный горный массив в маленький ашрам для садху и святое место паломничества для мужчин и женщин, испытывающих духовный голод. Там было построено несколько небольших хижин. Хотя он никого не принимал в качестве своих учеников, люди, искренне стремившиеся к истинной религии, естественно, были привлечены его духовной славой и стекались к нему, чтобы насладиться блаженством его общества и получить его безмолвные благословения. Некоторые садху, отречьшиеся от мира с целью духовного совершенствования, захотели жить рядом с ним и практиковать йогу под его руководством. Таким образом, там вырос ашрам, а Мадхолал Панда и еще несколько других последователей Натхджи взяли на себя расходы.

Мы уже дали общее представление о том, как он жил в этом мире и обращался с людьми. Здесь мы намерены привести несколько конкретных иллюстраций, чтобы немного прояснить идею.

Было обнаружено, что у Натхджи есть привычка, если термин «привычка» можно уместно использовать в его случае с курением. Когда сформировалась эта привычка, нам неизвестно. Если она сформировалась на более ранних стадиях его садханы, мы не можем себе представить, как она сохранилась в период его практики глубокой медитации, особенно когда он день и ночь был погружен в состояние транса на протяжении нескольких недель подряд. Однако в его состоянии дживанмукты способ его курения был впечатляющим. Как уже говорилось, его почти всегда находили в медитативном настроении, с устремленными внутрь глазами, с лицом, сияющим от внутреннего блаженства, с неподвижным телом. Не было никакой вероятности, что он когда-либо испытывал тягу к курению или какое-либо желание делать чего-либо еще. Но его бхакты и севаки горели желанием служить ему. Они готовили табак и клали *калки* (чилум или кальян) перед ним. Но, как правило, это не привлекало его внимания. Его глаза могли быть полукрты, но они были сосредоточены на чем-то внутри. Дымящийся калки не мог отвлечь его внимания. Казалось, он с теплотой ждал в нетерпеливом предвкушении благословенного прикосновения его пальцев и губ в течение нескольких минут. Но постепенно он терял надежду и тепло, и, в конечном счете, печальное разочарование делало его бледным и холодным. Севак был настойчив. Когда казалось, что его медитативное состояние несколько ослабевает, он готовил еще один калки табака и набирался смелости вложить его в руки. Пальцы могли автоматически взять его, но расстояние между ним и губами не сокращалось, потому что разум, отсутствующий там, не мог участвовать в этом вопросе. Процесс мог повториться три или четыре раза, потому что севак не мог насытиться, пока не заставлял своего Мастера вкушать радость курения. Благодаря таким неоднократным усилиям севака, Натхджи мог иногда быть сброшен со своего надмирского плана и вынужден приложить губы к пальцам, держащим калки, и втянуть дым внутрь. Но разум немедленно переходил в состояние транса. Калки в его пальцах мог продолжать испускать дым в непосредственной близости от его носа. Но где был он? Казалось, что, хотя его физическое тело мягко вдыхало атмосферу этого места, сам он ушел далеко от мира многообразия в вневременную и внепространственную область бесконечного мира, покоя и единства.

Давайте приведем еще одну иллюстрацию. После периода садханы его всегда сопровождали какие-нибудь садху. Их число иногда увеличивалось, а иногда уменьшалось. Среди них были мужчины с разным темпераментом. Некоторые из них искренне стремились к цели духовной жизни и искренне подвергали себя систематической йогической дисциплине. Были и другие, которые обладали тщеславием, эгоизмом, злобой, фанатизмом и узостью кругозора и не контролировали свой характер. Наблюдатели со стороны были поражены тем, что для Бабы Гамбхирнатха все они были равны, он к ним относился с одинаковой безграничной любовью и милосердием. Те, кто служили ему сердцем и душой, те, кто посвятили себя йогическим практикам, и те, кто тратили много своего времени и энергии на курение, разговоры и ссоры, а иногда серьезно нарушали покой ашрама, даже в выражении его лица не находили ничего, что указывало бы на то, что он испытывал разные чувства по отношению к ним: был доволен одними и испытывал отвращение к поведению других.

Иногда случалось, что невоспитанные и вспыльчивые так называемые садху настолько забывались, что их ссора перерастала в драку. Святая и мирная атмосфера, в которой даже свирепые животные нередко проникались духом ненасилия и уважали чувства и интересы людей и других животных, иногда не оказывала сколько-нибудь эффективного влияния на глубоко укоренившиеся дурное расположение духа этих человеческих существ, выдающих себя за садху и

окрыленных самонадеянностью отречения от мира ради духовности. Такие неловкие инциденты также не могли нарушить ровного течения медитации Йогираджа Гамбхирнатха. После какой-нибудь безобразной демонстрации сил зла, действующих внутри них, они обычно уставали и смирялись, и припадали к стопам Йогираджа. Вновь обретенное сознание присутствия Божественного человека заставляло их устыдиться своего бесчеловечного поведения. Он, вместо того чтобы произнести какое-либо слово упрека или выказать признаки отвращения, просто бросал на них взгляд полный очаровательного сострадания и иногда добавлял почти шепотом, что «это было совершенно неподобающим для садху», что «садху должны быть ненасильственными и контролировать свой характер», и что «они не должны даже думать о том, чтобы причинить какой-либо вред другим, или лелеять воспоминания о каком-либо вреде причиненном им другими». После этого его глаза и губы почти автоматически закрывались, и он снова впадал в состояние медитации.

Если бы какой-нибудь искренний садху или бхакта предложил изгнать таких вспыльчивых людей, которые портят моральную и духовную атмосферу места, из ашрама или из его компании, Йогирадж Гамбхирнатх в двух словах преподал бы ему урок о том, что «за большими умами, как и за большими телами, следует ухаживать с нежной заботой, а не с ненавистью, пренебрежением или изгонять из их убежища». Он также намекал, что Господь был истинным «я» этих людей не в меньшей степени, чем святых, и что, когда Господу будет угодно явить Себя в них в Своей нетленной совершенной славе, все эти кажущиеся загрязнения на поверхности их умов будут смыты, и они засияют в своем истинном сущностном характере как прекрасные воплощения Божественного. Ненавидеть их или испытывать отвращение к их обществу означало бы признание мимолетных кажущихся черт их характера действительно истинными, а также незнание или отрицание славного присутствия Господа как их истинного «я». Разглядите Божественное в этих людях и взывайте к нему, и Господь должен откликнуться изнутри них. Это было бы реальной моральной и духовной пользой, как для этих людей, так и для наблюдателей.

Когда богатые люди начали наносить визиты в ашрам и снабжать продуктами питания, одеждой и удобствами садху, которые находили там приют, внимание воров и жуликов также обратилось на него. В течение некоторого времени они причиняли определенное беспокойство садху. По ночам они забрасывали хижины камнями и пугали их. Они искали возможности забрать предметы из ашрама или отнять у садху их имущество. Так описал происшествие одной ночи Баба Гакулнатх, который тогда жил там. Он спал снаружи хижины, накрыв себя одеялом. Банда воров начала забрасывать его камнями, один из которых ранил его. Он проснулся и закричал. Вышли Баба Нрипатнатх и другие садху. Воры уже собирались убежать. Но тем временем Йогирадж Гамбхирнатх, услышав шум, поднялся со своего места и осторожно приблизился к ворами. «Почему вы бросаете камни и беспокоите садху?» Йогирадж мягко и ласково сказал ворами: «Вы можете, если хотите, забрать все, что найдете в ашраме». По его приказу Баба Нрипатнатх распахнул двери хижины. Воры были застигнуты врасплох. Они склонились перед необыкновенным Йоги и рассказали о своей бедности. Йогирадж сделал им знак забрать все, что было нужно. Они забрали небольшое количество риса, муки и дала, найденных там, вместе с несколькими одеялами и посудой. Прощаясь, они снова поклонились и попросили его благословения. Бабаджи сказал словами, полными сострадания: «Мои мальчики, вы такие бедные, этих продуктов совсем недостаточно для удовлетворения ваших потребностей, но вы можете снова прийти сюда примерно через две недели и получить такое же количество еды. Не угнетайте народ

понапрасну». Бедняки, казалось, обрели новую жизнь. Понутив головы, они ушли. На следующее утро пришел Мадхолал и, выслушав отчет, заменил утраченные продукты и предметы. Эти люди, страдающие от мук бедности, снова пришли в ашрам, но не как воры или растратчики. В их внутреннем мировоззрении произошли большие перемены, но у них не было честных средств к существованию. Йогирадж подал знак Нрипатнатху раздать им еду, предметы первой необходимости и одеяла. Они получили это как его благословения. В результате такого поведения по отношению к закоренелым ворами, расхитителям и проходимцам в жизни всех таких людей в окрестностях произошли радикальные перемены. Они устыдились своих привычек, отказались от них и стали вести честный образ жизни.

Баба Гамбхирнатх представлялся тем, кто приходил к нему, самим воплощением любви, ненасилия, доброты и спокойствия. Те немногие слова, которые он произнес, действия, которые совершил, инструкции, которые дал служителям и выражения, которыми выразил свои чувства по отношению к людям и существам, казались осязаемыми проявлениями этих качеств. Его поведение по отношению к свирепым животным, ужасным рептилиям, нечистым созданиям и маленьким насекомым также было пропитано любовью и нежностью. Было замечено, что он собственноручно кормил кошек и крыс, подавал змеям молоко, ласкал тигров и давал им еду. Он никогда не пользовался шелковой одеждой, потому что приготовление шелка причиняло бабочкам боль. Все это он обычно делал таким образом, чтобы не привлекать любопытства людей. Но подобные действия не всегда могли ускользнуть от внимания его севаков и посетителей, которым они, естественно, казались исключительными, и благодаря чьим рассказам они получили огласку.

Казалось, что все живые существа, будь то люди, звери, птицы или насекомые, которые жили рядом с его ашрамом или время от времени приходили в него, были его гостями, и что его прямой обязанностью как центральной фигуры в ашраме было обслуживать их всех с сердечным гостеприимством и заботиться об их физических потребностях. Что касается гостеприимства, то он установил идеал, которому должен следовать каждый добросовестный домохозяин. Он отметил, что, согласно указаниям шастр, гостеприимство является категорическим императивом для всех обитателей ашрама, будь то ашрам брахмачари, грихастхи (домохозяина), ванапрастхи (лесного жителя) или санньяси (нищенствующего). Он также указал, что гостеприимство не должно ограничиваться уважаемыми гостями, такими как брахманы, садху и другие высокопоставленные люди, и даже людьми в целом, но что оно должно распространяться на все создания, потому что Господь является Самостью каждого из них. Оказывая гостеприимство, он учил сохранять сознание присутствия Господа в гостях (каким бы ни был их внешний вид), а служение оказывать с чистым сердцем и преданным отношением, как во время поклонения Господу. В небольшом пространстве своей ашрамной жизни Баба Гамбхирнатх показал пример такого поведения.

В этом внешнем поведении он, по-видимому, проявлял некоторое равнодушие к бедным и находящимся в депрессии людям. Когда такие мужчины и женщины предлагали ему какие-либо предметы или услуги, какими бы незначительными они ни были, он, если только не был погружен в медитацию, обычно принимал их с очаровательным лучом божественной улыбки на лице. Когда они возносили какие-либо молитвы или рассказывали о своих нуждах, огорчениях или тяжелой утрате, он, казалось, слушал их с сочувственным интересом и иногда произносил несколько слов утешения и давал советы. Предметы, которые дарили ему его сравнительно богатые поклонники,

он обычно раздавал бедным людям. Иногда он заставлял своих богатых поклонников чувствовать, «что милосердный Господь появляется в облике этих бедных и страждущих мужчин, женщин и детей, чтобы принять их поклонение и проверить искренность их преданности, и что Ему более приятно, когда предложение пищи, одежды и кровя делается Ему в лице таких нуждающихся существ, нежели в виде изображений в храмах или святых, обладающих сверхъестественными способностями».

Как отрекшийся от мира Йоги, он, по-видимому, следовал определенным правилам поведения, которые предписывались священными писаниями. Одно из этих правил состояло в том, что йогин должен, насколько это практически возможно, избегать домов мирских людей. Было обнаружено, что Бабаджи соблюдал это правило даже на стадии аваххути. Похоже, он особенно тщательно следовал ему в отношении Раджей, Махараджей и других богатых людей, занимающих высокое положение в мире. По мере того, как рассказы о его исключительных духовных достижениях и экстраординарном поведении распространялись повсюду, многие такие выдающиеся люди становились его поклонниками и прилагали серьезные усилия, чтобы освятить свои дома пылью с его стоп. Его приближенные садху рассказывали, как в некоторых случаях Рана Удайпура, Махарадж Кашмира и некоторые другие правящие принцы предпринимали серьезные попытки во время его странствий по тем краям заполучить его в свои дворцы, и как со свойственной ему мягкостью поведения, но непоколебимой твердостью решимости он отказался выполнить их пылкие просьбы. Даже Мадхолал Панда, который посвятил себя служению ему сердцем и душой с самых ранних этапов своей жизни в Капилдхаре, который построил для его безмятежной медитации Йога-гуху и ашрам на холме и с радостью взял на себя не только почти все его расходы, но и расходы его севаков и гостей, не смог уговорить его войти хотя бы на один единственный день в его жилые покои.

Но и в этом вопросе он сделал исключение для нескольких бедных и попавших в беду людей. Однажды он пришел в дом своего бедного бхакты и севака Акку, когда он серьезно заболел. И не только пришел, но и постарался проявить немного чудодейственной силы. Ранее было упомянуто, что Акку вместе со своим братом Мунни и другими членами своей семьи были беззаветно преданы Йогираджу с самого начала его пребывания в Капилдхаре. Акку однажды был на волосок от смерти. В последний момент Мунни подбежал к Бабаджи и со слезами на глазах сообщил ему о великом бедствии. Он умолял сохранить жизнь своему брату или, по крайней мере, положить ноги на его голову во время его ухода из этого мира. Выслушав молитвы Мунни со свойственным ему молчанием, он спокойно встал со своего места и последовал за ним в его дом. К этому времени все признаки жизни полностью исчезли из тела Акку. Все члены семьи рыдали навзрыд над мертвым телом. Бабаджи сел рядом с телом своего преданного севака и нежно прикоснулся к нему пальцами. В теле снова появились признаки жизни. Бабаджи собственноручно влил немного воды ему в рот. Акку пришел в сознание, и его переполняла радость видеть рядом с собой Повелителя своего сердца. Некоторое время он лежал у его ног. Бабаджи велел его жене приготовить кхичари для его рациона и должным образом ухаживать за ним. Затем он вернулся в свой ашрам. Акку в мгновение ока полностью пришел в себя и снова посвятил себя служению своему Господину.

Было сказано, что в своей внешней жизни он никогда не действовал таким образом, который мог бы быть истолкован как проявление его мистических сил. Это также было одним из принципов поведения, которым он строго следовал. Но в случаях, подобных описанному выше, его глубоко

укоренившаяся любовь к бедным, страждущим, беспомощным людям иногда, казалось, заставляла его то тут, то там проявлять некоторые сверхъестественные и сверхординарные силы. При обычном его поведении никто не мог предположить, что он обладает какой-либо способностью творить чудеса. Люди видели его чудодейственную силу в его удивительной способности постоянно пребывать на надмирном плане, живя, двигаясь и действуя среди обычных людей этого мира, сохранять абсолютное спокойствие и блаженство своего ума посреди всевозможных тревожащих и провоцирующих обстоятельств и воздерживаться от утверждения своих полномочий в условиях, над которыми он имел полное право осуществлять контроль.

У нас есть определенные свидетельства о другом аспекте внешней жизни Натхджи. У него было тонкое эстетическое чувство. Его слух, казалось, был полностью натренирован для восприятия высших форм музыки, как вокальной, так и инструментальной. Он сам обычно пел бхаджаны (религиозные песни) под аккомпанемент сетара (струнный инструмент). Его ситар-музыка была самой очаровательной. Когда, где и на каком этапе своей жизни он получил это образование, неизвестно никому. Но с ним был ситар на этапе его садханы в ашраме Капилдхара. Ситар также был найден вместе с ним в храме Горакхнатха в конце его физической жизни. Бабу Моноранджан Гуха Тхакурта, знаменитый писатель и прославленный ученик Махатмы Виджойкришны Госвами, написал в небольшой брошюре: «Сидя на вершине холма Капилдхара в Гайе, Баба Гамбхирнатх глубокой ночью пел бхаджан, играя на сетаре. Услышав это с холма Акашганга, Госаинджи (Виджой Кришна Госвами) забывал о себе и своих спутниках и бежал один, как безумец пробирался через холмы и джунгли, через колючие кустарники и острые камни и оказывался в том месте, откуда лилась музыка». Другой выдающийся ученик Госаинджи, Бабу Наба Кумар Бисвас, написал: «Мы лежали на кровати в ашраме Акашганга. Лунная ночь была совершенно тихой и беззвучной. В час или два пополуночи мы внезапно были очарованы, услышав, как кто-то поет божественные песни на сетаре на вершине холма. Госаин привлёк наше внимание и сказал нам: «Слушайте внимательно: какую сладкую музыку Баба Гамбхирнатх предлагает Господу!» Иногда в ночи он (Госаинджи), очарованный этим музыкальным подношением, глубокой ночью в одиночестве бежал к Натхджи и возвращался через час или два. Однажды Тхакхур (наш Учитель) сказал: «Баба (Гамбхирнатх) – воплощение любви и святой, обладающий исключительно великими духовными силами, такого человека нельзя найти ниже Гималаев. Вы видите, что эти холмы населены тиграми, змеями и другими свирепыми животными, но все они очарованы ненасилием Бабы Гамбхирнатха. Бабаджи иногда ходит глубокой ночью с холма на холм, его пальцы двигаются по сетару, а ум поглощен бхаджаном Господа».

В течение примерно восьми или девяти лет после выполнения своей садханы его постоянным местом жительства был ашрам Капилдхара. Время от времени он совершал путешествия по различным святым местам Бхаратваршы. Было упомянуто, что в конце его садханы в Банарасе и Праяге, он путешествовал около шести или семи лет в качестве медитирующего странника, и значительная часть этого периода была потрачена на обход Нармады в глубоком медитативном настроении. В тот период он посетил много других мест паломничества, и каждое место он использовал для своего духовного продвижения. На стадии сиддхи он также посетил великое множество святых мест, конечно, без какого-либо мотива или желания, но по мере необходимости. В течение этого времени его обычно сопровождала группа садху. Их число иногда было небольшим, а иногда весьма значительным. Нет никакого хронологического отчета о его путешествиях, и даже названия всех мест, которые он посетил, установить не удалось. Из того, что

время от времени срывалось с его уст в ходе наставлений своим ученикам в дальнейшей жизни, и из рассказов садху, мы могли собрать названия нескольких мест. Он рассказал о четырех главных дхамах (местах пребывания или основного расположения Господа) и четырех главных Саровара (святых озерах), которые он посетил. Четыре дхамы — это Пури, Рамешварам, Дварака и Бадри-Кедар, а четыре Саровара — Нараян, Равал, Манас и Пампа. Из этого видно, что он путешествовал по всем частям Индии. Через Пашупатинатх, Муктинатх и Дамодар Кунду в королевстве Непал он отправился в самые труднодоступные священные места Кайлас и Манас Саровар и, вероятно, вернулся оттуда через Алмору. Когда в 1916 году два его ученика Сантинатх и Нивриттинатх выразили желание отправиться в паломничество на Кайлас и Манас Саровар и спросили его разрешения, он благословил их и дал подробное описание путей в оба этих места и обратно, а также проинструктировал их относительно образа жизни, который они должны вести на конкретных этапах своего путешествия. Амарнатх — еще одно очень труднодоступное место паломничества. Когда Бабаджи возвращался из того места во главе большого собрания садху, его увидел Баба Гокулнатх, который тогда был еще простым мальчиком и был привлечен к нему слухами о том, что мимо проходит раджа-садху (царственный монах) со своей свитой. Также доступны некоторые рассказы о его путешествии в Маникаран, Ганготри и Джамунотри. В восточных частях Индии он также побывал во многих местах, вплоть до Гангасагара. Он посетил многие центры Натха-йога Сампрадаи, которые разбросаны по всей Индии.

Он часто посещал Кумбхамелу, которая является величайшим и старейшим собранием святых Индии. Там он привлекал всеобщее внимание своим глубоким молчанием (конечно, без каких-либо клятв или искусственных усилий), а также своей глубокой любовью ко всем. Моноранджан Гуха Тхакурта написал небольшую книгу, рассказывающую о его опыте Пряяга Кумбхамелы в 1893 году. В этой книге он посвятил несколько абзацев Бабе Гамбхирнатху. Вероятно, это был первый случай, когда Бабаджи покинул холм Капилдхара после своего этапа садханы. Госвамиджи привел своих учеников к великому святому. Моноранджан Бабу, сопровождавший Госвамиджи, так писал про Бабу Гамбхирнатха: «То, как он услаждал сердца посетителей божественным ласковым взглядом, сопровождавшимся легким движением головы и небольшим очаровательным жестом, невозможно выразить словами. Он редко говорил. Все садху знали, что он сиддхапуруша. Он сидел в одной из частей мелы с большим собранием садху. Однажды богатый человек подарил ему пятьсот одеял. В то время Баба Гамбхирнатх был погружен в медитацию. Некоторое время спустя он открыл глаза и увидел кучу из одеял. Он сделал знак пальцами левой руки, и немедленно все одеяла были распределены между теми, кто нуждался в них больше всего».

Так проходили дни, месяцы и годы. Без какого-либо плана или замысла, мотива или решения, желания или отвращения, миссии или организации Йогирадх Гамбхирнатх, свободный от всех видов рабства, отстраненный от всех мирских дел, внутренне отделенный от всех, кем он был внешне окружен, продолжал глубоко наслаждаться трансцендентным Божественным блаженством, безмолвно являя перед теми, кому довелось соприкоснуться с ним, необычайный пример Божественной жизни в материальном теле и в различных физических и социальных условиях, спокойно распространяя духовный свет среди всех людей, высших и низших, богатых и бедных, образованных и неграмотных, добродетельных и порочных, и сладостно изливающий свои благословения и благотворительность на всех, кто в них нуждался. Возможно, какой-то Божественный план определил его случайные переезды из одного места в другое и сделал его идеальную благочестивую жизнь доступной как для верующих, так и для скептически настроенных

умов современности. У него самого, как у личности, и в мыслях не было выступать перед людьми в качестве религиозного учителя.

Однажды, в то время как он жил жизнью совершенной свободы, как с духовной, так и с мирской точки зрения, от монашеского ордена, к которому он внешне принадлежал, и от общественности Горакхпура поступил настойчивый призыв вернуться в храм Горакхнатха, ашрам своего Гуру, главный центр сообщества натха-йогинов, и принять на себя обязанности по управлению им и контролю. Неподобающее поведение Маханта, по-видимому, послужило поводом для вызова. Будучи выше всякого желания и отвращения, он уступил настоятельному требованию общины, и место его основного пребывания было перенесено из Капилдхара в Горакхпур.

Глава 9. Во главе монастыря

Шри Шри Баба Гамбхирнатх Джи был в то время общепризнанным величайшим святым традиции натха-йогинов. В обществе садху его почитали как Махапурушу, который, достигнув высшей стадии самореализации, жил в мире как дживанмукта. Он начал свою садхану в ранней юности в храме Горакхнатха в Горакхпуре под руководством Бабы Гопалнатха джи, тогдашнего настоятеля храма. С целью абсолютного посвящения себя садхане и достижения все более высоких уровней духовного опыта он покинул храм и обосновался на нескольких подходящих берегах рек, в джунглях и на холмах, в одном за другим, в разных частях Индии. После тринадцатилетней непрерывной практики в Капилдхаре, постоянного пребывания на высшем плане духовного сознания и совершенного преобразования божественного взгляда на себя и мир в свою собственную нормальную природу он стал воплощением духовности. Все его мысли, речь и движения были одухотворены. Он достиг совершенного спокойствия ума и тела. Сияние осознания истины и внутреннего блаженства озарило все его существование. Сомнения и трудности, радости и печали, желания и отвращения, ощущения нужности и несовершенства больше не могли иметь возможности приблизиться к его сознанию. Он смотрел на все изменения человеческого, животного и физического миров с одинаковым спокойствием и радостью, как на разнообразные проявления одного и того же Абсолютного Духа. Все это уже было отмечено в предыдущих главах.

Именно на этом этапе он был возвращен в храм Горакхнатха, внешне в силу обстоятельств, а внутренне по какому-то непостижимому Божественному плану. Для него теперь город Горакхпур и храм Горакхнатха очень мало отличались от холмов Гайи и пещеры в Капилдхаре. Он был поставлен во главе управления большим храмом и его имуществом. Он должен был заботиться о регулярном богослужении в храме, моральном и духовном благополучии, а также о физических потребностях и комфорте садху, сборе арендной платы, процветании жильцов, гостеприимстве по отношению к гостям и других работах, связанных с таким большим центром великой традиции. Он должен был стать духовным и культурным наставником, хранителем социального достоинства и нравственной чистоты большой религиозной общины, главой большой семьи садху с разнообразными темпераментами и характерами, а также Земиндаром (владельцем земли) довольно большого поместья. Легко представить, насколько несовместимой может быть такая позиция с положением человека, который провел большую часть своей жизни в уединенных пещерах и лесах, абсолютно отрешенный от всех мирских забот, и все это время жил жизнью созерцания и медитации и наслаждался блаженством глубочайшего духовного переживания. Но

он достиг того духовного уровня, на котором работа и медитация могли продолжаться вместе, на котором адаптацией и реакцией на изменяющиеся мирские обстоятельства можно было управлять таким образом, чтобы не создавать никаких помех в ровном медитативном потоке внутреннего сознания, на котором можно было наслаждаться безмятежной радостью одиночества в тишине посреди оглушительного рева враждующих толп, в котором все разнообразие внешнего опыта и все превратности внешней жизни представлялись внутреннему сознанию пропитанными красотой и сладостью мира «Единого без второго», сияющего во внутреннем опыте. Баба Гамбхирнатх с невозмутимым хладнокровием подчинился обстоятельствам, как только они возникли, и молча взял на себя все обязанности, связанные с должностью, к которой он был призван. Вернувшись от своей абсолютно неземной жизни в уединенных пещерах, холмах и джунглях к полумирской жизни в храме Горакхнатха, он редко покидал это место, кроме как по зову долга, и последнюю четверть своего земного существования провел спокойно на глазах у публики в этой штаб-квартире традиции йогов в большом городе Горакхпур.

Оказавшись в новых обстоятельствах, он сразу же приспособил свои внешние манеры к их требованиям. Он перенял одежду и стиль поведения культурного индийского джентльмена. Каупина, составлявшая всю его одежду, теперь была скрыта под белым дхоти и чадаром. Спутанные волосы были распущены и струились по его плечам. Тело больше не было покрыто пеплом. Он начал использовать раскладушку и подстилку для сидения и лежания. Он занимал темное помещение без окон на первом этаже двухэтажного здания Маханта. Хотя Махант, который был виновен в злоупотреблении своим положением и властью, был практически лишен под давлением общественного мнения всех полномочий по управлению и контролю, его положение церемониального главы ашрама никоим образом не пострадало, и Баба Гамбхирнатх позволил ему наслаждаться всей славой, почестями и удобствами, относящиеся к его положению и согласующиеся с ним. Бабаджи начал осуществлять всю полноту власти над монастырем в качестве управляющего при дисквалифицированном Маханте. Небольшая комната, которую занимал Бабаджи, была его спальней, гостиной, кабинетом, а также комнатой для наслаждения медитативным трансом и передачи наставлений искателям истины. Все эти разнообразные виды деятельности были для него, насколько можно было судить по тому, как он к ним относился, одинаково важными или неважными. Даже выражение его лица не менялось, когда он переходил от одной формы действия к другой.

Почти весь день он сидел на своей кровати в состоянии полутранса. Казалось, что девяносто процентов его сознания функционировало (если это вообще можно было назвать функционированием) в какой-то трансцендентной, надмирской духовной области, к которой окружающие его люди не могли иметь доступа, и только оставшимися десятью процентами он занимался делами этого мира и имел дело с самыми разными людьми.

Люди, занимающиеся разными видами бизнеса, появлялись перед ним и рассказывали о своих делах. Он встречал их с нежной улыбкой, которая всегда исходила от его лица и полуоткрытых глаз, и слушал их с таким совершенным молчанием и кажущимся безразличием, что трудно было догадаться, дошли ли эти слова до его сознания. Но как раз в подходящий момент он давал ответы на их вопросы или решения их проблем, будь то практических или теоретических, в одном или двух максимально коротких предложениях. В большинстве случаев он удовлетворял людей такими простыми словами, как «да», «нет», «хорошо», «это подойдет», «сделай это», «избегай

этого» и т.д. Даже когда служащие поместья мандира приходили за инструкциями относительно очень запутанных вопросов, касающихся собственности, его манера обращаться с ними никоим образом не менялась, и на его лбу или бровях не было видно никаких признаков какой-либо загадки или проблемы. Он произносил свое «да» или «нет» в своей обычной манере, с совершенным спокойствием, и снова переходил в царство блаженной тишины. Служащие находили это достаточным и уходили, удовлетворенные указаниями.

Однако такой способ распоряжения вещами не следует путать с абсолютным безразличием к мирским делам, как мы это обычно понимаем. Служащие, арендаторы, садху, гости, слуги – все чувствовали, что, хотя Йогирадх почти всегда сидел на своей кровати с полузакрытыми и устремленными внутрь себя глазами, ничто на самом деле не ускользало от его внимания, и он не был совершенно безразличен к тому, что должно быть, а чего не должно. Его пронизательность в мирских делах также была настолько глубока, что даже опытные служащие не осмеливались предпринять ни одного важного шага, не поставив его в известность и не спросив его разрешения. Иногда, спокойно сидя в своей обычной позе, он внезапно открывал глаза, посылал за служащим и снова погружался в глубокое молчание. Когда сотрудник приходил, он снова как бы пробуждался от глубокого сна, мягко задавал ему один или два вопроса и, услышав его ответы, давал ему какое-нибудь предупреждение или указание знаками или словами и снова погружался в себя. Бывало, какое-то действие или бездействие со стороны служащего было неподобающим; ему давали понять, что его поведение не ускользнуло от внимания, и далее его мягко отчитывали и просили исправиться. Сотруднику становилось стыдно, и он приходил к выводу, что нужно улучшить свое поведение. Если какой-либо служащий оказывал малейшее притеснение жильцов или брал с них плату без должного учета их материального положения, Йогирадх немедленно пробуждался и в своей обычной спокойной и любезной манере напоминал служащему, что любой, кто безразличен к здоровью и комфорту детей (имеются в виду жильцы) Горакхнатха, недостойны быть его слугами.

Обитатели Заминдари Горакхнатха в глубине души чувствовали, что Буда-махарадж (как они обычно обращались к Бабаджи) был больше, чем их отец и мать, поскольку он был не только полон нежной привязанности к ним, но и обладал бесконечной силой исцелять их болезни. Даже живя на физическом расстоянии от него, они были убеждены, что его милосердный взор всегда устремлен на них. Никто не мог несправедливо воспользоваться его неземным характером в управлении ашрамом и поместьем, и никто не был недоволен тем, что он не получает того внимания, которого заслуживает от властей ашрама. Но в то время как в каждом подразделении монастыря все шло гладко и во всех его частях царил чистая духовная атмосфера, всякий раз, когда кто-нибудь обращал свой взор на человека, который был жизнью и душой всей организации монастыря, он с удивлением обнаруживал, что внимание этой центральной личности было очень-очень далеко от этого мира и, возможно, полностью сосредоточено на какой-то неизменной, блаженной, самосветящейся Реальности.

Наслаждающийся этой Реальностью Йогирадх получал особое удовольствие от того, что кормил бедных, святых и культурных людей, и, по-видимому, считал это одной из главных функций ашрама. Он приказал праздновать *утсав* (религиозный фестиваль) по особым торжественным случаям в разные времена года, и во всех таких случаях кормление садху, пандитов и бедных полуголодных мужчин, женщин и детей составляло существенную часть пуджи Божеству. Он учил, что садху олицетворяли идеал отречения ради духовного совершенства человеческой жизни, а

брахманы-пандиты олицетворяли идеал посвящения себя нравственной, религиозной и интеллектуальной культуре в ущерб мирским удобствам в индуистском обществе. Отдельные садху и брахманы могут сильно не соответствовать идеалам и даже быть виновными в совершении явных грехов, заслуживающих сурового наказания со стороны Божества и общества. Но садху и брахманы как классы не должны осуждаться и на них не следует смотреть свысока по этой причине даже несмотря на то, что число таких заблудших индивидуумов было очень велико в любой период истории общества. Институты садху и брахманов эволюционировали в общественной жизни индийского общества в ходе его развития с незапамятных времен, и идеалы, которые они представляют, достойны того, чтобы их хранили перед мысленным взором все люди всех возрастов и стран. Продолжающееся существование этих институтов, несмотря на те примеси, которые, возможно проникли в них, является постоянным источником духовного и культурного вдохновения для миллионов и миллионов неискушенных людей этого огромного континента. Уважать садху и брахманов в целом, служить им и заботиться об их удобствах как представителей духовных и культурных идеалов человеческого общества равносильно поклонению этим идеалам и получению от них вдохновения. Йогирадх учил, что постоянно ассоциируя в мыслях и чувствах садху и брахманов с идеалами, которые они олицетворяли, следует сформировать такую привычку, чтобы сам вид любого садху или брахмана мог вдохновить ум благородным идеалом принятия бедности ради духовных и культурных достижений. С целью преподать этот урок всем окружающим, а также пробудить дремлющее самоуважение и уверенность в них самих, Йогирадх Гамбхирнатх обычно показывал свое характерно нежное отношение даже к недостойным садху и брахманам, и никогда не обращался с ними таким образом, чтобы они могли почувствовать себя униженными или низко оценить себя. Таким поведением им постоянно напоминали об идеалах, за которые они ратовали и которым они были обязаны всеми почестями и привилегиями, которыми пользовались, и другие люди также вдохновлялись теми же благородными идеалами.

Что касается надлежащего использования храмовой собственности, учение и поведение Бабы Гамбхирнатха указывали на то, что собственность Божества на самом деле была собственностью бедных, что Божество наслаждалось посвященной ему собственностью через фактическое пользование ею бедными, что поклонение Божеству, чтобы быть плодотворным, должно выражаться в служении бедным. Религиозные фонды в этой стране были наиболее благородно задуманными и эффективно организованными учреждениями для содержания тех, кто либо принял бедность и направлял свое время и энергию исключительно на достижение высоких духовных и культурных идеалов человеческой жизни, либо оказался в тяжелых обстоятельствах из-за несчастья или из-за своей неспособности выстоять в борьбе за существование. Оба этих класса людей в плане получения пропитания, одежды и крова зависели от щедрости общества, и долгом тех, кто располагал ресурсами, было относиться к ним так же, как зарабатывающие члены семьи присматривают за несовершеннолетними детьми и старыми немощными членами этих семей. Религиозные пожертвования были сделаны обществом через своих более удачливых членов для служения этим бедным слоям общества. Они были посвящены Божеству, которое является настоящим защитником всех и является истинным «Я» как для богатых, так и для бедных, и они были доверены для управления и надлежащего использования святым личностям, которые отреклись от мира, не имели личных интересов и посвятили свою жизнь служению Божеству и бедным. Важной частью поклонения Божеству было то, что себаит или Махант был обязан посвятить себя такому служению. Йогирадх Гамбхирнатх учил этой обязанности лиц,

ответственных за управление святынями и религиозными дарами, как своим собственным примером, так и своими наставлениями.

Храм Горакхнатха, считающийся одним из главных мест его тапасы и являющийся одним из крупнейших центров традиции йогинов, считается особенно святым местом паломничества индуистов в целом и последователей Горакхнатха в частности. Считается, что священность святого места становится гораздо более динамичной и вдохновляющей благодаря присутствию полностью осознавшего себя Махапуруши. Соответственно, легко понять, что во времена пребывания Бабы Гамбхирнатха в храме Горакхнатха туда приходили многочисленные паломники как издалека, так и из ближайших окрестностей. Среди них были садху и домохозяева, мужчины, женщины и дети, лица с высоким социальным положением и люди, не занимающие никакого положения в обществе. Многие из них пришли с единственной целью – получить благословенный даршан Бабаджи. Было обнаружено, что Баба Гамбхирнатх, как главный севак храма, заботится об удобствах для всех них. Хотя он так мало говорил и почти всегда находился в состоянии полутранса, его репутация гостеприимного и благотворительного человека распространилась повсюду. Его меры по обеспечению комфорта всех прибывающих, каково бы ни было их положение, были идеальными. Всякий раз, когда кто-либо из гостей испытывал какие-либо неудобства, внимание Йогираджа привлекалось к этому, его полузакрытые глаза и губы мягко открывались, он шептал какому-нибудь севаку или служащему, чтобы тот подошел к ним и устранил причину их неудобств, иногда он сам присылал им нужные предметы, не дожидаясь, когда о них спросят. Гости были поражены, обнаружив, что глаза йогина, наслаждающегося трансом, были в то же время всепроникающими и заботящимися о всеобщем комфорте. Он обычно говорил даже своим ученикам, что он, будучи слугой Горакхнатха, был слугой для них всех, и что они, будучи гостями Горакхнатха, были объектами его почтительного служения. Он действительно заботился об их удобствах, конечно, в свойственной ему манере, точно так же как благочестивый домохозяин с исключительно сдержанной натурой позаботился бы об удобствах уважаемых приглашенных гостей. Даже то, что он давал даршан и получал *пранам* (поклон), судя по его манерам, носило характер служения, оказываемого из чувства долга перед ними.

Не только люди, которые приближались к нему, чувствовали его любовь и нежное внимание, но и неразумные животные также были очарованы его любовью и милосердием. Служение коровам было неотъемлемой частью работы в мандире. Йогирадх иногда сам ходил в Го-шалу, чтобы посмотреть, как устроены удобства для коров и быков и приласкать их. У него был тигр, который в его обществе забывал о своей свирепой натуре. У него был слон в качестве *вахана* (перевозчика). И тигр, и слон внезапно умерли вскоре после того, как он покинул физический мир. Он обычно хранил молоко в тех местах, где, как было известно, обитали змеи, собственноручно кормил крыс и муравьев кусочками хлеба, собаки, кошки и обезьяны тоже получали свою долю его любовного служения.

Следует помнить, что все это было просто спонтанным внешним выражением его безграничной и бездонной вселенской любви, и эти практические демонстрации, вместо того чтобы быть мерами его любви, были просто уроками для других. В своей внешней общественной жизни он был идеальным воплощением любви, ненасилия, спокойствия и нежности.

Каждый год Йогирадх проводил несколько месяцев в деревнях в пределах Заминдара Горакхнатха, очевидно для того, чтобы увидеть своими глазами и продемонстрировать свое

практическое сочувствие радостям и горестям бедных детей Горакхнатха, предоставить им возможность приблизиться к нему и получить удовольствие от общения, непосредственно сообщить ему об обстоятельствах, в которых они жили, и получить от него благословения. Доброго и сочувственного взгляда и слова утешения было достаточно, чтобы облегчить их сердца и передать им послание надежды и мира. Конечно же, куда бы он ни пошел, он осуществлял акты благотворительности, как частные, так и общественные, направленные на удовлетворение физических потребностей деревенских жителей. В них пробудилось сознание того, что они были постояльцами у Бога и находились под опекой Махапуруши, который внутренне отождествлялся с Богом, и это имело величайшую моральную и духовную ценность для их жизни. Внимание, которое этот Махапуруша уделял деревням и бедным сельским жителям, стало наглядным уроком для всех владельцев и управляющих земельной собственностью.

Мы в своей скромной манере попытались нарисовать простую картину внешней жизни Йогираджа Гамбхирнатха в храме Горакхнатха, каким его мог видеть любой наблюдатель. Его внутренняя жизнь была вне нашего доступа, за пределами глубины нашего понимания. Святые его времени, внешне связанные с различными религиозными школами и сами широко почитаемые за свои высокие духовные достижения, обычно очень высоко отзывались об этом молчаливом непритязательном сиддха-йогине в разговоре со своими собственными почитателями. Считалось, что он не только был совершенно просветленным человеком, непрерывно наслаждающимся блаженным единством с Высшим Духом среди всевозможных мирских забот, но и был совершенным мастером хатха-йоги и раджа-йоги с *йогаишварьей* (Божественными силами, достижимыми только при самой интенсивной практике йоги) исключительного порядка. Некоторые прославленные святые с их глубоко проникающей духовной проницательностью (например, Махатма Виджой Кришна Госвами) открыто заявляли, что Йогирадж Гамбхирнатх обладал силой *сришти-стхити-пралайи* (то есть создания, поддержания и разрушения мира). В Йога-шастрах говорится о возможности достижения йогинами высшего типа такого совершенного господства над всем космическим порядком. Это означает, что все силы природы – вся Пракрити – попадают под контроль Йоги в состоянии совершенной самореализации. Он отождествляется с вечным, абсолютным Йогешварой, Верховным Духом, вечным Владыкой Пракрити, не только в отношении совершенного самоозарения и блаженства, но и в отношении силы. Но йогин никогда не пользуется такой силой, у него никогда не возникнет ни желания, ни повода проявлять ее в нарушение порядка Вселенной, вечно определенного, не требующего усилий, самоосвещенного космической волей и могуществом абсолютного Йогешвары. Йоги иногда проявляют второстепенные способности, и это также соответствует космическому плану Маха-Йогешвары. Эти второстепенные силы, хотя и незначительные с точки зрения йогина, часто имеют такую природу, что людям низших уровней знания они кажутся чудесными, сверхъестественными, сверхчеловеческими и поражают их умы удивлением и восхищением.

Благочестивые люди, которые часто приходили в храм на даршан Йогираджа Гамбхирнатха, иногда предпринимали прямые или косвенные попытки получить от него хоть какое-то знание о Йога-шакти (йогической силе). Обычно он хранил характерное для него молчание. В редких случаях с его губ могло сорваться что-то в этой связи. Однажды один джентльмен сообщил ему на основании газетного сообщения, что некий Махатма остановил движущийся поезд, который в остальном был в надлежащем состоянии, просто бросив на него взгляд. Джентльмен восхвалял духовное величие Махатмы и поинтересовался мнением Йогираджа. Йогирадж мягко сказал, что

такие силы не имеют никакого отношения к духовному величию и что их можно приобрести, совершенствуясь в малой йога-видье в течение определенного периода. Он добавил, что в йоге существуют такие методы, при систематической практике которых в течение определенных периодов, йогин может приобрести силу сдвигать большие горы одним лишь усилием воли. Люди, которые были немного знакомы с ним, время от времени набирались смелости поговорить о различных видах мистических сил, проявляемых другими йогинами. То, как он реагировал на такие разговоры, привели этих людей к выводу, что все проявления явных чудодейственных сил были для него не более чем детской игрой. Казалось, он лично испытал все это на себе и отбросил как не представляющее ценности, как не имеющее значения для жизни йогина. Иногда он предостерегал своих учеников и других серьезных духовных искателей против того, чтобы их соблазнили и заманивали в ловушку такие второстепенные сиддхи или мистические видения и силы, которые были лишь побочными продуктами йогической практики и не должны были рассматриваться как даже близкие к ее целям и объектам. Иногда он намекал, что мог бы обучать таким методам хатха-йоги, что, практикуя их, садхака мог бы поддерживать свое физическое тело в здоровом состоянии в течение тысячи лет, но это не должно быть целью духовного искателя.

В своих обычных отношениях с людьми Йогирадх неизменно отрицал, что он обладал какой-либо сверхъестественной силой или каким-либо сверхнормальным знанием. Он вел себя как обычный садху. Только его совершенное спокойствие и умиротворенность, постоянное медитативное настроение, неизменно милый и исполненный достоинства нрав, любовь, симпатия и сострадание ко всем людям и всем созданиям отличали его от всех других садху. Но в исключительных случаях его сострадание, казалось, вымогало у него некоторые проявления того, что он назвал бы малыми сиддхами. Ранее было описано, как из глубокой симпатии к семье Акку в Гайе он однажды вернул Акку к жизни. От Бабы Суддханатха было услышано, что в то время, в которое Йогирадх находился в Капилдхаре в компании нескольких садху, туда часто приходил сумасшедший и доставлял садху множество неприятностей, которые иногда становились невыносимыми. Однажды Йогирадх из сочувствия к измученным садху и сострадания к безумцу схватил его и собственной рукой дал пощечину. Этот человек был излечен раз и навсегда и стал совершенно здравомыслящим и разумным, благочестивым и великодушным домохозяином. Другие садху, которые приходили к Йогирадху, чтобы получить от него вдохновение и наставления, иногда замечали, что в горах и джунглях дикие животные в его присутствии вели себя как одомашненные собаки. В Горакхпуре часто обнаруживалось, что сильно расстроенные мужчины и женщины с детьми или другими безнадежно больными близкими бросались к его ногам и с криками агонии просили его о милосердии. Йогирадх, по-видимому, хранил при себе два конкретных лекарства от всех видов серьезных заболеваний, а именно: вибхути (пепел) Горакхнатха и ашапури-дхуп (разновидность благовоний). Движимый состраданием, он раздавал их в качестве символа своих благословений, и страдающие люди получали облегчение, о котором молились. Они знали, что именно чудесная йогическая сила Сиддха-Махатмы спасла их жизни от таких безнадежных условий. Но Йогирадх сказал бы, что это была Божественная милость и что он был совершенно бессилён.

Позвольте мне привести здесь небольшой пример малой сиддхи Йогирадха, основанной на записанных свидетельствах надежного очевидца. Шри Атул Бихари Гупта, магистр гуманитарных наук, бакалавр педагогических наук, был уважаемым преподавателем государственной средней школы в Горакхпуре. Он написал ценную книгу на бенгальском языке о жизни после смерти и

перерождении. В этой книге он подробно описал случай, связанный с йогической силой Йогираджа, который он сам пережил вместе с Рай Сахем Агхор Натх Чаттерджи, тогдашним главным учителем школы. Он был, по его словам, скептиком в отношении мистических сил святых, но он время от времени посещал Йогираджа Гамбхирнатха, пока он был здесь. Йогирадж был очень неразговорчив, и ему не очень нравилось его общество. Но Рай Сахем верил, что он был йогином очень высокого уровня, обладающим необычными способностями. Однажды днем они оба, будучи в школе, почувствовали необъяснимое побуждение в один и тот же момент пойти в храм, чтобы увидеть святого. Добравшись туда, они увидели Йогираджа, сидящего на веранде в характерном для него медитативном настроении. Вскоре после этого к нему пришла почтенная старая вдова с сопровождающей. Единственный сын вдовы учился в Англии юриспруденции. Она в течение четырех месяцев не получала никаких известий о мальчике. Встревоженная телеграмма другу мальчика принесла ответ, что мальчика нет в Лондоне и что друг не знает о его местонахождении. Мать была расстроена. Она твердо верила, что Йогирадж сможет сообщить ей точные новости о ее сыне. С обливающимся кровью сердцем она схватила его за ноги, и продолжала плакать и молиться о вестях про своего сына, единственной опоре в ее жизни. Она не обратила никакого внимания на его мольбы о том, что он был скромным нищенствующим монахом без каких-либо мистических знаний или силы и что у него не было возможностей сообщить ей новости о ее сыне. По прошествии довольно долгого времени непоколебимое спокойствие святого, казалось, растаяло от сострадания к огорченному материнскому сердцу. Он мягко попросил их всех подождать, удалился в свое уединенное помещение и закрыл дверь изнутри. Все они ждали в тревожном напряжении. Йогирадж вышел примерно через полчаса в глубоком медитативном настроении. Он мягким тоном сообщил матери, что ее сын был вполне здоров и он находится на пароходе и благополучно прибудет сюда в следующий понедельник. Сердце матери было полностью успокоено. Она взяла пыль с его стоп и покинула это место с улыбкой на лице. Все ее заботы и тревожения исчезли. Был вечер среды.

В следующую среду, около 4 часов дня, Агхор Бабу позвал Атула Бабу к себе домой. По прибытии Атул Бабу обнаружил блестящего молодого человека из Уттар Прадеша, аккуратно одетого в правильном европейском стиле, разговаривающего по-английски с Агхором Бабу. Последний представил молодого адвоката Атулу Бабу, сдержанно добавив, что это сын той вдовы и что он прибыл в понедельник, как и сказал Бабаджи. Агхор Бабу далее предложил им посетить храм. Адвокат, который в детстве был учеником его школы, удовлетворил его просьбу. Как только они добрались до храма и увидели Бабаджи, молодой адвокат воскликнул по-английски: «Приветствую, Баба, вы здесь?» Затем он обратился к Йогираджу на хинди: "Когда вы добрались сюда? Высадившись в Бомбее, я сел на «Империял мэйл», и я не видел тебя в этом поезде!» Двое его спутников были застигнуты врасплох. Агхор Бабу спросил, не видел ли он где-нибудь Бабаджи. Молодой человек ответил: «Конечно. Когда наш пароход находился в море на расстоянии примерно одного дня пути от Бомбея, я увидел этого Махатму, стоящего прямо перед моей каютой. Мне было интересно обнаружить старомодного индийского садху, который прогуливался рядом с первым классом на пароходе. Я вышел из каюты и поговорил с ним около пяти минут. Затем он ушел. Я понятия не имел, что он приедет в Горакхпур. Больше я его не видел ни на пароходе, ни в поезде». Атул Бабу поинтересовался днем и временем их встречи. Молодой сахиб ответил, что это было в прошлую среду незадолго до наступления сумерек. Это время точно совпало со временем, когда Бабаджи заперся в своем помещении. Йогирадж хранил полное молчание, когда молодой человек рассказывал о своей странной встрече с ним на пароходе, и

молодой человек также не знал, какой необычайный интерес этот рассказ вызвал у его пожилых товарищей. Он не знал о беседе своей матери с Йогираджем.

Инциденты такого рода, конечно, были очень редки в отношениях Йогираджа с людьми, насколько нам известно. Но были сверхъестественные события другого типа, которые пережили многие мужчины и женщины, которые лелеяли веру в него и искренне молились о его милости во времена серьезных бед и трудностей. Различными таинственными способами он помогал страждущим преданным, особенно тем, кто физически находился на расстоянии от него. Мы получили много подобных сообщений от надежных людей. Но такие акты милосердия, совершенные Йогираджем из-за кулис, не могут быть должным образом включены в его биографию. Они также не могут быть упомянуты как иллюстрация его йогических способностей. По правде говоря, жизнь святого такого типа за кулисами гораздо значительнее, чем жизнь, представленная внешне перед глазами общества. Он полностью скрывал свое величие йогина от взоров людей и в то же время хотел быть незримо полезным всем. В таких услугах, оказываемых без привлечения общественного внимания, его сверхчеловеческие духовные силы часто проявлялись довольно легко.

Что касается актов его милости посредством проявления сверхъестественной силы, мы можем упомянуть здесь еще об одном инциденте. Один серьезный духовный искатель хотел получить посвящение у Йогираджа. Но он был связан клятвой со своей женой, которая также отличалась глубокой набожностью, что они должны пройти посвящение вместе. К сожалению, прежде чем они смогли найти возможность припасть к стопам Гуру, жена умерла. Джентльмен был расстроен. Когда у него появилась возможность, он подошел к Йогираджу в глубоко задумчивом настроении. Он молился о его милости. Но он добавил, что его посвящение не даст ему покоя, если только его покойная жена также не будет благословлена посвящением одновременно с ним. Йогирадж указал на невероятность инициации мертвого человека. Но, видя самое тяжелое душевное состояние искреннего преданного, его сострадательное сердце как бы уступило невозможному предложению преданного. Согласно инструкции Гуруджи, в назначенное для посвящения время два сиденья были поставлены рядом лицом к сиденью Гуруджи. Преданному было велено занять свое место и держать глаза закрытыми до окончания посвящения. И с закрытыми глазами он почувствовал, что его любимая жена тоже заняла свое место рядом и вместе с ним была благословлена посвящением от Божественной личности. После того, как церемония закончилась и ему разрешили открыть глаза, он распростерся у ног Гуруджи и почувствовал себя удовлетворенным. Он хотел быть уверенным, что его жена также получила благословение. Йогирадж в свойственной ему манере заверил его. Умерший человек был приведен из другого мира и благословлен формальным посвящением.

Однажды вечером, ближе к концу 1916 года, несколько политически настроенных образованных бхакт сидели перед Йогираджем. Он сидел в своей обычной медитативной позе с полужакрытыми глазами, совершенно спокойный и умиротворенный. В то время шла Первая мировая война со всеми ее ужасами. Бхакты, наслаждаясь безмолвным блаженным присутствием великого Йоги, иногда переходили к разговорам о сенсационных военных новостях, опубликованных в газетах. Некоторые бхакты, которые были немного знакомы с Йогираджем, время от времени пытались привлечь его внимание к каким-нибудь особенно поразительным происшествиям. Йогирадж, если только он не был погружен глубоко, мягко отвечал милой улыбкой. Казалось, что для него не было ничего нового, ничего поразительного. Один из них, бенгальский ученик, набрался смелости

задать ему вопрос, хотя он был почти уверен, что обычно скрывающий себя Махапуруша не даст никакого определенного ответа. Он спросил, сложив руки на груди: «Баба, когда закончится эта война?» Йогираджд, казалось, был не в настроении общаться. Он сказал: «Нынешняя война не займет много времени, чтобы закончиться. Она может закончиться через год или около того. Но некоторое время спустя произойдет гораздо более страшная война, и в эту войну прямо или косвенно будут вовлечены почти все народы мира. Это будет иметь далеко идущие последствия для всех». Все присутствующие были ошеломлены пророчеством Йогираджда. Ученик осмелел и задал еще один вопрос: «Какова будет судьба нашего Хиндустана?» – с чувством спросил он. Йогираджд тихо ответил: «У Хиндустана будут лучшие дни – *Hinduthan kā bhalā hi hogā, acchā hi hogā*».

Глава 10. Популярная религия, примиренная с ведантическим знанием

Йогираджд Гамбхирнатх был описан другими святыми, обладающими глубоким духовным прозрением, как Маййтита (тот, кто превзошел мир Майи), Тригунатита (выше влияния трех гун, а именно саттвы, раджаса и тамаса), Юктайоги (Йогин, вся природа которого остается сознательно единой с Брахманом или Атманом посреди всех меняющихся внешних обстоятельств) и так далее. Он достиг высшей ступени ведантического знания, реализовал высший идеал йоги, ощутил тождественность себя и всех других джив с Брахманом и осознал мир как разнообразные проявления недвойственного Абсолюта. Длительной практикой он низвел Самадхиджа Праджню (высшее знание, достигаемое в глубочайшем трансе) до естественной природы своего феноменального сознания. Именно на этом этапе он взял на себя ответственность за храм Горакхнатха и вступил в социальные контакты с людьми.

Хотя он был выше всех различий между действительным и идеальным, связанностью и освобождением, поклонником и Божеством и т. д., в своей ашрамной жизни он строго соблюдал требования общепринятой религии, предписанные шастрами. Ведя дела ашрама и давая наставления простым людям, он никогда не игнорировал важность популярных обрядов и церемоний, а также шастрических способов поклонения Божеству в различных именах и формах. Он сам подавал пример, предлагая такое поклонение и устраивая подобные церемонии. Когда его спросили об эффективности такого церемониального поклонения различным Богам и Богиням для исполнения конкретных желаний и продвижения в духовной жизни, он мягко ответил, что не следует сомневаться в том, что предписывают Риши в шастрах.

Он также заявил, что Боги и Богини действительно существуют как регуляторы отдельных сфер феноменального мира, что они являются моральными и духовными силами, управляющими из-за завесы сил природы ходом физических явлений и человеческими судьбами, что те, кто поклоняются им с верой и искренностью, могут иметь непосредственное общение с ними и получать исполнение своих молитв. Но, напомнил он искателям истины, все они неотличны от Бога-Абсолюта, они являются самопроявлениями Бога с различными качествами, с разными именами и формами и имеют особые связи с определенными сферами физической и ментальной вселенной. Он объяснил, что до тех пор, пока мир разнообразия кажется реальным, мир Божеств не следует считать нереальными, поскольку оба они являются проявлениями в разных именах и формах одной и той же Абсолютной Реальности; хотя реальность того и другого была

феноменальной (*vyāvahārika*), Божества представляли более высокие уровни этой феноменальной реальности, чем объекты чувственного опыта, поскольку в первых природа и сила Бога отражались в гораздо большей степени и в более ясной форме, чем во вторых. В конечном счете, все является Брахманом, и Брахман является всем, и ничего, кроме Брахмана, на самом деле не существует. Риши были искателями истины. Они не только достигли истинного знания о трансцендентном характере Брахмана, но также познакомились с духовными, моральными и физическими законами, управляющими миром Майи. Они глубоко понимали человеческую природу и были знакомы с нормальным ходом ее развития. Поэтому к их указаниям следует относиться с большим уважением.

Своим поведением и учением он хотел показать, что конфликт между разумом и верой, философской истиной и народными верованиями, размышлениями и медитациями о «Едином без второго» и церемониальным поклонением многочисленным Богам и Богиням, жизнью свободы и добровольным соблюдением заповедей Священных писаний и общества, представлялся непримиримым лишь до тех пор, пока разум не достиг высоты духовного самоосознания и не оказался лицом к лицу с конечным объектом своих поисков. Разум сначала утверждает в человеческой природе, как бунтующий ребенок. Он восстает против всего, что стоит на пути его свободного самовыражения и саморазвития. В поисках истины он движется вперед с безоговорочной верой в непогрешимость абстрактных принципов формальной логики и объявляет беспощадный крестовый поход против всего, что явно не удовлетворяет их требованиям. В своем растущем успехе он забывает ограниченность принципов, на которые опирается. Гордясь открытием все более и более высоких абстрактных истин, он становится все более безразличным к конкретным проявлениям и воплощению этих истин в конкретные формы, доступных здравому смыслу. Все более высокие абстрактные универсальные понятия, все более удаляющиеся от частных имен, форм и объектов чувственного опыта, принимаются как представляющие все более истинные характеры реальности, а конкретные реальности массового опыта отвергаются как ложные. Таким образом, высшая истина разума оказывается наиболее абстрактной и наиболее далекой от мира конкретного опыта. Но познание всех подобных рациональных истин и даже высшей Истины является косвенным и не может окончательно удовлетворить требования самого разума. Он испытывает страстное желание встретиться лицом к лицу с Истиной, и удовлетворение этого стремления требует длительной духовной самодисциплины и глубокой медитации. Когда таким образом Истина непосредственно осознается, Абсолютная Реальность раскрывает свой совершенный характер такому конкретному опыту очищенной души. Тогда конфликт между разумом и здравым смыслом исчезает. Разум придает неоправданное значение абстрактному аспекту истины, а здравый смысл — ее разнообразным именам и формам. Здравый смысл рассматривает эти разнообразные имена, формы и реальности, а разум восстает против этого и воспринимает абстрактный принцип как Реальность. Но самое близкое знакомство с природой Реальности, полученное посредством духовной дисциплины и медитации, показывает, что между ними действительно нет никакой разницы, что конкретное множество является самопроявлением Абстрактного Единого. Единое и множество не противоречат друг другу, но в каждом из многих Единое воплощается и наслаждается Собой не частично, а целиком, хотя и в различных формах. Человек истинного прозрения видит Единого в Его совершенной славе повсюду, во всех чувственных формах. Пока этот опыт не достигнут, знание не является совершенным. Говорим ли мы о знании Брахмана или о знании мира, знание остается несовершенным до тех пор, пока Брахман не воспринимается как

сияющий во всей Своей славе в разнообразных явлениях мира, и мир не воспринимается как духовная сущность, не являющаяся отличной от Брахмана. Когда это знание достигнуто, ни на что не смотрят свысока, ничто не кажется незначительным или презренным, ничто не становится источником отвращения, беспокойства или волнения. Тогда все можно будет по-настоящему оценить в его сущностном, моральном и духовном отношении к своему непосредственному окружению, а также к мировой системе, и вместе с тем, как особую форму самовыражения Брахмана. Весь мир переживаний со всем его многообразием предстает как прекрасный и исполненный блаженства. Нет никаких оснований для того, чтобы на этой стадии самореализации рационального сознания человека популярные формы поклонения и социально-религиозные обряды и церемонии, распространенные среди различных слоев общества, вызывали отвращение, не поощрялись или были отброшены как суеверия.

То, что Махапуруши осознают, как истинное, доброе, прекрасное и блаженное на высшем уровне духовного сознания, ставится перед людьми в целом как идеал, к которому они должны стремиться. То, что реально для Сиддхов (реализованных людей), является идеалом для садхаков (стремящихся). Одобренные социальные обычаи и привычки, религиозные обряды и церемонии, разнообразные формы поклонения Богам и Богиням — все это предписывается шастрами и поощряется Махапурушами как средство реализации садхаками Абсолютной Истины, Абсолютного Блага, Абсолютной Красоты и Абсолютной Реальности, переживаемых самореализованными Сиддхами, и Абсолютного Идеала, к которому стремятся практикующие. Махапуруши наслаждаются различными ритуалами и практиками как особыми конкретными формами, в которых Абсолютная Истина-Красота-Добро-Блаженство воплощается и наслаждает Себя, а садхакам рекомендуется прибегать к ним для развития культуры относительной истины, красоты, добра, и блаженства, а также развивать привычку созерцать их с точки зрения Махапуруш для прогрессивного подхода к реализации Абсолютной Идеальной Реальности.

Именно в этом свете Махапуруша Гамбхирнатх рассматривал и учил людей относиться ко всем видам ритуалов и практик. Пренебрежение ими, как это делают многие так называемые рационалисты, было, по его мнению, признаком невежества или неполного взгляда на Реальность. Он не допускал никакого пренебрежения предписанными формами богослужений в храме и сам принимал в них участие. Он совершал обход вокруг храма (*прадакшин*) и присутствовал на арати (предложение колеблющегося пламени и т. д.) вместе с другими садху и бхактами (преданными). Он дал четкие указания пуджари (садху, отвечающему за регулярное поклонение Божеству) и другим садху не оставаться безразличными к ритуалам.

Йогирадх Гамбхирнатх, хотя сам всегда был в медитативном настроении, особенно поощрял ятрабхинаю (*yātrābhīṇaya* – бродячие религиозные драматические представления), Рама-лилабхинаю (драматические представления, изображающие историю жизни Рамы, идеального человека-бога Индии), киртан и бхаджан (религиозные песни) и т. д. Профессиональные группы, специализировавшиеся на них, обычно приезжали в ашрам, иногда по собственной инициативе, иногда по приглашению, чтобы развлечь садху и бхакт. Йогирадх просил служителей храма подготовить их выступление и сам поддерживал их своим присутствием и добрым одобрительным взглядом. Он в нескольких словах объяснял окружающим, что это не просто развлечения, а национальные образовательные учреждения, которые переезжали с места на место и давали массам людей весьма полезное образование в отношении различных аспектов домашних, социальных, политических, моральных и религиозных идеалов и обязанностей хинду.

Будучи преподнесенными в виде развлечений, истины обращались непосредственно к сердцу и становились очень действенными. Истины, открытые и культивируемые высшими слоями общества, естественным образом передавались низшим слоям через эти институты. Более эффективного средства массового образования невозможно было придумать. Он также отметил, что эти институты оказали мощное либерализующее влияние на мировоззрение людей. Обычно они основывали свое обучение и развлечения на историях Рамаяны, Махабхараты и Пуран. Строгие правила и предписания, сложные обряды и церемонии, особые формы поклонения и дисциплины, основанные на предписаниях Вед, Смрити и Тантр, представляли одну сторону индуизма. Жизни Рамы и Кришны, принципы, проиллюстрированные в событиях, описанных в Рамаяне, Махабхарате и различных Пуранах, религиозные песни, сочиненные поэтами-мистиками, рассказы об образе жизни Дживанмукт и Бхагават различных эпох и т. д. составляли другую сторону индуизма. Обе стороны дополняли друг друга. Одна придавала большее значение дисциплине и очищению тела и ума, а также необходимому отделению себя от всех возможных нежелательных влияний. Если это не понимать должным образом, можно прийти к проявлению узости кругозора и чрезмерной привязанности к ритуализму и механическому подчинению правилам. Поэтому другая сторона делала больший упор на общечеловеческую нравственную культуру, культуру альтруистических чувств и социальных добродетелей, сохранение гуманитарных и космополитических идеалов и разрушение искусственных барьеров, возникающих из-за привязанности к ритуалам. Надлежащая гармония этих двух сторон, подчеркнутая двумя классами писаний и их толкователями, была необходима для того, чтобы весь моральный и духовный характер человека был полностью сформирован и вел к реализации Абсолютной Истины, красоты, добра и блаженства. Строгое соблюдение правил дисциплины, установленных писаниями и ачарьями, признанными обществом и социальной группой, к которой человек принадлежал, а также одухотворение и универсализация мировоззрения были необходимы для гармоничного саморазвития и самосовершенствования. Вклад, внесенный в это дело посредством популяризации ятры и т. д., был значительным. Это также очень помогало в объединении на одном уровне моральной, духовной, интеллектуальной и эстетической культуры высших [слоев общества] и низших, богатых и бедных, ученых и неграмотных, садху и домохозяев, последователей разных традиционных форм поклонения, людей, воспитанных в условиях различных социальных обычаев и т. д., которые вместе составляли индийское общество. Мусульманские и христианские массы также в значительной степени оказались под влиянием индуистской культуры благодаря очарованию этих институтов. Баба Гамбхирнатх время от времени привлекал внимание своих учеников и почитателей, получивших английское образование и частично прозападных к той огромной роли, которую играют эти инструменты массового образования в развитии моральной, духовной, интеллектуальной и эстетической культуры этой великой страны.

Йогирадх Гамбхирнатх, хотя сам был выше всякого чувства различия между людьми и даже между человеком и насекомым, был свободен от всех предрассудков в отношении пищи, прикосновений и других социальных обычаев и всегда пребывал на высшем духовном плане сверхсознания, не одобрял умышленного нарушения давних социальных и религиозных обычаев и ограничений людьми обычного интеллектуального и морального уровня. Он считал, что такое нарушение мало способствовало желаемой трансформации, но наносило значительный ущерб нарушителям, устраняя социальные ограничения их чувственных склонностей и капризных желаний, а также духа недисциплинированности. Настоящая трансформация, учил он, может быть

осуществлена людьми, чрезвычайно одаренными для этой цели, людьми, имеющими истинное понимание внутренней жизни общества и духа эпохи. Чтобы вести хорошо дисциплинированную жизнь и готовить тело и ум к стремлению к высшим идеалам, обычный человек должен соблюдать правила и предписания, которые предписали ему общество и шастры в интерпретации признанных ачарьев. Эти правила и положения, конечно, не вечны. Они склонны меняться; только лежащий в их основе дух и цель вечны и останутся прежними. Когда в будущем эти нынешние правила будут отменены и их место займут новые, следующие поколения людей должны будут, преследуя ту же моральную и духовную цель, следовать новым предписаниям, не думая об отмененных.

Хотя он придерживался таких взглядов на образ жизни обычных людей, его собственная широта и щедрость время от времени находили выражение в его отношениях с людьми и вещами. Позвольте мне привести пример. Однажды он в своем обычном настроении сидел неподвижно на террасе перед главным храмом. Рядом с ним был образованный бенгальский ученик. Хорошо одетая молодая женщина вышла из кареты, подошла к храму, вошла во внутреннюю часть, с глубоким почтением поклонилась перед алтарем, вышла, поклонилась Бабаджи и ушла. Хотя ее поведение во всех отношениях напоминало поведение благочестивой женщины, ученику почему-то пришло в голову, что она проститутка, и он задумался, как ей можно было позволить войти в храм. Йогираджд прочитал его мысль и тоном, полным доброты и любви, сказал, что даже она, будучи хинду, имеет право войти в храм. Ученику открылась новая истина. Даже проститутка по профессии, изгой в глазах общества и держащаяся на расстоянии от каждого порядочного джентльмена, имеет право войти во внутреннее помещение храма, встать в непосредственной близости от Божества и поклониться ему, потому что она верит в индуистские божества, идеалы хинду, индуистские формы поклонения, индуистские писания, а также индуистские нравы и обычаи. Из-за ее аморальных поступков благочестивые люди могут разумно покинуть ее общество; но из-за этого она не будет оставлена милосердным Божеством. Божество принимает поклонение и милует всех тех, кто искренне верит в Него и отдает Ему свои сердца. Все личности, добродетельные или порочные, принадлежат Божеству, но Божество не принадлежит исключительно никому. Истинно верующий не имеет морального или религиозного права лишать другого верующего доступа к Божеству на основании его низкого происхождения или аморального поведения.

Глава 11. Йогираджд как религиозный учитель

Однажды, когда Баба Гамбхирнатх сидел в своем обычном медитативном настроении на холме Капилдхара и наслаждался блаженством внутренней Божественности, к нему подошли несколько образованных бенгальских джентльменов, поклонились ему и помолились о религиозном наставлении. Йогираджд принял их с характерной божественной улыбкой глаз и губ, которая безмолвно передала их сердцу послание бесконечной и вечной Истины, красоты и блаженства. Когда его попросили сказать несколько слов наставления, он мягко ответил с глубочайшим смирением: «Я действительно ничего не знаю, мне нечему вас научить». Джентльмены, хотя и были сильно впечатлены смирением Махапуруши, который, по их мнению, достиг высшей ступени духовного опыта, смиренно и искренне повторили свою молитву. Йогираджд также мягко повторил свой ответ. В его ответе не было ни легкомыслия, ни неискренности. Он, казалось, совершенно не осознавал, что знает какую-либо новую истину, которую мог бы сообщить им из уст в уста. Он

спокойно намекнул, что, если бы они почувствовали любознательность, они могли бы увидеть его образ жизни, сделать из него свои собственные выводы и искать Истину внутри себя.

Ответы, идентичные по смыслу вышеизложенным, были получены и другими лицами, обратившимися к нему за устными инструкциями. Никакого притворства в его ответах не было и не могло быть. Он достиг состояния духовного опыта, в котором почувствовал, что (говоря языком низших планов) «он ничего не знает». Он искал Истину, он осознал Истину в самом себе, он жил Истиной, но он не «знал» Истину. Осознание Истины не является знанием в обычном смысле этого слова. В нем нет различия между субъектом и объектом, нет эмпирического процесса познания, нет утвердительной или отрицательной предикации, посредством которой только и возможно познание в нормальном сознании. В духовной реализации Истины субъект, «Я», сам по себе является своим собственным объектом, самосветящееся «Я» сияет само по себе в своей совершенной славе, и не переживаются никакие атрибуты или категории, посредством которых эта трансцендентная природа «Я» могла бы быть познанной, и впоследствии быть описанной или даже понятой. Это состояние выше знания. Пока знание занимает поле сознания, Истина не осознается, а когда Истина осознается, знание становится трансцендентным. Как можно описать Высшую Истину с точки зрения знания? Реализация истины — это феномен сверхсознательного плана, в котором исчезает различие между феноменом и ноуменом. Когда Йогирадж спустился на нормальный план сознания с яркими воспоминаниями и глубоким впечатлением от самосветящейся Истины, он обнаружил повсюду вокруг себя проявления и воплощения той же самой Истины, того же «Я», того же самого Брахмана, как и внутри себя. Кого учить? Чему учить? Какую новую истину нужно было преподавать? Было ли что-то кроме Истины? Он ничего не нашел. Он сам был Истиной. Он жил в сфере Истины. Сами вопрошающие были воплощениями той же Истины. Это была точка зрения или, скорее, опыт, который пронизывал все сознание, все существо Йогираджа Гамбхирнатха. Поэтому для него было неестественно давать наставления другим. Прошло некоторое время, прежде чем его удалось опустить на план, где его можно было убедить стать религиозным учителем.

Чем больше он вступал в контакт с людьми низкопланового опыта, тем больше его внешнее поведение приспособлялось к чувствам и потребностям этих людей, хотя внутренний поток его медитации и самонаслаждения тек непрерывно, и его духовный взгляд на людей и вещи оставался незапятнанным. Постепенно он начал говорить пару слов в качестве наставления искренним искателям истины. Каждое слово, исходившее из его уст, было полно смысла и духовного значения, хотя слова, которые он произносил, всегда были очень простыми. То, как он выражался, не оставляло в сознании слушателей сомнения в том, что он не осознавал своего превосходства по отношению к другим, не лелеял в себе никакого стремления или притязаний на учительство, что у него не было мысли устранения невежества или заблуждений людей или просвещения их сердец и интеллекта любой новой истиной. В его речи не было энтузиазма, не было попыток убедить других, не было претензий на то, чтобы говорить с более высокого уровня, не было притязания говорить с авторитетом. Его губы, казалось, говорили с той же отстраненностью и беззаботностью, что и глаза. Но все же приближавшиеся к нему искатели истины чувствовали, что те немногие слова, произнесенные его нежными устами с величайшим безразличием, были словесными воплощениями истин, непосредственно переживаемых в его совершенно просветленном сознании, что слова, хотя и произнесенные почти неслышным тоном,

доносились с силой, способной произвести глубокое и неизгладимое впечатление на сердца вопрошающих и избавить от давно лелеемых ошибок и предрассудков.

Таким образом, Йогираджд Гамбхирнатх, так сказать, вопреки самому себе начал играть роль духовного магнита, притягивая из дальних и близких групп искателей духовной Истины и вселяя в них духовность, иногда своим молчаливым прикосновением, а иногда несколькими нежными словами. Многие люди, пришедшие с мирскими амбициями, также чувствовали, что они наполнялись сверхъестественной силой его молчаливых благословений, хотя сам он никогда не подавал никаких внешних признаков присутствия в себе такой силы. Эти люди, однако, привязались к нему с восхищением и почтением, и в результате этого почти незаметно для них произошла перемена в их мировоззрении, и они обратили свое внимание на духовную культуру. Многие нечестивые и недоброжелательные люди, случайно соприкоснувшись с ним, были покорены его молчаливой любовью, аккуратным поведением и безмолвным посланием мира и блаженства и превратились в праведных людей и самоотверженных слуг общества. Влияние, которое он оказал на духовную атмосферу страны, невозможно было определить никакими эмпирическими мерками. Но многие известные религиозные учителя, обладающие глубоким духовным прозрением, провозглашали, что необыкновенный молчаливый человек, очевидно отстраненный от всех дел мира и не интересующийся ими, является неисчерпаемым источником духовной силы и богатства в стране, что он излучает незримые лучи света духовности со своего скромного, одинокого места распространяемые в атмосфере всей страны и мира. Оставив в стороне мистицизм, можно сказать, что в течение нескольких лет Йогираджд Гамбхирнатх, несмотря на свое глубокое молчание, самоотверженное смирение и избегание всеобщего внимания общественности, был признан одним из величайших духовных деятелей и религиозных учителей того времени.

Это была слава, которую он приобрел за те годы, когда он оставался на своем постоянном месте, на холме Капилдхара, и время от времени отправлялся в паломничество в компании своих восхищенных соратников. Когда обстоятельства поместили его в один из главных центров Натха-Йога Сампрадаи и в одно из святых мест паломничества хинду в целом, он не смог спрятаться в той же степени, как делал это раньше. Даршан Махапуруши и спаршан (прикосновение) к его стопам обычно считались наиболее духовно значимой частью посещения паломниками святыни. В силу значимости своей личности, а также в силу занимаемого положения он был признан главой одной из самых распространенных религиозных общин Индии. Поле его деятельности, эмпирически говоря, чрезвычайно расширилось. Теперь ему пришлось снова стать карма-йогином.

В двух предыдущих главах мы имели представление о том, как он вел свои дела. Даже на этом этапе Йогираджда в течение многих лет не могли убедить принять положение Гуру или духовного наставника. Казалось, он не хотел признавать своим учеником любого человека, даже искренне желающего следовать его наставлениям. Принятие статуса Гуру означало бы публичное заявление о том, что он является религиозным учителем и готов быть хранителем духовного благополучия тех, кто станет его учениками. Такое заявление он не был готов сделать даже косвенно. Многие искренние искатели истины горячо и молитвенно выражали желание подчиниться его единоличному руководству. Некоторые из них обратились к нему с прекрасными рекомендациями уважаемых людей, которые считались его особыми фаворитами. Но Йогираджд Гамбхирнатх, хотя и был полон сострадания к ним, хранил непреклонное молчание по вопросу

принятия их в качестве своих учеников. Он принял их радушно, позаботился об их утешении, выразил им глубокое сочувствие за то, что они с таким трудом добивались до него издалека, произнес несколько слов поддержки и наставления, возложил молчаливые благословения на их головы и затем попрощался с ними. Он не хотел брать на себя ответственность Гуру. Однажды он сказал с легкой долей юмора: «Должен ли я сформировать палтан (армию)?» Ему не нравилось становиться командующим армией учеников, которые беспрекословно выполняли его приказы, и он не был готов брать на себя ответственность, которую предполагал статус Гуру за духовное развитие определенного числа учеников.

В течение долгого времени никто не был благословлен им формальным посвящением, хотя бесчисленные мужчины и женщины, молодые и старые, черпали от него духовное вдохновение, получали афористические (лаконично выраженные) моральные и религиозные принципы в качестве руководства, получали огромную пользу от его святого общества и ощущали внутри себя чудесную силу его милосердия и любви. Но ход событий, казалось, оказал свое влияние на внешнее поведение даже Человека-Бога — человека, привычно обитавшего в плане Божественного сознания, человека, которого внутренне не касались изменения мирских обстоятельств. Йогирадх Гамбхирнатх, прошедший долгий курс систематической йога-садханы, победивший все мирские силы, превзошедший все мирские оковы и ограничения и вступивший в вечно блаженные владения Абсолютного Духа, возможно, не хотел бы спускаться к этому разнообразному материальному миру и иметь с ним хоть какую-то физическую связь, но этот мир нуждался в нем. Божественный замысел состоит в том, чтобы человеческое общество не упускало совсем из виду идеал Божества, имманентный человеческому духу, не должно быть лишено сознания Божественных возможностей, заложенных во внутренней природе человека. Именно этот план спускается в этот мир и ставит перед глазами человеческого общества людей, подобных Йогирадху Гамбхирнатху, в которых этот идеал полностью реализован и зримо воплощен, в которых эти Божественные возможности полностью реализованы и представлены во плоти. Присутствие в обществе одного такого человека в каждую эпоху пробуждает в бесчисленном количестве людей сознание того, на что способен человек, что человек может сделать сам своими усилиями, какая славная судьба ожидает его, если он только приложит все усилия и дисциплинирует свое тело и разум должным образом в установленном порядке. Люди, осознавшие в себе Божественность, склоняются перед этим Божественным замыслом и спускаются со своего абсолютно блаженного плана безличного единства Высшего Духа на мирской уровень дифференцированного и многообразного единства, чтобы войти в социальный контакт с самозабвенными страдающими людьми мира. Йогирадх Гамбхирнатх также позволил себе, возможно, несмотря на его пристрастие к блаженному состоянию непрерывного глубокого самадхи, которым он наслаждался в одиночестве, шаг за шагом приближаться к обществу и представлять перед глазами различных категорий людей. Любовь и милосердие к людям мира преобладали над его склонностью к одиночеству, а размышление о Боге и наслаждение им самим теперь дополнялось поклонением и служением Ему в разнообразных формах — в формах живых существ. Эти два плана продолжали идти бок о бок. Одно нашло осязаемое выражение в другом.

Со временем его явное нежелание действовать в качестве «командующего армией учеников» также постепенно ослабевало. Ему пришлось уступить настойчивым требованиям своего служения обществу и в этой конкретной форме. Будучи совершенно свободным от эгоистического сознания, он не мог думать о себе как о Гуру или командиру и наставнику по отношению к кому-либо.

Чистая любовь была определяющим фактором всей его деятельности. Он видел тот же Высший Дух, который был им самим, как и сущностью каждого живого существа; его любовь и преданность Высшему Духу нашли выражение в его привязанности и служении живым существам; возрастающее соприкосновение с внешним миром привело к постепенному расширению поля внешнего выражения его любви, а многообразные требования к его служению привели к различным формам выражения этой любви. Его наставления искателям истины были также формой его поклонения Высшему Духу и служения Его человеческим воплощениям, его индивидуальной душе. Когда в ответ на настойчивые молитвы пылких духовных искателей ему пришлось принять их в качестве учеников и взять на себя ответственность вести их по пути истинной религии, он сделал это также как форму поклонения и служения Вселенской Душе. Это была как бы форма общения между его индивидуальной душой и Господом через Его конкретные человеческие воплощения. Даже когда сотни мужчин и женщин предались к его ногам и отдали себя под его руководство, он никогда не использовал таких выражений, которые прямо означали бы, что он их Гуру, хозяин их ума и сердца, что он взял на себя заботу об их духовном благополучии или что они обязаны подчиняться ему.

От него почти никогда не слышали, чтобы он употреблял глаголы в повелительном наклонении. Давая наставления своим ученикам, он обычно говорил, что «таково предписание шастры (писаний)», или «относительно этой проблемы шастры предлагают такое решение». Когда какой-либо ученик просил определенных указаний по некому вопросу, он, вместо того чтобы давать их, лишь самым мягким тоном просто выражал свое мнение или предлагал простой совет. Конечно, он не оставлял ничего расплывчатого, неопределенного или двусмысленного в высказанном им мнении и предлагаемых им советах. Смысл простых слов, произносимых им, всегда был ясен, и они, казалось, имели непреодолимую силу, властвующую над интеллектом и сердцем слушателей. Но то, как они были произнесены, было самым смирением. Казалось, он всегда говорил с благоговением, к кому бы ни обращался. Даже отдавая указания своим личным севакам, скромным служащим поместья мандира или мелким арендаторам Земиндари, он редко использовал командные выражения; даже вынося приговор злостному преступнику, он вряд ли использовал бы резкие слова. Наказание, которому он подвергал любого обидчика, также было для него формой любовного служения, и то, как он выполнял свои обязанности в таких случаях, ясно свидетельствовало о глубине его любви и его духе служения. В том, что он делал или говорил, не было никакого раздражения или гнева, но их отсутствие никогда не означало отсутствия силы или определенности. Его мягкость и смирение были проявлением его силы и уверенности в себе.

Отвечая на вопросы об истинных отношениях между Гуру и учеником, он говорил, что, согласно авторитетным писаниям, Шива или Брахман — Высший Дух, истинное «Я» всего — является единственным источником всего знания и силы, что Он действительно является Гуру всех искателей Истины, силы и освобождения, и что, какое бы человеческое средство он ни выбрал для передачи своего Божественного света и пробуждения духовной энергии, конкретным ученикам следует рассматривать, уважать и подчиняться ему, как Его живому Образу, как видимому Воплощению его любви и милосердия, как всемогущему и всеведущему Господу, сострадательно нисходящему к ним для их духовного просвещения и освобождения от рабства. Ученик, соответственно, не должен делать различия между Божественным Гуру и человеческим Гуру, он должен видеть Верховного Господа в человеке, которого он принимает в качестве своего Гуру,

относиться к нему как к хранителю своего собственного духовного благополучия и должен с той же точки зрения отдавать ему свое эго. Самоотдача Гуру означает не рабство разума, а его просветление и осуществление свободы. Ученик должен упражнять и дисциплинировать свой разум в соответствии с Божественным светом, полученным от Гуру, должен осознать в своем собственном сознании посредством своих систематических рациональных усилий Высшую Истину, проблеск которой он получил по милости своего видящего истину Гуру, и должен попытаться пережить внутри себя блаженную Свободу – свободу от всех ограничений знания, силы, любви и самонаслаждения, – которую он нашел полностью реализованной в Гуру.

Поддерживая Гуру-ваду (доктрину Божественности Гуру), он никогда не позволял своим ученикам слишком сильно проявлять бхакти (преданность) или шаранагати (самоотдачу) по отношению к себе. Он всегда настаивал на том, что чем больше чувства преданности и веры могут быть углублены внутри, тем более эффективными они будут для духовного развития, и что внешнее выражение, хотя и в некоторой степени необходимое и полезное, нередко делает их легковесными и неискренними. Он не позволял своим ученикам простирались перед ним, осуществляя пранаму (приветствие). Максимум, что он позволял им, — это склонить голову, коснуться земли головой в сидячем положении, а затем принять пыль с его стоп. Он всегда просил их развивать чувства свободы, собственного достоинства, уверенности в себе и внутренней силы. Он наставлял своих учеников развивать бхакти сильных, а не бхакти слабых и беспомощных. Его послание всегда было посланием силы и надежды, хотя и было произнесено самым мягким тоном. Он выражал свое решительное неодобрение, хотя и в своей спокойной и бесстрастной манере, всякий раз, когда кто-либо из его учеников считал себя грешным человеком, размышлял о своих прошлых неблагоприятных поступках, думал о себе как о слабом и беспомощном, терял надежду и мужество. Его наставлениями было: «Смотрите вперед, никогда не оглядывайтесь назад», «Всегда питайте большие надежды на будущее и никогда не унывайте». Он говорил своим ученикам: «Никогда не обращайтесь внимания на то, какое зло вы совершили в прошлом, или на то, какое добро вы могли бы сделать, но не сделали, что произошло или могло бы случиться с вами, какими возможностями вы не воспользовались. Не обращайтесь внимания на то, каковы будут результаты ваших нынешних действий или что произойдет с вашей судьбой в будущем; делайте в настоящее время то, что, по вашему мнению, будет лучшим для вас, а все остальное оставьте Гуру или Божественному Господу. Это истинная вера, а также истинный *пурушакар* (мужественный поступок)».

Как религиозный учитель Йогирадх Гамбхирнатх, хотя и сам постоянно двигался в плане сверхрациональной реализации, казался убежденным рационалистом и никогда не был догматичным в своих утверждениях. Он всегда наставлял искателей истины мыслить свободно и спокойно, действовать независимо и разумно, естественно и энергично дисциплинировать свое тело и разум, развивать веру, любовь, милосердие, смирение, дух преданности и служения, чувство восхищения и почтения и другие благородные добродетели при полнейшей свободе разума и воли. Садхана, говорил он, приносит свои самые сладкие и славные плоды, когда практикуется со свободой суждений и свободой воли. Божественный Свет нисходит на того, кто свободно отдает свое эго Гуру и безоговорочно открывает Ему свой дисциплинированный ум для просвещения Его Милостью.

Ранее уже отмечалось, что у него никогда не было привычки использовать какой-либо глагол в повелительном наклонении, поскольку он никогда открыто не брал на себя роль хозяина или

командира. Для руководства своими учениками он даже не устанавливал свод правил и предписаний, как это обычно в целом делают религиозные учителя. Его невозможно было убедить сформулировать какие-либо дисциплинарные предписания относительно того, что его ученики должны есть или когда воздерживаться от еды, каким домашним или социальным обычаям они должны следовать или от которых следует отказаться, сколько раз они должны повторять мантру или Божественное Имя, в какой позе они должны сидеть во время упасаны (поклонения), должны ли они поклоняться какому-либо конкретному Божественному образу или нет, должны ли они думать о Брахмане как о имеющем форму (сакара) или как о бесформенном (ниракара), должны ли они что-либо делать или не должны. Все это он предоставлял на независимое суждение учеников. Он отказывался систематизировать какие-либо наставления. Он отказывался оказывать какое-либо давление или использовать какую-либо власть в отношении разумной свободы мысли и действий учеников. Освобождение (мукти), говорил он, означает совершенство свободы человеческого духа и, соответственно, искателей освобождения, вместо того чтобы учить механически или принудительно следовать определенному набору предписанных правил и положений, скорее следует учить развивать и регулировать свою свободу, проявляя собственную мудрость и здравый смысл. Они могут злоупотребить своей свободой и отклониться от пути Истины, добра и блаженства, но болезненные последствия их отклонения должны по Милости Гуру и Господа вернуть их на правильный путь и научить правильному использованию свободы. По этому поводу не должно быть беспокойства. С духовной точки зрения гораздо лучше страдать и учиться, чем слепо следовать и становиться машиной в отношении определенных практик, какими бы благородными и полезными они ни были. Похоже, именно в этом заключался принцип Бабы Гамбхирнатха в передаче духовного образования своим ученикам. В ответ на большинство вопросов относительно подробностей поведения он давал общие указания: «*vicār-karnā* — вы должны думать сами». Его инструкции почти всегда носили общий характер; проработку деталей садханы, а также внешнего поведения, конкретное применение общих принципов к практической жизни в особых обстоятельствах, в которых могут оказаться люди, он предоставил здравому смыслу и свободному суждению своих учеников.

Проясняя своим ученикам думать самостоятельно, находить решения практических проблем своей внутренней и внешней жизни, используя собственный разум, он советовал им воспользоваться помощью шастр (признанных писаний) и Махапуруша-бани (изречения известных святых), чтобы убедиться в правильности своих выводов. Он подчеркнул необходимость веры и повиновения национальным писаниям и национальным святым, поскольку они действительно отражают культуру страны, дух общества, в котором люди родились, истины, достигнутые и принятые коллективным разумом нации, к которой принадлежали люди. Книги, которые на протяжении тысячелетий принимались обществом как шастры (авторитетные священные писания) и которые оказывали такое широкое и мощное регулирующее влияние на жизнь и умы наших людей любого социального статуса, богатых и бедных, образованных и неграмотных на протяжении бесчисленных поколений, должны рассматриваться как священные, и следует предпринять искренние и серьезные попытки связать наши индивидуальные суждения с изложенными в них принципами и регулировать наши мысли и поведение свободно и добровольно в соответствии с этими принципами. Шастры — это лингвистические воплощения интеллектуальных, этических и духовных истин, осознанных древними искателями истины (Риши), рационально установленные и расширенные утонченным и просвещенным пониманием знаменитых философов (Муни) древности. Они были проверены, приняты и применены к различным потребностям общества

прославленными учителями и лидерами (ачарьями) страны в разные эпохи и приняты как непогрешимые коллективной жизнью и разумом общества на протяжении многих столетий.

Отбрасывание и отказ от этих нравственных, духовных и культурных сокровищ страны, этих славных произведений лучших и просвещенных искателей истины прошлого, не соответствует ни национальному самоуважению, ни опыту рациональных и разумных поисков истины, драгоценного наследия, унаследованного от наших самых выдающихся предков. Вера в них пробуждает наше чувство достоинства, просветляет наш разум, возвышает наши амбиции и надежды, устанавливает здравый контроль над нашими чувственными импульсами и иррациональными прихотями, показывает путь для правильного осуществления нашей свободы и открывает нам путь к Истине, красоте, добру и блаженству. Вера в истинном смысле этого слова никоим образом не является несовместимой со свободой разума и воли. Это очень любящий и любимый друг и проводник неразвитого и непросвещенного разума и воли ищущих истину людей. Вера освобождает разум и волю людей от уз и рабства страстей и предрассудков, от доминирующего влияния чувственных склонностей и ментальных влечений, симпатий и антипатий и направляет их на путь истинной свободы, открытой теми, кто осознал совершенную свободу в прошлом. Йогирадж Гамбхирнатх хотел убедить своих учеников в необходимости развития веры в шастры и ачарьев страны, а также развития разума и воли для продвижения на пути садханы и самореализации в жизни. Свое учение в этой связи он излагал в виде афоризма на хинди: «*Viśvās rakhnā, vicār-karnā, sab taraf acchā hoga*» — сохраняйте веру, думайте сами, и вы достигнете добра во всех отношениях.

Наряду с этим Йогирадж также напоминал им, что нелегко постичь истинное значение учений шастр по любому тонкому вопросу. Без надлежащей моральной и интеллектуальной дисциплины невозможно проникнуть в их тайны. Шастры иногда представляют истины в таких лингвистических оборотах, что недисциплинированный и неочищенный интеллект не может отличить истины от оболочек, установленных выводов (сиддханта) от случайных высказываний (артхавада). По этой причине обычные искатели истины нередко теряются в лесу священных писаний и оказываются сбитыми с толку. Более того, различные шастры, хотя внутренне и указывают на одну и ту же истину и ведут к одному и тому же идеалу, внешне оказываются настолько разными в способах их подхода и интерпретации, что для низших уровней интеллекта практически невозможно примирить и гармонизировать их, и достичь свободы от узости и фанатизма, без которой путь духовного продвижения навсегда остался бы заблокированным.

По этой причине помощь и руководство Махапурушей (святых, видящих истину) совершенно необходимы. Именно они, эти люди с тщательно дисциплинированным и утонченным разумом, — единственные, кто могут по-настоящему понять внутреннее значение учений шастр и обнаружить точку единства всех, явно противоречивых друг другу текстов. Искренние искатели истины должны попытаться постичь подлинные значения шастр с помощью этих ачарьев (учителей, обладающих духовной проницательностью) и развивать свой собственный разум в соответствии со светом, полученным от них. Йогирадж Гамбхирнатх обычно убеждал своих учеников в необходимости «упражнять свой разум и волю свободно и энергично, с верой в признанные шастры и заслуживающих доверия святых страны и под их руководством».

Когда ему указали на то, что великие святые также принадлежали к разным общинам и традициям и что они отличались друг от друга формами своего учения, способами внешнего

поведения, а также методами моральной и духовной дисциплины, принятыми и проповедуемыми ими, спокойный Йогирадх мягко сказал, что среди этих внешних различий существует более глубокое единство всех действительно ищущих истину святых. Но, добавил он, поскольку единство нелегко ощутить, каждый искатель истины, питая почтение ко всем святым всех традиций и всех воззрений, должен считать центром своей жизни и своего мира конкретного Махапурушу, которого он принял своим Гуру, и изучать шастры, упражнять свой разум, регулировать мысли, чувства и поведение и следовать определенным курсам духовной дисциплины в свете указаний, полученных из образа жизни и устных наставлений этого Махапуруши. Посредством своих моральных, интеллектуальных и духовных усилий ученик должен стремиться воспроизвести жизнь Гуру в своей собственной жизни, осознать истину Гуру в своем собственном духовном опыте, просветить взглядом Гуру свои собственные мысли, эмоции и действия. Таким образом, ученик должен духовно объединить себя с Гуру.

Позвольте мне попытаться дать представление о том, как Йогирадх давал наставления своим ученикам. Йогирадх сидит на своем месте в своем обычном медитативном настроении; его глаза полузакрыты, неподвижны, возможно, сосредоточены на чем-то внутри; ни в одна из его конечностей не двигается; очевидно, девяносто процентов его сознания объединено с Вселенским сознанием; нежный ореол яркой улыбки, видимый на его лице, является показателем его внутренней радости. На полу у его ног собралась небольшая группа учеников. Все наслаждаются видом человека, имеющего человеческое тело, но Божественное сознание. Кто-то из них мысленно повторяет полученное от него Божественное Имя, кто-то пытается запечатлеть его образ в своем сердце, кто-то с нетерпением ждет каких-то слов из его уст. В помещении царит идеальная тишина. Так проходит, возможно, час, два или три. Туда может кто-нибудь войти, а также пару человек могут выйти. Но чистая атмосфера тишины остается неизменной. Во многих случаях собравшимся приходилось расходиться молча, не получив ни единого слова, ни благословения от Гуру, поскольку это могло быть время для омовения или приема пищи, или для арати, или вечернего поклонения Божеству, или для выполнения каких-либо других обязанностей. Но время не считалось потерянным, ибо в его присутствии неизменно пробуждалось и укреплялось чувство Божества, в сердцах учеников происходила динамизация духовных побуждений, казалось, что какая-то духовная сила передавалась в них из немого образа Гуру.

В некоторых случаях один или два ученика, обнаружив или думая, что Йогирадх не слишком глубоко погружен в себя и может дать какой-то ответ на их вопросы, набирались смелости нарушить тишину атмосферы и со смирением и почтением задать ему пару вопросов. Йогирадх, если не был полностью вне досягаемости их слов, мог, как человек, только что пробудившийся от глубокого сна, постепенно немного расширить свой взгляд, бросить кроткий и милосердный взгляд на вопрошающего и других присутствующих учеников, приоткрыть губы, как будто с некоторым усилием и произнести слово или короткую фразу самым мягким и сладким голосом в ответ на вопрос. Если дальнейшие уместные вопросы задавались один за другим, и они были серьезными и искренними, ответы также следовали в тех же афористических формах. Если вопросы прекращались или они были заданы ради вопросов, а не из искреннего чувства необходимости, Йогирадх снова погружался в молчание. В некоторых редких случаях, чтобы сделать истинный смысл своих коротких ответов легко понятным несовершенному пониманию вопрошающих, он иллюстрировал их анекдотами, которые были, не только интересны, но и поучительны. Его ответы всегда были столь же лаконичны, сколь и полны смысла. Казалось, они мягко и сладостно стекали

через его губы из непостижимого для слушателей источника знаний и опыта, хотя сам он не претендовал на знание и опытность и обычно казалось, что он ничего не знает и не обладает никакой замечательной силой.

Я заканчиваю эту главу воспроизведением (конечно, в вольном и в некоторых моментах поясняющем переводе) некоторых вопросов, заданных Йогираджу, и его ответов на них относительно отношений между Гуру и его учениками.

<i>Вопрос:</i>	В некоторых писаниях говорится, что Садгуру берет на себя всю ответственность за духовное благополучие своих учеников: правда ли это?
<i>Ответ:</i>	Ученикам следует беречь и развивать эту веру и полагаться на Гуру.
<i>Вопрос:</i>	Следует ли понимать, что ученики полностью освобождаются от ответственности за садхану и от них не требуется прилагать какие-либо пурушакары (усилия)?
<i>Ответ:</i>	Истинная вера в Гуру всегда порождает в ученике глубокое чувство ответственности за регулирование жизни в соответствии с учением Гуру, оставляя последствия в руках Гуру. Это освобождает его разум от всех тревог по поводу успеха или неудачи.
<i>Вопрос:</i>	Разве Гуру не принуждает учеников делать то, что от них требуется, и насильно ведет их на путь спасения?
<i>Ответ:</i>	Духовная жизнь — это не вопрос принуждения и силы, а свободное и добровольное послушание и самодисциплина.
<i>Вопрос:</i>	Кто такой Садгуру?
<i>Ответ:</i>	Садгуру — это тот, кто осознал Божественность внутри себя и может передавать духовность другим.
<i>Вопрос:</i>	Разве мы не обрели милость Садгуру?
<i>Ответ:</i>	Если у вас есть истинная вера, и вы можете сохранить ее живой, вы можете быть уверены, что она у вас есть. Это зависит от вашей веры.
<i>Вопрос:</i>	Говорят, что каждый ученик Садгуру должен достичь мукти в течение определенного периода: есть ли в этом правда?
<i>Ответ:</i>	Такого правила нет. Это зависит от веры, серьезности, систематических усилий и духовного достоинства отдельных учеников. Некоторые могут осознать Истину и стать муктой в мгновение ока, как только Садгуру прикаснется к ним или скажет им слово. Некоторым может потребоваться множество рождений, чтобы избавиться от своей кармы и васан и осознать Истину, семя которой было посеяно в их души Садгуру. Разве вы не читали об этом в Гите?
<i>Вопрос:</i>	Возможно ли для любого искателя истины осознать Истину без посвящения Садгуру?
<i>Ответ:</i>	Это возможно в исключительных случаях, когда садхака в своем предыдущем рождении был настолько продвинут на духовном пути, что в этой жизни его духовная энергия активизируется и его духовное прозрение озаряется даже без прикосновения какой-либо самореализованной души. Но общее правило таково, что духовная энергия и проникновение человека остаются в дремлющем и непросветленном состоянии, и только Садгуру может активизировать и просветлить их прикосновением своей собственной динамичной и просветленной души и открыть дверь осознания истины садхаке.
<i>Вопрос:</i>	Зависит ли осознание истины от милости Гуру или от усилий ученика?
<i>Ответ:</i>	Это зависит от сотрудничества обоих. Ученик может получить милость Гуру и наслаждаться ею, может по-настоящему осознать постепенное просветление

	своего существа Божественным Светом, исходящим от Гуру, только посредством собственных усилий, посредством дисциплины своего сердца и интеллекта в соответствии с учением Гуру, через сознательное открытие своего ума Гуру для получения от него знаний и силы.
<i>Вопрос:</i>	Нет ли случаев, когда Гуру внезапно раскрывает Истину ученику и просветляет все его существо без какого-либо сознательного сотрудничества с его стороны?
<i>Ответ:</i>	Да, есть, но это исключительные случаи, на которые не должен полагаться ревностный искатель истины и ревностный ученик. Более того, такие особые события также определяются предварительной самоподготовкой садхаков в их прошлых жизнях и их достоинством получить Истину.
<i>Вопрос:</i>	Гуру и Ишвара идентичны или различны?
<i>Ответ:</i>	Это зависит от мировоззрения ученика. Если он смотрит на Гуру как на индивидуального человека, то Гуру, конечно, следует отличать от Господа вселенной, даже если этот человек реализовал посредством своей садханы тождество своего «я» с Высшим «Я». Если ученик смотрит на Гуру как на Ишвару, он для него действительно тождественен Ишваре, даже если он как личность, возможно, и не осознал Бога в себе. На самом деле, как учат шастры, Гуру для ученика тождественен Ишваре, даже несмотря на то, что он появляется в маленьком теле и обладает ограниченными знаниями и силой, проявленными в нем. Более того, шастры иногда учат, что Гуру превосходит Ишвару. Это означает, что аспект Брахмана – Высшего Духа – выше по сравнению с его аспектом Ишвары. Как Ишвара, Брахман является Всемогущим и Всеведущим Создателем и Правителем этого безграничного мира разнообразия. Ишвара представляет аспект Величия Брахмана по отношению к дживам. В то время как будучи Гуру, Брахман является любящим, милосердным и великодушным Дарителем истинного духовного знания конечным душам (дживам) и их Избавителем от этого мира рабства и страданий. Гуру представляет аспект любви и милосердия Брахмана. Как Ишвара он скрывает свой трансцендентный характер за завесой, порожденной невежеством, а как Гуру он раскрывает его. Следовательно, для искателя Истины и освобождения Гуру превосходит Ишвару, и он, естественно, чувствует склонность поклоняться Брахману как Гуру, а не как Ишваре, чья майя является сокрывателем Истины и создателем зависимости (ограничений). Когда эта таттва, или истина, понята, становится очевидно, что во всей вселенной — есть только один Гуру без второго точно так же, как есть только один Ишвара без второго. На человеческих Гуру следует смотреть как на человеческие самопроявления единого Гуру и почитать их соответственно. Следовательно, не следует проводить никакого различия между одним Гуру и другим, а также не следует проводить между ними никакого сравнения или противопоставления. Все они являются воплощениями Божественной любви и милосердия, по-разному раскрывая одну и ту же Божественную Истину разным объектам Его любви и милосердия и разными путями привлекая их к Себе.

Учение Йогираджа Гамбхирнатха

- I. Не делайте различий между Божествами. Они различаются только именами и формами, но идентичны по сути. Различные категории религиозных людей по-разному воспринимают Абсолютный Дух и поклоняются ему. Относитесь с уважением ко всем священным именам и формам, но осознавайте в них один и тот же Дух.

- II. Отдавайте дань уважения всем религиозным системам, но строго придерживайтесь своей с верой, любовью и почтением. Формы дисциплины могут быть разными, но религия, по сути, едина. Развивайте истинное духовное мировоззрение посредством практики своей религии, и вы ощутите единство всех религий.
- III. Старайтесь разумно постигать, должным образом используя свой разум, вечные духовные истины, которым учат Гуру, писания и признанные святые, и регулировать все сферы своей жизни в соответствии с ними. Вся жизнь должна быть направлена на совершенную свободу от рабства, невежества и печали.
- IV. Верьте в духовную силу Божественного имени, полученного от Гуру. Повторяйте это в уме и размышляйте над его реальным (не буквальным) значением как можно чаще. Помните, что имя — это живое воплощение Абсолютного Духа. Постарайтесь осознать Дух, заключенный в имени. Будьте преданы имени, и имя дарует вам все благословения и приведет вас к совершенному блаженству.
- V. Отбросьте свое «Я» и «Мое» и полностью отдайте себя Господу. Тогда вы обнаружите, что Он взял на себя всю заботу о вас. Молитесь Ему лишь об Истине и любви.
- VI. Не думайте о прошлом и не беспокойтесь о будущем. Делайте то, что вы искренне считаете своими нынешними обязанностями, и продвигайтесь вперед с верой, мужеством и оптимизмом. Помните, что Господь знает и предопределяет, что лучше для вас.
- VII. Будьте правдивы, прямолинейны и милосердны в мыслях, словах и действиях. Не думайте и не говорите о темных сторонах людей и не задевайте их чувства и интересы. Старайтесь быть полезными всем, особенно бедным и отрекшимся от мира искателям истины. Верьте, что все служения, совершаемые со смирением, являются формами поклонения всепроникающему Божественному Духу.
- VIII. Дисциплинируйте свой разум, чтобы чувствовать присутствие Абсолютного Духа во всех существах и ценить его лилу во всех человеческих делах и явлениях природы. Тогда весь мир откроется вам как духовный, возвышенный, прекрасный и исполненный блаженства.
- IX. Постарайтесь сначала осознать сущностное единство всех людей, а затем и всех других существ. Но обратите внимание, что в практической жизни они будут наделены разными типами и порядками способностей, склонностей и окружения, должны будут иметь разные виды обязанностей, функций, ответственности и способы приближения к высшему жизненному идеалу.
- X. Бхагавад-Гита является непогрешимым руководством для всех категорий искателей истины, всех возрастов, стран и традиций. Она гармонизирует учения всех священных писаний и святых и поэтому является универсальным священным Писанием.

Глава 12. Наставление ученикам

Йогирадх Гамбхирнатх, казалось, не имел никакой миссии обучения или проповеди. Он, по-видимому, не принадлежал к тому классу просвещенных святых, которые чувствовали в своих сердцах потребность просвещать других и давать им уроки относительно правильного пути регулирования их поведения и характера. Ему казалось, что должность наставника была навязана ему так же, как на него была возложена ответственность за управление монастырем. Одно он принял так же, как принял и другое, без всякой воли и энтузиазма, а также без особого нежелания и сопротивления. Он всегда жил в сверхсознательном плане. Он смотрел на все мирские дела,

включая дела своей физической жизни, с Божественной точки зрения. Ему казалось, что все в мире происходит так, как должно быть. Ему ничто не казалось особенно желанным и ничто не казалось особенно нежелательным. Он по-своему наслаждался со сверхъестественного плана своего сознания всем, что бы ни происходило в обычном порядке в сфере его внешнего опыта.

Он видел все сущее как божественно спланированное и наслаждался этим как прекрасным выражением Божественного Духа. Ему нечего было желать и не от чего бежать. Когда какая-либо обязанность сама по себе приходила к нему в соответствии с Божественным замыслом, он принимал ее, повинуясь этому плану со свойственным ему спокойствием и умиротворением. Возможно, Божественным замыслом было представить его современному обществу как живой пример Стхитапраджни, Юкта-йогины, Гунатиты, Джняни-Бхакты, Брахма-стхиты, Авадхуты, Натха, как описано в шастрах. Серьезные духовные искатели обычно приходили к нему, чтобы получить даршан, насладиться его безмолвным, неподвижным, спокойным присутствием, просветиться и очиститься его духовной силой, а не услышать от него лекцию или получить вербальную инструкцию. Искатели истины ощущали его как Гуру изнутри, а не по его внешним наставлениям.

Если бы он старательно соблюдал обет абсолютного молчания (мауна), это могло бы показаться проявлением сверхнормальности в его обычной жизни. Этого он не сделал. Он говорил при случае, хотя и очень редко. Если бы он в каком-либо случае произнес подряд полдюжины предложений, это показалось бы исключительным всем, кто обычно навещал его. Все посетители, все ученики, все садху и служащие монастыря привыкли к глубокому молчанию, которое было характерно для его обычной натуры. Но все же, как выяснилось, когда вопросы ставились серьезно и ответы серьезно ожидались, от него получали решения всех видов жизненных проблем. Несмотря на немногочисленность слов, которые он говорил, его ученики, а также случайные искатели истины вынесли из них адекватное руководство для регулирования своей религиозной, моральной, социальной и бытовой жизни.

Однако следует отметить, что его служение как Гуру заключалось не в передаче таких случайных устных наставлений, а в формировании интеллекта и сердца учеников изнутри, в освещении их внутреннего сознания – даже без их отчетливого знания духовным пламенем, всегда пылающим внутри него самого, устраняя препятствия, как внутренние, так и внешние, с пути их духовного прогресса непостижимыми путями и направляя их внутренне, шаг за шагом, к высшему идеалу жизни. Его работа как Гуру велась в основном за сценой, и ученики все больше и больше осознавали это по мере того, как их внешнее сознание совершенствовалось и обучалось все глубже и глубже погружаться в свое внутреннее сознание. По мере постепенного очищения и утонченности своих способностей мыслить и чувствовать ученики могли постепенно осознавать значение его простого высказывания о том, что Гуру никогда не находится на расстоянии от шишьи (ученика). Природа каждого человека слишком сложна и загадочна, чтобы быть понятной самому себе до тех пор, пока его интеллект не будет полностью просветлен, когда сложность его натуры тоже исчезнет. Следовательно, план и метод, которые Садгуру принимает для постепенного освобождения душ отдельных учеников от всех сложностей их натуры, остаются для них непостижимыми. Но в должное время Гуру освобождает их.

Мы хотим дать здесь общее представление о взглядах, которые Йогирадждж выражал в ответ на вопросы искателей истины своими афористическими высказываниями и часто простыми намеками относительно существенных особенностей религии.

Во-первых, он обычно наставлял своих учеников регулировать свою внутреннюю и внешнюю жизнь в соответствии с принципами Санатана Дхармы. Он часто предлагал тщательно отличать Санатана Дхарму от Сампрадаика дхармы (традиционной религии). Санатана Дхарма — это не какая-то конкретная религиозная система, не стереотипный набор правил и положений, не специализированная форма садханы или упасаны, не какая-либо конкретная доктрина или вера в Бога или Высшую Реальность. Она не возникла из учений какого-либо Риши или группы Риши, святого или пророка, Аватара или Мессии или могущественного религиозного организатора в какое-либо конкретное время. Это Вечная Универсальная Религия Человечества (или Космический Закон, Всеобщая Истина), основанная на Вечных Универсальных Принципах, следуя которым человек может постепенно одухотворять всю свою природу, может достичь полной гармонии между собой и космическим порядком, совершенной свободы от всякого рабства и печали и наслаждаться блаженством Божественности в человеческой жизни. Сампрадаика дхарма (традиционная дхарма) — это особая форма, в которой Санатана Дхарма преподносится определенным влиятельным религиозным учителем конкретной группе людей. Каждая Сампрадаика дхарма имеет свое особое вероучение, специальные методы самодисциплины и правила поведения, свою особую социальную организацию. Эти специфические черты традиционных религий отделяют их друг от друга и нередко порождают узость, нетерпимость, фанатизм и враждебные чувства в умах своих последователей. Такое религиозное сектантство не только становится источником многих уродливых потрясений в человеческом обществе, но постоянно преграждает путь духовному прогрессу простодушных верующих приверженцев этих религиозных систем. Преданность Сампрадаика дхарме необходима и полезна для самодисциплины в период становления духовной жизни, но преданные должны остерегаться фанатичной приверженности, которая может означать духовное самоубийство. Они должны всегда обращать внимание на универсальные принципы Санатана Дхармы, чтобы оставаться в безопасности от подводных камней сектантства.

Согласно учению Йогираджа Гамбхирнатха, Санатана Дхарму не следует рассматривать как одну из многочисленных традиционных или общинных религий мира. Санатана Дхарма единая, вечная, универсальная, апаурушея (*apauruṣeya* – не произошедшая от человека), в то время как Сампрадаика дхарм много, они специфичные, рожденные во времени, созданные людьми или сверхлюдьми. Все они являются проявлениями Санатана Дхармы, проявляющимися в определенных формах, с определенными вероучениями. Вечные и универсальные истины Санатана Дхармы лежат в основе всех них, составляют их суть и иногда завуалированы их частными одеяниями, их внешними особенностями. Многие такие Сампрадаики дхармы родились в прошлом в лоне Санатана Дхармы, многие вымерли после того, как выполнили свои божественные цели, многие существуют теперь по тому же высшему плану и оказывают услуги человечеству, многие будут появляться в будущем во все новых и новых облачениях. Все они занимают свое почетное положение в человеческом обществе.

Каждый духовный искатель должен испытывать уважение к ним и к их основателям. Они представляют собой разные пути, ведущие к одной и той же духовной цели. Каждая из них особенно подходит для определенного времени и для духовных искателей с определенными типами санскар и темпераментов. Те, кто принял ту или иную сампрадаю, должны искренне и усердно соблюдать ее правила и предписания, чтобы очистить свое тело и ум и возвысить себя до более высоких уровней духовного сознания. Но они не должны испытывать недостатка в

уважении к другим сампрадаям, поскольку это должно подразумевать неразвитость их собственного ума, сердца и интеллекта и стоять на пути их духовного прогресса. «*Sav dharmo ko mān denā*», — учил Йогирадх. Узость, ханженство, нетерпимость, фанатизм, ненависть, неприязнь, неуважение к святым и верованиям других сампрадай — все это антирелигиозные факторы человеческой природы. Истинный духовный искатель должен подняться над ними, чтобы быть достойным духовного просветления. Истинная религия означает гармонию и мир внутри, а также гармонию и мир со всеми. Это подразумевает осознание единства во всем многообразии. Это требует универсальности мировоззрения. Это то, чему учит Санатана Дхарма.

Йогирадх дал своим ученикам очень возвышенное и чистое представление о религии. Религия, по сути, не заключается в совершении определенных ритуалов или религиозных действий каким-либо предписанным образом, или в слепом повиновении определенным правилам и предписаниям, обозначенным в некоторых религиозных писаниях, или в культивировании определенных религиозных эмоций и настроений, или в интеллектуальном принятии конкретных религиозных верований или догматов веры, или же в механическом повторении какого-либо Божественного имени определенное количество раз в день или метафизических размышлениях о конечной природе Высшей Реальности или в приобретении некоторых сверхъестественных сил и видений посредством специальных практик. Каждое из этих действий, сказал бы Йогирадх, имеет свою духовную ценность; но ни одно из них не является сутью религии. Каждое из них вносит свой вклад в развитие духовности, когда используется как средство для этого с пробужденным суждением (*vicāra*) и искренним духовным стремлением (*tumukṣā*). Но каждое из них может привести к духовному застою, а иногда даже к духовной деградации, если его слепо и догматично придерживаться как самоцели. Вера в путь, конечно, необходима; но путь не следует ошибочно принимать за цель. Путь на самом деле не является путем, если он не ведет ко все более высоким ступеням духовного развития. Духовный искатель должен всегда двигаться вперед по пути, должен встречать все новые и новые духовные переживания по мере своего продвижения, должен испытывать все большую и большую свободу от уз, печалей, забот и тревог мира, должен иметь все более и более одухотворенный взгляд на все мирские дела. Религиозная жизнь должна быть не статичной, а динамичной, постоянно развивающейся, жизнью, которая не должна успокаиваться до тех пор, пока не будет осознана Высшая Истина, пока вся она (жизнь) не одухотворится. Религия, по сути, состоит в постепенном одухотворении всей человеческой жизни, какими бы ни были принятые методы, внешняя природа пройденных уровней самодисциплины, старательно культивируемые убеждения и чувства. Религия предназначена для возвышения человеческой природы с физического, чувственного и низшего ментального планов на более высокие духовные планы и, наконец, для озарения всего человеческого сознания Божественным Светом и придания человеку Божественности. Это то, чему учит Сантана Дхарма.

В своих наставлениях ученикам Йогирадх Гамбхирнатх настоятельно подчеркивал необходимость развития способности суждения (*vicāra*) в духовной жизни не меньше, чем в практической. Он говорил: «*Vicāra hi tapasyā*». Под этим он имел в виду, что развитие и совершенствование способности суждения и различения, а также регулирование и облагораживание всех аспектов внешнего и внутреннего поведения в свете такого утонченного и просвещенного суждения следует рассматривать как наиболее важную часть духовной самодисциплины. Суровость, аскетизм, перенесение невзгод и лишений и т. д., которые обычно называются тапасьей, имеют, по его мнению, гораздо меньшую ценность с духовной точки зрения. Озарение сознания светом

Божественности и одухотворение всего существа этим светом является целью духовной культуры. Для этого просветление вичары является главным средством, и эта просветленная вичара должна обрести силу, чтобы контролировать, гармонизировать и освещать все аспекты жизни. Йогирадх наставлял своих учеников развивать и укреплять свою способность к независимому суждению и аргументации, утончать и просветлять ее, а также дисциплинировать все аспекты своей жизни: свои действия, речь, желания, вкусы, мысли, эмоции, убеждения и идеи – силой своего собственного просвещенного суждения. Поэтому Йогирадх не навязывал своим ученикам какие-либо строгие правила и предписания, не запрещал им принимать определенные виды пищи или совершать определенные поступки, не приказывал им произносить Божественное имя минимально необходимое количество раз или практиковать любую форму садханы или упасаны на какой-либо минимально установленный срок, не предписывал им следовать каким-либо определенным обычаям или привычкам в их домашней или общественной жизни. Хотя он и взял на себя заботу об их духовном благополучии, он оставил все подобные вещи на их независимое усмотрение. Когда в ответ на их вопросы он давал какие-либо указания, то это неизменно было в форме совета, только в качестве подспорья их суждениям. Он никогда не стал бы проявлять культуру Гуру по отношению к своим ученикам. Но, как ни странно, его ученики всякий раз, обращаясь внутрь себя, чувствовали, какое огромное влияние Гуру оказывает на их жизнь.

Придавая большое значение развитию и просветлению способности суждения, Йогирадх никогда не стал бы недооценивать веру (*viśvāsa*), преданность (*bhakti*) и практику (*kriyā*). Вера и преданность — это самые динамичные факторы жизни. Они придают людям мужество выполнять самые трудные и опасные задачи. Они даруют людям терпение и настойчивость, позволяющие выполнять свои обязанности перед лицом всех препятствий, невзгод и опасностей. В духовной жизни вера и преданность являются неременными условиями успеха. Когда с помощью утонченного суждения ясно понят идеал жизни и выбран путь его реализации, к нему следует стремиться с непоколебимой верой и преданностью, какими бы ни были трудности и препятствия на пути. Йогирадх время от времени говорил о чудесной силе веры. «*Viśvās ke śakti se asambhav bhi sambhav hotā hai*» (благодаря силе веры даже невозможное становится возможным), — говорил он. Вера может сдвинуть горы с пути человеческого прогресса. Вера способна творить чудеса. Если человек сможет сказать с твердой верой: «О Боже, яви себя во всей славе твоей здесь и сейчас», — тогда Бог немедленно явит себя. Однажды, чтобы проиллюстрировать силу веры, он рассказал историю. Преданная жена хотела умереть вместе со своим мужем, но полиция и родственники выступили против этого незаконного действия. Затем она смиренно помолилась о разрешении лишь несколько минут полежать рядом с мертвым телом своего дорогого мужа, что и было ей разрешено. Как только она легла, обняв мужа, необъяснимым образом вспыхнул огонь, окружив тела, и вода, пролитая для его тушения, казалось, действовала как топленое масло. Женщина сгорела заживо со спокойным и улыбающимся лицом. Это была сила веры, преданности и любви. Йогирадх советовал своим ученикам развивать веру, преданность и любовь к Гуру, шастрам и Владыке космического порядка свободно и разумно, а не рабски и без просвещенного суждения, и заверил их в совершенном успехе в жизни. «*Sav taraf acchā ho jayega*» (все будет хорошо во всех отношениях), — говорил он.

Вера, преданность и любовь, хотя они и являются наиболее ценными качествами духовной культуры, требуют постепенного просвещения посредством утонченного суждения. Их необходимо освободить от суеверий и предрассудков, от сектантской узости и фанатизма, от

чувственных и материалистических факторов, от привязанностей и эмоций низшего разума, которые нередко связаны с ними и преграждают путь духовного продвижения. Вера, преданность и любовь должны быть освобождены от привязанностей и нечистот низших ментальных планов и вознесены на все более и более высокие духовные планы. Они должны быть развиты таким образом, чтобы постоянно, энергично и радостно подталкивать сознание вверх к Высшему Духу, к Бесконечному Вечному Вселенскому «Я». Для этого неуклонного продвижения сознания вверх к осознанию Божественности внутри себя вера, преданность и любовь, которые являются динамическими факторами духовной жизни, должны постоянно находиться под контролем и руководством очищенной вичары, которая должна постепенно подниматься на все более высокие планы, – стараться все больше и больше освещаться Божественным Светом.

Йогираджд Гамбхирнатх обычно придавал особое значение джняна-вичаре, потому что часто обнаруживается (как он указывал), что шраддха, бхакти, према, будучи непросветленными джняна-вичарой, привязывают духовного искателя к определенному Богу или Богине (не понимаемым как всепроникающий Абсолютный Дух), или определенному Божественному имени или Божественному образу (без отчетливого осознания внутреннего Вселенского Духа, раскрывающего Себя в имени или образе), или определенному святому или пророку (слепо считающемуся единственным хранителем духовного знания) или к определенной системе религиозной дисциплины (которая по невежеству считается единственным путем к духовной цели). Когда вера, преданность и любовь привязывают разум к любой такой конечной реальности, они создают серьезные препятствия на пути духовного просветления. Духовный искатель истины должен предотвращать такие опасности с помощью джняна-вичары. Йогираджд никогда не потворствовал слепой эмоциональности или сентиментализму своих учеников, а также каким-либо суевериям, ограниченным предрассудкам или рабскому раболепству в духовной жизни.

Согласно учению Йогираджа, жизнь духовного искателя истины должна быть энергичной, наполненной сильной решимостью, уверенностью в себе, сильной верой, сильным стремлением к идеалу и любви к нему, и в то же время жизнью полной сладостного спокойствия и удовлетворенности, полной постоянно бодрствующих размышлений и созерцания. Он должен победить силы своей низшей природы; он должен подчинить себе силы дисгармонии и беспокойства в своей физической, чувственной и ментальной природе; он должен спасти свое сознание от господства этих сил и поднять его на все более и более высокие уровни духовного спокойствия, просветления и радости. Следовательно, он должен героически бороться с мирскими силами ради утверждения Божественного Царства на протяжении всей своей сознательной жизни. Именно с таким высоким духовным идеалом жизни и с твердой решимостью реализовать его искатель должен предложить себя Гуру для надежного руководства к цели.

Самоотдача Гуру не должна подразумевать духовную летаргию или освобождение искателя от ответственности за садхану или самостоятельные усилия. Любая такая идея означала бы отсутствие духовного устремления с его стороны. Гуру берет на себя ответственность за то чтобы безопасно вести его к идеалу, делать его путь более легким, плавным и сладостным, постепенно освещать его сознание Божественным светом, всегда сияющим внутри него самого, но ученик в своей сознательной рациональной жизни должен играть свою роль должным образом и энергично в соответствии с просветляющими наставлениям Гуру. Йогираджд, хотя и говорил так мягко, ласково и немногословно, всегда старался (так сказать) внушить искателям истины чувство силы, достоинства, уверенности в себе и ответственности, как в их духовной жизни, так и в

мирской. Он советовал им не беспокоиться о конечных результатах, в которые следует твердо верить, что они находятся в полной безопасности в руках Бога или Гуру. Он наставлял их не размышлять о своей прошлой жизни и не беспокоиться о будущем, а идти вперед в соответствии с направлением своего собственного утонченного суждения, а также в свете направления, полученного от Гуру и шаштр. Для утончения своего собственного суждения, они должны обратиться за руководством к Гуру, шаштрам и признанным святым.

Одно из основных наставлений, которое Йогираджд повторял почти каждому ученику после посвящения, гласило: «Не делайте различий между Божествами или Богами; на самом деле они все едины; они различаются только именами и формами, но не реальностью; один и тот же Абсолютный Дух раскрывает Себя во множестве имен, форм и особых славных характеристик и, таким образом, проявляется как Божества; искатель истины или искатель Бога должен видеть во всех них одного и того же Бога или Абсолютный Дух». Это, как он указал, одно из фундаментальных учений Санатана Дхармы. Абсолютный Дух, по сути, не имеет какого-либо особого имени или особой формы. Он даже не может быть адекватно понят в терминах каких-либо особых качеств или сил, какими бы славными они ни были. Этот безымянный лишенный формы, не имеющий атрибутов Абсолютный Дух может быть осознан как таковой в глубочайшем духовном переживании, когда сознание выходит за пределы области двойственности и множественности, области времени, пространства, причинности и относительности, области всех видов различий и становится полностью озаренным Абсолютным Духом и отождествленным с ним. Это высшая цель садханы. На нижних планах сознания трансцендентное единство Абсолютного Духа скрыто, и преобладает чувство различия. Цель, которую должен иметь в виду каждый духовный искатель на любом из этапов своей духовной самодисциплины, состоит в том, чтобы постепенно избавиться от чувства различия и продвинуться к реализации духовного единства всех существований и, в конечном счете, к совершенному единению с Абсолютным Духом. В реальной практике становится неизбежным, что пока еще не просветленный разум должен сформировать некоторую концепцию Абсолютного Духа в терминах тех или иных великолепных сил и атрибутов, должен связать какое-то имя с Духом в том виде, в котором он задуман и дать выражение этой концепции в форме образа. Вполне естественно, что представления о Непостижимом в различных человеческих умах должны различаться, что имен и образов Безымянного и Бесформенного должно быть много. Таким образом, было задумано множество Божеств, несущих Абсолютный Дух в пределах понимания человеческого разума.

Йогираджд учил, что эти разнообразные Божества — Боги и Богини — не обязательно должны быть отвергнуты как ложные или ничего не стоящие на том основании, что они не существуют как отдельные независимые реальности или личности, а являются лишь проявлениями одного и того же Высшего Духа в разных именах и формах. Во время духовной самодисциплины человеческий разум должен прибегнуть к помощи какого-нибудь избранного имени, формы и концепции. Отбрасывание всех имен и форм привело бы разум к пустоте или абстрактной универсальности или какой-то абстрактной концепции, от которой нельзя ожидать, что она поднимет сознание на более высокие планы духовного озарения. Поскольку садхаке на ментальном плане необходимо определенное имя и форма, чтобы дать ему конкретное представление о Высшем Духе, следует также уважать подобные другие имена и формы, принятые другими садхаками. Эти Божества, хотя они и различаются главным образом именами, формами и ментальными концепциями, не следует считать ложными или вообще несуществующими на ментальном плане. Ищущему истину

разуму следует рассматривать их как относительно или феноменально реальные. Но разум в поисках Абсолютной Истины должен приучать себя думать о них как о различных проявлениях одного и того же Высшего Духа, распознавать в них его сияющее присутствие и не делать между ними никаких различий или считать одних выше или ниже других. Искренний духовный искатель должен стараться чувствовать и наслаждаться величественным и прекрасным присутствием своего собственного высшего объекта преданности и любви в имени и образе каждого Бога и Богини, которым поклоняются в человеческом обществе. Таким образом, садхака должен с самого начала освободить свой ум от сектантских предубеждений и узости, придавать меньше значения конкретным именам и формам, через которые Высший Дух раскрывает себя, а также скрывает свой трансцендентный бесконечный вечный характер, и с помощью утонченного суждения и созерцания просветлять свое сознание для восприятия всепроникающего самосветящегося присутствия Высшего объекта его преданности и любви. Выработав привычку видеть один и тот же Абсолютный Дух, великолепно раскрывающийся и воплощенный во всех Богах и Богинях всех традиций и общин, садхака должен тренировать свой ум, чтобы видеть его раскрытым во всех его славных самопроявлениях (вибхути) как в природе, так и в человеческих личностях. При все более ярком озарении своего сознания садхака должен видеть Высший Дух, ярко сияющий во всех существах, а также внутри себя самого.

Йогирадх обычно говорил с некоторым ударением: «*Rup bahut hai, svarup ek hi hai; sav hi Paramātmā-svarup*» — Форм много, но сущностная Реальность одна; Параматма (Высший Дух) — это сущностная Реальность всего сущего. Религия означает систематическое стремление реализовать на своем опыте это сущностное духовное единство всех разнообразных форм существования. Осознание Бога означает осознание единого Высшего Духа как сущностной Истины всех кажущихся разнообразными видов феноменальных реальностей нашего нормального, ненормального и сверхнормального опыта. До тех пор, пока в уме преобладает чувство различия, пока различия форм сознательно принимаются умом как различия реальностей, ум находится в сфере невежества. Суть духовной культуры заключается в серьезной и систематической попытке выйти за пределы этой области невежества и увидеть единую Параматму во всем. Прогресс религиозной жизни должен измеряться прогрессом в осознании духовного единства, лежащего в основе многообразия мира, развитием духовности и, как следствие, универсальностью мировоззрения в рассмотрении всех явлений опыта. Это осознание одной Параматмы как Истины всех существований — осознание одного и того же самосуществующего, самосветящегося, блаженного Духа, сияющего внутри тела и ума, во всех людях и животных, природных силах и материальных объектах, — только это может дать совершенный покой и радость людям. Именно с целью этого осознания все религиозные правила и инструкции были предписаны шастрами и просветленными Гуру в соответствии со стадиями развития духовных искателей. Все формы Богослужения, все формы моральной самодисциплины, все религиозные обряды и церемонии, все обычаи и привычки, все верования и чувства, все исследования и размышления должны быть направлены к этой высшей духовной цели. Сознание должно подниматься на все более высокие планы, становиться все более и более очищенным и утонченным, чтобы достичь пригодности для реализации этой истины, для видения Параматмы в себе и во всем, для совершенного отождествления с Истиной.

Йогирадх Гамбхирнатх наставлял своих учеников быть несектантскими, необщинными, недогматичными, нефанатичными в своем религиозном мировоззрении ради собственного

беспрепятственного духовного продвижения. Он хотел, чтобы они возвысили свое сознание до уровня космополитизма и универсализма с духовной точки зрения. Он научил их видеть одну и ту же Параматму не только во всех Богах и Богинях и во всех классах людей, но также во всех существах и объектах природы. Он советовал им культивировать всеобъемлющую любовь ко всем и отсутствие ненависти к кому-либо. Но он не одобрил бы никакого насильственного восстания против социальных ограничений в их практической жизни. Он наставлял учеников и искателей истины соблюдать общие законы и обычаи, которые возможно преобладают в обществах и общинах, к которым они принадлежат, в вопросах питания, брака и других форм социального поведения, хотя эти законы и обычаи могли быть основаны на чувстве различия и возможно это не сильно оправдано в свете просвещенного суждения. Различия должны быть во всех обществах и социальных группах, во всех человеческих организациях, во все века и во всех странах точно так же, как должны быть различия внутри космического порядка. Законы и обычаи, правила и положения предназначены для установления и поддержания гармонии и мира среди этих различий. Эти законы и обычаи, правила и положения также различны в разных обществах и сообществах, и со временем они меняются и принимают все новые и новые формы. Разные социальные структуры, чтобы приспособиться к меняющимся обстоятельствам мира, должны изменить свои законы и обычаи. Ни один из этих социальных и общинных законов и обычаев не должен рассматриваться как санатана (постоянный). Для внесения революционных изменений, когда это необходимо, рождаются особо одаренные личности с божественно назначенной миссией. Духовным искателям следует, как правило, следовать преобладающим обычаям и законам в том виде, в каком они их находят, в своей практической жизни, но не следует придавать им чрезмерного религиозного значения. В то время как в практических целях, соблюдать социальные и общинные обычаи, основанные на чувстве различия между людьми, духовным искателям следует внутренне превзойти их с помощью утонченной вичары и сформировать внутреннюю привычку пребывать в царстве духовного единства и равенства. Йогираджд дал им формулу: «*Samadarśi bano, samavarti nahi*» — видеть равенство и единство всех, но не пытаться быть равными всем во внешнем поведении.

Йогираджд не поддерживал точку зрения о том, что совместные трапезы, смешанные браки и подобные другие внешние проявления каким-либо образом помогут устранению неравенства между людьми и установлению мира, гармонии, равенства и единства в человеческом обществе. По его словам, первостепенное значение имеет утончение внутреннего характера человека и развитие духовных качеств. В своих наставлениях искателям истины он всегда делал акцент на утонченной вичаре, просветленном образе мышления, рассматривая людей и вещи с духовной точки зрения, приведении всех мыслей, желаний и чувств в соответствии с духовным идеалом жизни, поднятии сознания к все более высоким планам единства. Если внутренний мир одухотворен, все проблемы внешней жизни легко решаются. Если люди обучены духовному образу мышления, они сами чувствуют, что их собственное духовное саморазвитие требует отношения ко всем как к равным, подлинного сочувствия и сопричастности ко всем, принесения в жертву эгоистических интересов ради всеобщего блага, служения всем в духе поклонения воплощенной в них Параматме. Пробуждение духовного порыва, скрытого во всех людях, само собой разумеется, привело бы к миру, гармонии, равенству, единству и красоте в человеческом обществе.

Что касается правил внешнего поведения, Йогираджд в общих чертах наставлял искателей истины следовать универсальным принципам Ямы и Ниямы. Из них он снова делал особый упор на правдивость, честность в отношениях со всеми людьми, милосердие и нежелание смотреть на темные стороны других и говорить о них. Все это следует практиковать в мыслях, словах и делах. Таким образом, вся природа должна быть очищена, чтобы сознание могло достичь пригодности для духовного просветления. Он хотел, чтобы духовные искатели практиковали благотворительность (в соответствии с их возможностями) к бедным и обездоленным, а также к садху, отрекшимся от мира, как форму поклонения Господу. Он особенно предостерегал их от того, чтобы они плохо отзывались о других (*para-nindā*) и лелеяли какие-либо недобрые чувства или недобрые намерения по отношению к другим (*vaira-bhāva*).

Йогираджд Гамбхирнатх принимал в свои ученики ревностных духовных искателей истины, вложив в их уши некоторую мантру, которую он посоветовал им хранить в секрете. Мантра состоит из какого-либо божественного имени со словами, подразумевающими дух полного самопожертвования Господу и Гуру. Он говорил, что мантра заряжена духовной энергией и обладает силой провести ученика через все стадии духовного развития к конечной цели духовного совершенства, если ее правильно развивать с верой, преданностью, любовью, чистотой и серьезностью. Казалось, он вложил в мантру свою духовную силу для постепенного возвышения и просветления внутреннего характера учеников. Для особой духовной практики он наставлял учеников главным образом повторять в уме Божественное Имя (полученное в мантре) как можно чаще, помнить дух мантры при любых жизненных обстоятельствах, развивать веру в Божественное имя, и преданность и любовь к нему и стараться почувствовать сияющее присутствие Божественного Духа в Божественном имени. Он заверил их, что, если бы они только могли придерживаться Божественного имени с верой, преданностью, любовью, чистотой и искренним молитвенным настроением, имя, посредством своей духовной силы, постепенно просветило бы их сознание, освободило бы от слабости, порочности и тьмы их низшей природы, принесло бы мир, гармонию, сладость и радость в их жизнь и сделало бы все их существо пригодным для получения самосияющего Божественного Света. Йогираджд наставлял учеников не делать никакого различия между Божественным именем и Божественным Духом (*nāma* и *nāmi*). Имя – это словесное воплощение Духа. Его следует воспринимать как Сам Высший Дух, проявленный в словесной форме точно так же, как Божественный образ следует понимать как Высший Дух, проявленный в материальной форме. Более того, имя, одухотворенное Гуру, полностью отождествляется с Божественным Духом. С каждым произнесением или вспоминанием Божественного имени духовный искатель должен стараться почувствовать живое прикосновение Божественного Духа. Нама-джапа (повторение Божественного имени) не должна превращаться в механическое проговаривание. Это должен быть живой процесс поминания Господа сознательным разумом с вниманием и любовью.

Йогираджд предостерегал своих учеников от ошибочного мнения, что имя, в которое они были посвящены, было именем какого-либо конкретного Божества с особыми качествами и определенными телесными формами, в отличие от других Божеств с другими отличительными качествами и формами. Он всегда призывал их выбросить из головы все подобные узкие сектантские идеи. Божественное имя — это имя единого Высшего Духа, который является Душой и Господом вселенной и раскрывает Себя в бесчисленных именах и формах. Шива, Вишну, Брахма, Кали, Дурга, Рама, Кришна и т. д. — все это восхитительные имена, обозначающие один и тот же

Высший Дух, который в Своей трансцендентной природе стоит выше всех имен и форм. С каким бы священным Именем садхака ни был посвящен на путь духовной самодисциплины и самопросветления, он должен всегда созерцать одно и то же бесконечное и вечное, всепревосходящее и всепроникающее, самосветящееся и всепросветляющее качество Высшего Духа, как истинное значение этого имени. Значение Божественного имени или мантры не определяется значением слов.

Божественное имя является наиболее мощным инструментом для преодоления пропасти Майи, разделяющей человеческий разум и Абсолютный Дух, если имя правильно понято утонченной вичарой. Человеческий разум должен приложить сознательные усилия, чтобы избавиться от печального рабства всех имен и форм с эффективной помощью одухотворенного и динамизированного Божественного имени, столь милостиво вложенного в него Гуру. Божественное имя должно идеально объединять человеческий разум с Божественным Духом, если только ум по глупости не препятствует прохождению, добровольно лелея примитивные, узкие, суеверные идеи и привязанности. Открытый, чистый, искренний, ищущий истину ум необходим для того, чтобы Божественное имя эффективно раскрывало свои внутренние силы, постепенно просветляя его и вызывая наиболее блаженный союз ума с Абсолютным Духом.

Уже было замечено, что Йогираджд не навязывал свою волю или приказ внешнему поведению своих учеников. Он не стал бы вмешиваться в их свободу суждений и свободу действий. В вопросах повседневной духовной практики он также не предписывал никаких обязательных правил и положений. Он питал самое глубокое сострадательное сочувствие к их умственным и нравственным слабостям и их мирским обязанностям. Он знал, что время, имеющееся в их распоряжении для специальной духовной практики, коротко и что и это короткое время они не смогут полностью использовать из-за своей слабости. Следовательно, благословив их посвящением, он предоставил им почти полную свободу развивать свой характер и поведение по своему, свободно проявляя свою силу суждения и воли. Он будет направлять их в их продвижении изнутри.

Что касается Нама-джапы (повторения Божественного имени), он говорил, что они могут памятовать имя утром и вечером в течение одного часа, или получаса, или четверти часа, или пяти минут, или в течение любого периода времени в зависимости от их удобства. Минимальное количество раз не было установлено. Пользоваться четками не было необходимости. Сидеть в какой-либо специальной позе было необязательно. Каждый садхака должен использовать свой вариант. Любая форма церемониального поклонения также была необязательной. Какое бы время духовный искатель ни посвящал практике Нама-джапы вместе с любой формой пуджи или любой другой духовной практикой, ожидалось, что это следует делать с верой, любовью, глубоким вниманием и искренним стремлением к духовному возвышению. Без искреннего и серьезного духовного устремления, обращение к какому-либо Гуру было бессмысленным, — иногда можно было слышать от Йогираджда. Он рассчитывал на искренность и правильность суждений учеников.

Делая духовную практику такой легкой для мирских мужчин, женщин и даже детей, он не упускал возможности привлечь их внимание к идеальной форме Нама-садханы. Божественное имя следует помнить и созерцать с каждым вдохом, и к нему так следует относиться постоянно, чтобы Божественный Дух, воплощенный в нем, был как бы преобразован в дыхание жизни. Ни одному

вдоху не должно быть позволено выйти наружу или войти внутрь без того, чтобы он не был связан с Божественным именем. Фактически это означало бы постоянную медитацию на Высший Дух. Сознание должно быть поглощено и озарено Им.

Некоторые ученики спросили Йогираджа, достаточно ли Нама-садханы для духовного просветления или необходимы такие другие формы садханы, как пранаяма, дхьяна и т. д. Йогирадж мягко предположил, что если они будут практиковать Нама-садхану, как указано, с верой, преданностью, чистотой, любовью и серьезностью в течение некоторого времени, то этот вопрос постепенно исчезнет, потому что опыт научит их, что все другие необходимые формы садханы вовлечены в это и со временем эволюционируют из нее. Следует помнить, что Гуру оживляет и освящает Божественное имя, данное ученику, своей собственной совершенно пробужденной духовной силой, которая постепенно раскрывается в сознании ученика по мере продвижения его практики. Ученик должен принять это могущественное Божественное имя в свой разум с безоговорочной верой и преданностью и сформировать привычку вспоминать его настолько часто и глубоко, насколько позволяют его способности и обстоятельства, с чистотой, любовью и искренним духовным устремлением.

По мере того, как с практикой связь между именем и умом становится все теснее и теснее, благодаря имени, духовная сила постепенно изменяет природу ума, освобождает его от разнообразных устремлений к миру и привязанностей к объектам чувственных наслаждений, трансформирует и одухотворяет свое мировоззрение и образ мышления, все глубже концентрирует свое внимание на духовном просветлении, поднимает его на все более высокие планы, пока не завершится его соединение с Божественным Духом. Очевидно, что чем глубже ум чувствует влечение к Божественному имени, воплощающему Божественный Дух, тем больше он становится естественным, спокойным, умиротворенным и сосредоточенным, тем более свободным он становится от мирских мыслей, желаний, забот и тревог, тем больше регулируются и гармонизируются функции тела, органов чувств и нервной системы, тем более ритмичным и глубоким становится дыхание. Весь психофизический организм постепенно концентрируется на Божественном имени. По мере прогресса концентрации Божественное имя почти незаметно освобождается от звукового элемента, который составляет его внешнее воплощение, раскрывает Себя как самосияющий Божественный Дух и озаряет все сознание. Сознание тогда теряет чувство отделенности от Высшего Духа и становится единым с Ним. Таким образом, Нама-садхака проходит весь курс Йога-садханы без какого-либо сознательного внимания и искусственной практики ее конкретных Анг (частей). Йогирадж, с помощью нескольких слов объяснения, советовал своим ученикам развивать веру и преданность имени и серьезно заниматься Нама-садханой, уверяя их, что все придет в свое время: «*Nāma se sav kuch ho jāigā*».

Было отмечено, что Йогирадж, хотя и считался величайшим знатоком хатха-йоги и раджа-йоги своего времени, не давал уроков по этим процессам своим ученикам. Он говорил, что в наши дни было мало людей, которые физически, темпераментно и морально были пригодны (адхикари) для продолжительной практики эзотерической хатха-йоги, ведущей к духовному просветлению. Некоторые люди могут на какое-то время выучить несколько простых практик, приобрести некоторые мистические силы и видения, ошибочно принять их за духовные достижения, наполниться тщеславием и высокомерием и выставить их напоказ. Столь незначительные познания в хатха-йоге обычно приводили их к духовному самоубийству. Домохозяев, которые были скованы мирскими обязательствами, особенно предостерегали от следования этому пути.

Йогираджд говорил о пути бхакти как о наиболее подходящем для духовных искателей нашего века. Но бхакти-садхану не следует путать с простым сентиментализмом или эмоциональностью во имя религии точно так же, как йога-садхану не следует путать с некоторыми конкретными упражнениями для тела, дыхания и психических сил, а также с развитием некоторых сверхъестественных знаний и способностей. Бхакти, хотя и уделяет больше внимания эмоциональным элементам, таким как вера, восхищение, почтение, любовь, преданность и т. д., должна быть очищена, просветлена и освобождена от суеверий, предрассудков, узости и чрезмерной эмоциональности и ритуализма путем культивированного утонченного суждения (таттва-вичара) и должна быть сосредоточена (йога-юкта) на Высшем Духе, со спокойствием и умиротворением. Нама-садхана, согласно указаниям, является самой простой, безопасной и наиболее эффективной формой бхакти-садханы, в которой участвуют как джняна, так и йога.

На каждой стадии садханы садхака должен культивировать отношение самопожертвования Господу и стараться освободить свой ум от эгоизма (ахамкары), от Я и Моего. «*Mai nahi rakhnā*» — Это не следует подпитывать, — говорил Йогираджд. Эго — центральный столп порабощения. Эго должно быть предано Высшему Духу для того, чтобы оно стало просветленным. Развитие духа самоотдачи Господу является наиболее эффективным фактором бхакти-садханы и самым надежным средством освобождения от рабства мира. О Господе следует размышлять как об единственном Хозяине тела и мирского окружения.

Предписывая бхакти-садхану — и особенно Нама-садхану — как наиболее подходящую форму духовной практики для большинства духовных искателей нынешнего века при существующих обстоятельствах, Йогираджд ясно указывал, что без джняны не может быть никакого мукти («*Jñāna vinā mukti nahi hoti*»). Под джняной он имел в виду совершенное просветление и одухотворение сознания, при котором индивидуальное сознание полностью отождествляется с Вселенским Сознанием, при котором индивидуальное эго полностью теряет чувство отделенности от Высшего Духа (Параматмы), в котором сознание полностью осознает, что Единый Бесконечный Вечный Абсолютный Дух является единственной Реальностью, единственной истиной индивидуальной души и Вселенной. В этой джняне осуществляются все формы садханы. Именно эта джняна, дает индивидууму окончательное мукти, то есть совершенное освобождение от всех возможных уз мира, от всех возможных забот, тревог, страхов и печалей.

Мукти не может быть достигнуто в результате какой-либо кармы или действия, какими бы хорошими, благородными и достойными они ни были. Оно не может быть даровано в качестве милости ни одним человеком, каким бы просветленным и обладающим йогическими способностями он ни был. Йогираджд однажды насмешливо сказал, что «ни один Гуру не может превратить это в напиток и влить в рот ученику». Но если человек искренне и серьезно хочет избавиться от печалей и уз мира и готов посвятить всю свою энергию, которая у него есть, необходимой для этого самодисциплине, и если с этой целью он предает себя Гуру, Гуру может направить его дальше и облегчить его путь, сможет постепенно трансформировать и просветлять его сознание и в конечном итоге благословить его тем высшим духовным озарением, в котором он сам сможет непосредственно пережить это блаженное мукти. Мукти — это сам опыт, а не какой-то объект, который можно дать или взять. Это возвышение сознания до трансцендентного состояния, состояния Сверхсознания, состояния Авадхути.

Йогираджд Гамбхирнатх, передавая духовное учение своим ученикам, которые в основном были домохозяевами, советовал им не пренебрегать своими важными домашними и общественными обязанностями. Он не поощрял их импульсивные тенденции к принятию саньясы, кроме исключительных случаев. Он говорил, что должное выполнение основных мирских обязанностей никоим образом не противоречит интенсивной духовной практике. Изменить следует лишь ментальное отношение к этим обязанностям и манеру их выполнения. В прошлом среди домохозяев было много великих джняни, бхакт и йогинов. Домохозяева нынешнего века также не должны быть неуверенными в себе и не должны терять надежду на духовное просветление из-за своих неотложных домашних и общественных обязанностей.

Следует помнить, что эти обязанности возложены на них Параматмой — Господом их души и Господом вселенной. Поэтому эти обязанности следует воспринимать как священные и выполнять их с чистым сердцем, чистым телом и просвещенным суждением. Их следует рассматривать как особую форму поклонения Параматме и выполнять честно, добросовестно и усердно, с духом преданности в уме. Таким образом, выполняемые действия должны быть сублимированы, одухотворены и превращены в богослужение. Мотивом добросовестного исполнения всех священных домашних и общественных обязанностей должно быть духовное самоочищение и самовозвышение. Если духовное устремление остается сильным в уме, не должно быть чрезмерной привязанности к конкретным действиям, а также никаких забот или тревог по поводу их конкретных мирских последствий. Работу для Бога следует выполнять с преданностью и любовью к Богу в сердце, а ее результаты следует оставить на попечение Бога. Ум, обладающий верой в Господа и полагающийся на него, свободный от желаний, привязанностей и тревог о мирских последствиях совершаемых действий, наслаждается спокойствием даже среди самых сложных обязанностей. Мирские отношения, такие как отношения между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, соседями и т. д., в действительности являются божественно упорядоченными духовными отношениями, и их взаимные обязательства также по своей сути духовны. Обязанности, если рассматривать и выполнять их с духовной точки зрения, не становятся источниками рабства и печали и не создают никаких препятствий на пути духовного просветления сознания. Домохозяевам необходимо научиться быть истинными домохозяевами в Божественном мире в соответствии с просветляющими принципами Санатана Дхармы, и тогда они смогут наслаждаться покоем и радостью даже в мирской жизни. Им следует стараться помнить Божественное имя среди всех своих дел, и Божественное имя спасет их от всех затруднений.

Часто наблюдалось, что Йогираджд призывал своих учеников главным образом полагаться на свою собственную вичару для духовного возвышения их характера и поведения, и что он советовал им совершенствовать и просветлять ее в свете учения Гуру, шастр и других заслуживающих доверия святых и мудрецов. Среди всех шастр самое важное место он отвел Шримад-Бхагавад-Гите. Он поручил своим ученикам изучать Гиту с особым вниманием, верить в нее как в Слово Божие, а также совершенствовать и просветлять свои суждения в свете этого универсального писания. Он назвал Гиту истинной книгой для всех времен: «*Sav yugo ke liye satya grantha*». Истинный дух Санатана Дхармы наиболее мощно и прекрасно раскрыт в Гите. Одной этой книги достаточно для духовных искателей истины, — «*Ek Gita bahut*», — сказал Йогираджд.

Глава 13. Последние годы в физическом теле

С тех пор как Йогираджд Гамбхирнатх согласился принять положение Садгуру и начал давать духовное прибежище у своих ног искренним искателям истинной духовной жизни, он прожил, как уже упоминалось ранее, едва ли восемь лет в своем смертном теле. В этот период он редко покидал Горакхпур и территорию храма Горакхнатха. Храм Горакхнатха, который на протяжении многих веков был местом паломничества всех классов религиозно мыслящих хинду — особенно последователей Натха-Йога Сампрадаи, а также нищих, — стал в эти годы местом особой привлекательности для искателей истины всех традиций из-за его присутствия. В любое время года его посещали мужчины и женщины, аскеты и домохозяева, старые и молодые, богатые и бедные, образованные ученые, а также неграмотные крестьяне и рабочие. Многие из них видели в нем бессмертного Мудреца и Человека-Бога Горакхнатха, воплощение Шивы, снова раскрывающего себя в физическом теле из любви и милосердия к людям этого века, страдающим от недостатка веры и уважения к религии, от утраты духовного сознания и забвения духовного идеала человеческой жизни.

У него не было миссии; у него не было организации; у него не было ни рвения, ни энтузиазма к нравственным или духовным наставлениям; у него не было тщеславия распространять духовный свет в стране и мире; у него не было идеи проповедовать истинную религию людям того времени и уничтожить их невежество и суеверия; у него не было чувства ответственности в вопросе создания духовной атмосферы в обществе и воспитания духовно настроенных людей. Но сам вид его лица создавал в сознании наблюдателей беспрекословную веру в реальность духовного мира, пробудившееся сознание духовного идеала человеческой жизни, живое ощущение бесконечного, вечного, блаженного духовного существования. Многие вдумчивые наблюдатели отмечали, что видеть его означало видеть Бесконечное в конечном теле, видеть Вечное Неизменное Существо в преходящей изменяющейся форме, ощущать невозмутимую блаженную тишину неведомого мира, царящую над ним и как бы заглушающую шум, раскаты грома и крики агонии людей, мир нашего обычного опыта. Многие люди, потерявшие веру в Бога и другой мир и впитавшие насмешливое отношение ко всем религиям, случайно или из чистого любопытства приходили к нему и обращались в стойких верующих от одного лишь вида его спокойного лица и таинственных глаз. Многие скептики приходили к нему с целью задать ему ряд загадочных вопросов, но, к своему крайнему изумлению, они обнаруживали, что все вопросы исчезали из их сознания в его присутствии, и им казалось, что его сверхъестественное мистическое появление само по себе было адекватным ответом на все их вопросы. Люди видели его и охотно покорялись ему.

Так продолжала осуществляться одухотворяющая миссия его земного существования, без всякого плана и замысла с его стороны и, по-видимому, даже без всякого его собственного осознания. Образованная бенгальская молодежь, и особенно те, кто имел духовное стремление в своих сердцах, но потерял веру в истинность нынешних догм и духовную ценность старых ритуальных форм поклонения и преобладающих обычаев инициации Кула-гуру (потомственные Гуру отдельных семей) — казалось, были им особенно привлечены. Они были глубоко обязаны выдающемуся религиозному учителю и реформатору Виджою Кришне Госвами и его ученикам за информацию о необычайном духовном величии Йогираджда. Можно сказать, что именно искренность этих бенгальских юношей привела его к тому, чтобы стать Гуру. С 1910 года они продолжали собираться вокруг его ног во все большем и большем количестве. Во время осенних

праздников – Дурга Пуджи и Дашахары – когда все школы, колледжи, суды и офисы в Бенгалии оставались закрытыми около месяца, храм Горакхнатха практически превратился в «ашрам бенгальских Бабу». Ученики и претенденты на ученичество собирались там в больших количествах во время этих праздников и наслаждались покоем ашрамской жизни в присутствии Гуру. Гуру брал на себя заботу об их пище, крове и комфорте и устраивал все для них своим собственным неподражаемым способом. Ученики были гостями Горакхнатха, пока они оставались в ашраме, а Гуру, как представитель Горакхнатха, был их хозяином. Они были в эти дни свободны от всяких забот и неприятностей. Казалось, они обитали совершенно в другом мире. Они вкусили бесстрашную трансцендентную радость жизни в мире Гуру, мире любящего и милосердного Господа. Их учили, насколько свободными от душевных забот, беспокойств, страхов и тревог и какими полными радости, мира и спокойствия они могли бы стать даже в своих домах и на работе, если бы в глубине своего сердца они могли чувствовать, что и там они живут в мире Гуру, если бы они могли помнить, что то, что они в своем глупом тщеславии воображали своими собственными домами и постоянными обителями, также входило в мир Господа, который контролировал и управлял ими из-за завесы их невежества, и что там также находились любящие и милосердные глаза Всемогущего и Всеведущего Божественного Гуру, какими они были и в этом ашраме.

Однажды некоторые ученики, прощаясь с ним в конце своего пребывания в ашраме, между прочим, рассказали ему, насколько свободны и счастливы они были в эти дни, и провели контраст между своей жизнью в его близости и жизнью вдаль от него. Они также искренне молились, чтобы он не спускал с них милосердного взора, даже когда они были вне его поля зрения. Гуру со слегка улыбающимся видом раскрыл свои безмятежные губы и нежным, предлагающим надежду жестом правой руки прошептал им: «Близость и расстояние — это не что иное, как концепции разума; на самом деле вы никогда не находитесь вне поля зрения вашего Гуру; не забывайте Гуру, полностью доверяйте Ему, и вы почувствуете, что Гуру всегда с вами, где бы вы ни находились, и что Он постоянно заботится о вас; если вы сможете воспитать в себе привычку думать, что вы всегда пребываете в доме Господнем, даже находясь на работе, вы сможете наслаждаться той же свободой от забот и тревог, той же внутренней радостью, миром и спокойствием, как в этом ашраме Натха Джи». Йогирадх наставлял своих учеников жить своей домашней и общественной жизнью мужественно, бесстрашно, оптимистично, честно и разумно, с сознанием того, что они от Господа, что их друзья и враги, их родственники и соперники, их хозяева и слуги, все, с кем они соприкасались, были от Господа, и что их наслаждения и страдания, их приобретения и потери, их взлеты и падения были определены Всемогущей волей всесправедливого, всемилостивого, вечно бдительного Господа. Он сказал им, что, если бы они были верны Господу, верны Гуру, им нечего было бы бояться в этом мире, потому что Господь управляет всеми физическими обстоятельствами, а также умами всех людей.

Имя и духовное величие Йогирадха Гамбхирнатха приобретали все большую известность благодаря его ученикам и почитателям, имевшим счастье вступить с ним в непосредственный контакт. Их свидетельства из первых рук, добавленные к тому, что было услышано ранее, усилили любопытство бесчисленных мужчин и женщин из разных уголков Бенгалии получить его даршан. Многие из них страстно желали получить от него благословение на посвящение. Те, у кого были средства поехать в Горакхпур, через посредников получили разрешение от Йогирадха и отправились в путь, как только смогли. Но было и много других, которые либо из-за недостатка

денег, либо из-за отсутствия самостоятельности, то ли в силу различных трудностей, не смогли, несмотря на свою серьезность, приехать в Горакхпур, чтобы получить вожденные благословения от Йогираджа. Горакхпур был вне их досягаемости. Из их сердец исходили молитвы о том, чтобы Йогирадх хотя бы раз приехал в Бенгалию из жалости к ним. Ученики пытались убедить его исполнить горячее желание многих искренних искателей духовного света. Но отправляться в какое-либо место с миссией проповеди или обучения было несовместимо с принципом внешнего поведения Йогираджа. Он спокойно отказался покинуть свое постоянное место, место, куда Господь поместил его на данный момент. В ответ на молитвы, передаваемые ему беспомощными мужчинами и женщинами из разных уголков Бенгалии, он мягко говорил, что те, кому суждено было получить через него Божественную Благодать, так или иначе соприкоснутся с ним в подходящее время и что Господь по Своей милости к ним изобретет для этого подходящие средства. Несмотря на то, что он был таким мягким, дружелюбным и любящим во всех своих отношениях со всеми всевозможными мужчинами и женщинами, и даже с животными и червями, он никогда ни в малейшей степени не мог быть отстранен от своего принципа поведения любыми уговорами. Будущее, конечно, отчетливо представлялось ему, но он никому не выдавал тайну, поскольку еще одним принципом его поведения было не проявлять свои мистические знания и силы.

В 1914 году представился случай, конечно, в соответствии с тем, что Йогирадх назвал бы Божественным планом. В его глазах была обнаружена катаракта, и один глаз нуждался в хирургической операции. Ученики и последователи, а также садху настаивали на том, что он должен переехать в Калькутту для получения лучшей медицинской помощи. В таких вопросах он подчинялся обычным кодексам правильного поведения мирских людей. Как противоречило его принципу использовать йогические способности (за исключением особых случаев) в сфере мирских обязанностей и служения, наслаждений и страданий, так же противоречило его принципу не следовать общим кодексам правильного поведения, признанным таковыми в обществе, и не применять подходящие с мирской точки зрения методы и средства для решения проблем мирской жизни. Точно так же, как человек должен правильно питаться, когда голоден, так же он должен проходить надлежащее лечение, когда чем-либо заболевает. В случае нападения со стороны какого-либо врага мужчина должен предпринять эффективные меры для самозащиты и даже может прибегнуть к насилию, если это необходимо. В случае опасности он приложит все усилия и призовет соответствующую помощь, чтобы предотвратить ее. Человек с домашними и социальными обязанностями должен достойно выполнять обязанности своего положения, должен прилагать честные усилия, чтобы заработать деньги для этой цели, и должен прибегать к подходящим средствам для того, чтобы достойно заявить о себе как о благородном, честном, активном, мужественном, благородном и великодушном светском человеке. Но в своем сердце и разуме он должен всегда чувствовать и помнить, что его жизнь и судьба, успехи и неудачи его усилий, наслаждения и страдания его самого и всех других, а также все обстоятельства мира находятся целиком и исключительно в руках любящего и милостивого Господа, что он и все создания вселенной от Господа, и Господь бодрствует в полной мере и активно направляет и управляет всеми ими как изнутри, так и свыше. Таково было практическое наставление Йогираджа Гамбхирнатха всем людям действия в мире, и этому же принципу он сам следовал в своей практической жизни.

Жизнь и смерть, здоровье и болезнь, богатство и бедность, честь и оскорбление — все было одинаково для Йогираджа Гамбхирнатха, который внутренне наслаждался высшим блаженством непрерывного общения с Божественным Духом, которого он осознавал, как свое собственное истинное «Я» и истинное «Я» Вселенной. Его внешнему сознанию все эти двойственности казались «снами внутри снов», и он превзошел их все в своем внутреннем сознании. Его спокойствие нисколько не нарушалось никакой болезнью, никакой физической болью, никакими телесными недугами. Как не было у него привязанности к телесной жизни и комфорту, так не было у него и привязанности к внешнему зрению. Слепота, конечно, не была для него ужасом, поскольку его внутреннее зрение не было бы затуманено из-за этого. Но, тем не менее, когда врачи Горакхпура, доброжелатели ашрама, садху сампрадаи, а также его ученики и последователи стали настаивать на том, что его катаракта созрела для хирургической операции и что операцию следует провести в Калькутте, где была доступна помощь самых опытных хирургов, Йогираджд, как кроткий и нежный пациент, послушался их совета и выразил готовность отправиться в путешествие.

Но ему не нравилось тратить столько денег ашрама на лечение своих глаз. Имущество ашрама принадлежало Натха Джи (Господу) и, следовательно, садху и беднякам. Деньги, предложенные Господу, должны быть посвящены поклонению Господу и, как существенной части этого поклонения, на служение садху, которые отказались от всего личного имущества ради того, чтобы посвятить свое время и энергию исключительно духовной самодисциплине и служению Господу, служению людям, терпящим бедствие, к которым следует относиться как к народу Господа или как к Самому Господу в скрытой форме. Людям, у которых нет средств, нужно дать как можно больше комфорта с помощью денег Господа. Это был принцип, на котором Йогираджд основывал дела ашрама. Какую ценность имели его глаза, ради которых нужно было потратить столько денег? Разве это не было бы равносильно лишению бедняков их законной доли?

Бенгальским ученикам Йогираджда также не нравилась идея, что расходы их Гуру Махараджа на поездку и пребывание в Бенгалии для лечения должны покрываться из фондов ашрама или из пожертвований небенгальцев. Хотя большинство его учеников были бедны (ибо и в деле посвящения он чаще проявлял свою милость бедным), они взяли на себя все расходы. Пока они пытались собрать между собой деньги, один из учеников, которого никак нельзя было назвать очень богатым человеком, и который находился в то время в необычайных денежных трудностях, получил изнутри вдохновение, что он должен взять на себя все бремя расходов на лечение Гуру. Он, естественно, считал себя особенно удачливым, так сказать, особым любимцем Гуру, получив, как он верил, это Божественное повеление служить Гуру. Он сразу же сделал все необходимые приготовления. Братьев-учеников убедили предоставить ему эту особую привилегию.

В один благоприятный день Йогираджд Гамбхирнатх отправился в Калькутту. Его сопровождала довольно большая компания. Баба Брахманатх джи, один из его первых монахов-учеников, который был тогда главным пуджари Натха Джи (Хозяина храма), а затем Махантом храма Горакхнатха, присоединился к сопровождающим, чтобы иметь возможность служить личности Гуру по этому особому случаю. Брахмачари Калинатх, бенгальский брахман, который после досрочного ухода с государственной службы посвятил всю свою жизнь служению Гуру и получил священную привилегию заботиться о его личном комфорте изо дня в день в течение многих лет, следовал за ним, как тень. В компании были и другие садху и ученики.

Для его бенгальских бхакт, многие из которых были знакомы только с его именем и славой и жаждали его даршана и святого прикосновения, катаракта в его глазах была всего лишь божественно спланированным изобретением, призванным привести его в Калькутту и исполнить их давнее заветное желание. Многие искренние искатели истины, которые молились о посвящении у него, но не имели средств поехать в Горакхпур, были полны радости при мысли, что молитвы их сердец были услышаны. Как только они услышали, что Йогираджд едет в Калькутту, они приготовились предстать перед ним.

Йогираджда встретили на вокзале множество бхакт, проживающих в Калькутте. Сначала он отправился с группой в Горакх-Бансали, что находится в Дум-Дум, пригороде Калькутты. Это ашрам Натха-йога Сампрадаи и их культурный центр в Бенгалии. Выразив сперва свое почтение первым Гуру традиции, основавшим этот ашрам, и святым, освятившим это место своей духовной практикой и реализацией, Йогираджд переехал в просторное здание в самом городе, которое было арендовано для него и его группы.

В день их первого входа в дом всем присутствующим раздавали сладости по давнему обычаю, одобренному самим Гуруджи. Дом сразу же превратился в настоящий ашрам. Йогираджду было отведен ашрам (место) в центральном зале на верхнем этаже. Как это было с ним обычно, он почти весь день сидел на одном и том же сиденье в своем медитативном настроении, с глазами, устремленными внутрь себя, лицом спокойным, безмятежным и сияющим внутренним блаженством, и едва движущимися конечностями. Перед ним по всему полу были расставлены места для сидения. Люди всех классов издалека и ближних окрестностей приходили и сидели там, чтобы получить даршан Махапуруши. Ученики принимали их на нижнем этаже и со всем смирением проводили к Гуру. Некоторым было специально поручено следить за тем, чтобы никому не причинялись неудобства. Люди приходили, склонялись перед Йогирадждем, как перед Божественным Образом, занимали свои места по своему усмотрению и наслаждались святым присутствием Йогираджда и глубокой тишиной атмосферы. Часы проходили без всякого разговора, без единого звука с какой-либо стороны. Люди молча входили, молча сидели и молча уходили. Но, казалось, в этой глубокой тишине присутствовала такая сладость и очарование, что она привлекала людей снова и снова, день за днем, чтобы вкушать ее и насладиться ею.

Многие мужчины и женщины были благословлены посвящением. Для них были приняты особые меры. Большинство из них были бедны с мирской точки зрения. Богатым людям оказывались подобающие почести, но очень немногие из них были приняты им в ученики. Те, у кого в сердцах было тщеславие богатства, как правило, не находили никакой возможности даже приблизиться к нему. Он производил впечатление человека из бедняков, а бедняки всегда, по крайней мере, внешне, были его особыми любимцами. Его поведение было настолько отрегулировано, что придавало силу и достоинство слабым и бедным, а также демонстрировало, что они не только не уступали богатым и влиятельным людям общества, но во многих отношениях превосходили их в глазах Господа. Кухня и столовая ашрама были открыты для всех гостей, особенно для бедных. Обычно не было известно, сколько человек там будет принимать пищу в течение дня. Поначалу ученики, заведовавшие сектором, были поставлены в некоторые неудобства из-за отсутствия надлежащих оценок. Через несколько дней они стали брать рекомендации по утрам у самого Мастера. Он со своим обычным равнодушием говорил им, что такого-то количества таких-то предметов, вероятно, будет достаточно. Ученики знали, что его вероятность означает

определенность. Впоследствии ничего ни разу не заканчивалось и никогда не пропадало даром. Все прошло гладко.

Это был декабрь 1914 года. Йогираджд пробыл в Калькутте около месяца. Священное празднество продолжалось все это время. Дом, в котором он жил, стал местом паломничества не только религиозно настроенных мужчин и женщин всех общин и рас Калькутты, но и жителей отдаленных уголков Бенгалии.

Хирургическая операция на его глазу стала относительно незначительным делом. Ее успешно выполнил доктор Манард при помощи некоторых других индийских специалистов. Доктор Манард был настолько тронут самим видом Йогираджа, что воскликнул: «Ну, он похож на Иисуса Христа». В течение нескольких дней после операции двери его дома были, согласно указаниям врачей, закрыты для всех посетителей — практически для всех, кроме его личных сопровождающих. Даже в этот запрещенный период некоторые искренние бхакты, приехавшие издалека в короткий отпуск с сильным стремлением к посвящению, были благословлены его милостью. Его физическая готовность и неготовность находились полностью под его контролем, хотя он редко пользовался этой силой, особенно на глазах у других.

Когда врачи признали его пригодным для переезда, он приказал своим помощникам организовать возвращение в Горакхпур. Его невозможно было убедить пойти в дом кого-либо из его учеников или последователей. Убедительные просьбы о короткой поездке в Дакку, мегаполис Восточной Бенгалии, и некоторые другие важные места оказались столь же тщетными. Он никогда не отступал от своего принципа.

Прежде чем он покинул Калькутту, ученики под его руководством совершили церемониальное омовение в Святой Ганге и особое поклонение Кали, Божественной Матери вселенной, в Калигхате, одном из самых священных мест, где Божественная Мать раскрывает себя особым образом.

Здесь, кстати, можно отметить один случай. Ученик, который взял на себя все расходы на поездку и лечение Йогираджа в этом случае, имел искреннее желание стать свидетелем некоторых мистических сил своего Гуру. Однажды он выразил свое желание Гуру. Возможно, в его голове зародилась мысль, что Йогираджд, довольный его служением, любезно исполнит его молитву. Йогираджд со свойственным ему спокойствием рассказал ему историю о Горакхнатхе, Мастере и Наставнике его самого и всех йогоинов. В то время как Горакхнатх был глубоко погружен в тапасью (аскезу) и высшую йогогическую практику, молочник ежедневно в назначенное время снабжал его паясаной (рисом, сваренным в молоке), чтобы поддерживать его тело в форме для садханы в течение полных двенадцати лет. Когда этот курс дисциплины был закончен, Йогигуру Горакхнатх выразил удовлетворение услугами молочника и даровал ему благословения. Молочник почувствовал любопытство увидеть некоторые йогогические способности сверхчеловеческого святого в качестве награды за свои труды. Горакхнатха джи сразу же вырвало всем молоком и рисом, которые он принимал от молочника за эти двенадцать лет. Таким образом, он научил преданного молочника, а через него и всех бхакт мира, что нельзя просить или ожидать никакого материального вознаграждения в обмен на услуги, оказанные Гуру или какому-либо святому. Служение, чтобы оно были приемлемо для святых, должно исходить из истинного духа поклонения и самоотверженности без какого-либо желания или надежды на отдачу в какой-либо форме. И не только это. Истинный ученик или истинный севака никогда не должен лелеять в

каком-либо уголке своего сознания идею, веру или чувство, что он, в силу его чистосердечного подчинения всем наставлениям или инструкциям Гуру или его искреннего или щедрого посвящения всех своих денег и энергии на служение Гуру, может предъявлять какие-либо особые претензии на личную привязанность Гуру или на особо благосклонное обращение с его стороны. Такая идея, чувство или вера во многом лишили бы его духовной ценности истинного ученичества и истинного служения. Послушание и служение сами по себе были наградой, и они делали тело и разум пригодными для озарения Божественным Светом. Они не должны быть осквернены никаким видом эгоизма, тщеславия, мирских желаний или праздного любопытства.

Ученик принял урок всем сердцем, положил голову к ногам Учителя и со слезами на глазах просил у него прощения за любое чувство тщеславия, эгоистичного желания или неоправданные притязания, которые таились в его уме. Йогирадж, конечно же, нисколько не обиделся на его поведение. Он помиловал его до того, как о помиловании попросили. В этой связи он лишь преподавал своему ученику ценный урок.

Но так же, как Горакхнатх, дав своему скромному и преданному слуге хороший урок истинного служения, удовлетворил любопытство последнего также чудесным актом рвоты всем молоком и всем рисом, собранными в течение двенадцати лет, последователь Горакхнатха Баба Гамбхирнатх также удовлетворил молитву своего ученика в своеобразной и едва заметной манере. Его ученики, старые и новые, а также другие последователи, которые приходили к нему на даршан и пранам, обычно предлагали к его ногам монеты, сладости, фрукты и т.д. в качестве смиренных знаков своего уважения и почтения (пранами). Эти предметы использовались для раздачи прасада (буквально «дар или благословение», обычно означает предметы, которые сначала предлагались Божеству, а затем раздавались в качестве его благословения среди бхакт) среди всех собравшихся там людей. Но деньги, полученные наличными, хранились отдельно у какого-то ученика, ответственного за счета. Когда накануне возвращения были сведены счета, к всеобщему изумлению, выяснилось, что деньги, полученные от учеников, последователей и посетителей в Калькутте, были в точности эквивалентны сумме, потраченной на покрытие всех расходов, связанных с путешествием Гуруджи в Калькутту и пребыванием в ней. Тем, кто знал об этом инциденте, казалось, что это была небольшая демонстрация йогической силы, которую Йогирадж снизошел явить для удовлетворения скромного любопытства своего ученика и мягко отчитал его. Когда мешок с деньгами был поставлен перед Йогираджем, он в своем обычном беззаботном настроении попросил учеников отложить его для присутствия группы на Кумбхамеле, которая должна была состояться в Харидваре в следующий месяц Чаитра (март-апрель).

Проведя около двух месяцев в Горакхпуре, Йогирадж в сопровождении садху Матха отправился в Харидвар, чтобы принять участие в величайшем индийском религиозном конгрессе святых и благочестивых людей на Кумбхамеле. Многие из учеников, которые разъехались по своим домам или местам работы присоединились к компании. Они, естественно, считали это исключительной возможностью в жизни совершить паломничество на такое святое собрание в святое место в компании с самым святым человеком, которого они когда-либо видели. Йогирадж принял участие в Богослужении в Горакхнатх Матхе в Харидваре среди садху традиции. Среди его учеников некоторые жили в арендованном доме, а другие оставались с ним в качестве его постоянных севаков. Они получили возможность увидеть повелителя своих сердец при различных обстоятельствах, как во время путешествия, так и на величайшем собрании. Больше всего их поразило то, что все эти внешние перемены не могли произвести ни малейшего изменения в

образе его действий, в общей манере его поведения, во внешних выражениях его лица и конечностей, в сверхъестественном спокойствии, безмятежности и умиротворенности его тела, чувств и ума, а также в непрестанной непрерывности его медитации на неизменную бесконечность и наслаждении совершенным блаженством. Они, казалось, стали глубже осознавать уникальное духовное величие своего Учителя, когда обнаружили, какое исключительное положение он занимал в этом собрании святейших людей Индостана и какое глубокое уважение к нему имели садху всех религиозных учений, и особенно те, чье сознание было достаточно утонченным и просвещенным, чтобы находиться в сообщении с своим внутренним сознанием. Приходили святые люди разных религиозных школ, а также благочестивые паломники, ищущие истину, ежедневно в большом количестве, чтобы воздать ему должное и получить его благословения. Он молча принимал и благословлял их всех. Он излучал духовность со своего места во всю атмосферу. Для него не было разницы между традициями, общинами, аскетами и домохозяевами, мужчинами и женщинами. Он был воплощением любви и милосердия ко всем людям. Он видел один и тот же Дух во всех, и само это видение было великой силой, пробуждающей в них Дух. Он едва сдвигался со своего места.

Однажды произошла досадная ссора между двумя могущественными пантхами Натха-сампрадаи из-за их претензий по некоторым вопросам. Подобные ссоры, приводящие иногда даже к разбитию голов и ушибам конечностей, хотя и очень редки, время от времени происходят среди так называемых садху, которые не тренируют серьезно и систематически тело и ум для достижения цели, ради которой они покинули дом и общество, и которые, хотя и освобождены от нормальных домашних и социальных обязанностей, позволяют себе в жизни саньяси быть рабами страстей, предрассудков и сектантского фанатизма. Йогирадх, хотя и присутствовал среди них, был абсолютно невозмутим. Шумные выражения ярости с обеих сторон и даже обмен ударами и перебранка словами со стороны самых буйных элементов не могли сбить его с духовной высоты или создать какую-либо рябь в безмятежном течении его медитации. Хотя обе стороны верили в него и почитали его, он не стал бы вмешиваться по своей воле в таких случаях даже ради восстановления мира и согласия. Он позволял неблагоприятным происшествиям продолжаться и исчерпать себя и видел в них нетронутый Божественный порядок. Только когда стороны обращались к нему с апелляцией, он, казалось, осознавал происходящее, и тогда он со своим спокойствием и равнодушием, совершенно ненарушенным, в нескольких словах выносил свое суждение и указывал благородный путь к справедливости, праведности, примирению и святому поведению. Не дожидаясь результатов своих слов, он снова погружался в глубокую медитацию. В данном случае он также вел себя как обычно. Но атмосфера в монастыре еще несколько дней оставалась накаленной, взволнованной и тревожной.

После этого случая его ученики настояли на том, чтобы он предоставил ашрам садху, чтобы они самостоятельно улаживали свои ссоры, и любезно позволили им отвезти его в тихий съемный дом, где они могли бы наслаждаться его обществом совершенно свободно и без каких-либо помех. Он с улыбкой дал им разрешение и пошел с ними в уютный дом неподалеку. Время от времени он просил своих учеников обойти Мелу и получить даршан святых. Он предостерег их от того, чтобы они посчитали хулиганство, свидетелями которого они стали, отражением общего характера садху и истинной жизнью великого собрания. Подобные инциденты, по его словам, являются исключительными и о них следует забыть. Далее он наставлял их не приближаться к святым с какими-либо мотивами или ожиданиями, не желать увидеть что-либо чудесное в их

поведении, не сравнивать и не противопоставлять жизнь или духовную силу одного святого с жизнью или духовной силой другого, не смотреть свысока на любого, чье внешнее поведение может не соответствовать их представлениям, и не давать преувеличенной оценки любому, в ком они могут найти признаки необычайной аскезы, умерщвления плоти или проявления чудотворных оккультных сил. Он учил их видеть один и тот же Высший Дух (Параматму) во всех святых и склоняться перед ними, рассматривая их под этим углом зрения. Хотя внешне они отличались друг от друга и не согласовывались друг с другом в одежде и манерах, в образе жизни и формах религиозной дисциплины, в догмах, верованиях и идеологиях, в моральных, интеллектуальных и духовных достижениях и утонченностях, Йогирадж просил своих учеников всегда помнить, что все эти садху отrekliсь от мирских перспектив и наслаждений и приняли определенные курсы физической, умственной и религиозной дисциплины ради одного и того же высшего духовного идеала, для достижения того же окончательного освобождения от мира и реализации единства с Божественным. Все они представляли или символизировали Духовный Идеал человечества. Каждого из них следует уважать как воплощение одного из многообразных самовыражений этого Высшего Идеала. Кумбхамела, периодически проводимая в четырех наиболее важных религиозных центрах Бхаратварши, является живой и трогательной выставкой вечного и универсального духовного идеала человечества, а также разнообразных каналов и различных степеней его реализации. Она показывала, в чем заключается настоящая жизнеспособность и слава Бхаратварши и какой великолепный вклад в мировую культуру она вносила с незапамятных времен и продолжает это делать сквозь вечность. Кумбхамела также демонстрирует, насколько бесчисленны и разнообразны были пути духовной самореализации, как все различия путей исчезали в тех жизнях, в которых цель была достигнута, как приверженцы различных систем религиозной культуры с различными вероисповеданиями и практиками могли жить вместе в совершенном мире и гармонии и обнимать друг друга в совершенном дружелюбии и взаимном почтении, как различия могли игнорироваться как незначительные ввиду тождественности имманентного Идеала и чувство единства могло бы проникнуть во все сознание. Эти уроки, как мягко заметил Йогирадж, должны быть усвоены всеми ищущими истину паломниками из этого великолепного собрания садху. Это был давний блестящий пример гармонии вероисповеданий, к которой стремился наш век и в которой так остро нуждался.

Согласно указаниям Гуру, ученики наносили визиты и выражали почтение садху всех различных орденов и традиций, пытались увидеть и почитать их в свете, полученном от него. Йогирадж, несмотря на свое глубокое молчание и глубоко медитативное настроение, казалось, использовал любую возможность, чтобы очистить и просветить мировоззрение своих учеников и людей, ищущих истину в целом. Прогрессивная утонченность и просветление мировоззрения, казалось, согласно его учению, были сутью духовного прогресса, который достиг своей высшей стадии, когда все вещи, как живые, так и неживые, и все явления, как природные, так и человеческие, рассматривались и практически переживались как возвышенное и прекрасное самовыражение вечно чистого, доброго и блаженного Высшего Духа.

Ученикам было предписано совершить омовение в священной Ганге в назначенное время в соответствии с предписаниями шастр. Но им было указано, что они должны стараться искренне и серьезно следовать духу шастр, которые были признаны авторитетными в их сообществе, а не их конкретным высказываниям или заявлениям, вырванным из контекста или не связанным с духом. Например, Брахма Кунда (определенная часть Ганги в Харидваре) описывалась как обладающая

особой святостью, а омовения в ней в определенное время как обладающие особыми достоинствами. Было обнаружено, что бесчисленное количество людей, пытавшихся одновременно искупаться в этом конкретном месте, составили борющуюся и сражающуюся толпу, и что многие люди погибли в рукопашной схватке. Может ли в этом заключаться намерение шастр, согласно которому благочестивые люди должны сражаться и убивать друг друга в жесткой конкуренции за приобретение высших духовных заслуг? Могли ли люди сосредоточить свое внимание на истинном Духовном Идеале и сохранить свой ум чистым и спокойным, когда так тяжела была борьба за само существование в толпе? Могут ли быть истинные духовные достоинства в омовении или каком-либо другом ритуале, при котором психическое состояние непосредственно до и после них было каким угодно, только не духовным? Йогираджд велел своим ученикам не вступать в борьбу, а совершать омовение в Ганге на любом гхате, то есть в любой ее части, где они могли бы совершить его с истинным благоговением, с ненарушенной чистотой и спокойствием, сосредоточив свой ум на Высшем Духовном Источнике и поддерживающей Матери Ганге и предложив его ей. Ученики поступили соответственно. Сам Йогираджд не мог пойти на гхат из-за физической слабости. Но он проявил уважение к религиозной практике, окропив свою голову водой, принесенной ему учениками. Он всегда жил в плане сознания, который был выше всех достоинств и недостатков. Но он всегда проявлял должное уважение к предписаниям шастр.

Проведя около месяца в Харидваре, Йогираджд вернулся в Горахпур. Среди его учеников некоторые сопровождали его, некоторые отправились прямо по своим делам, а некоторые по тем или иным причинам задержались в Харидваре на несколько дней.

Во время следующих праздников, посвященных Дурга Пудже, в октябре 1915 года в храме Горахнатха снова собралось большое собрание садху и учеников. Многие новые религиозные искатели были посвящены на путь духовности. Однажды врач, находившийся на государственной службе, приехал из самого дальнего уголка района Гархвал, чтобы получить от него посвящение, и уехал в тот же день, получив благословение его милостью. Наваратра-утсав праздновался в ашраме с обычными обрядами и формальностями. В день Виджаи Йогираджд поехал верхом на своем любимом слоне в Мансар, бросая по обе стороны дороги медные монеты, которые с большим удовольствием подбирали бедные мальчики и девочки, присоединившиеся к сопровождавшей его процессии садху и бхактов. Этот радостный обычай был установлен в ашраме. Рам-лила была разыграна на площади неподалеку, и на ней присутствовал Йогираджд со своими учениками. На следующий день новолуния (Амавасья) праздновался Дипали-утсав (фестиваль огней), и Йогираджд с радостью поддержал его.

В предыдущей главе мы отметили, как он поощрял и присоединялся к популярным формам поклонения, народным религиозным праздникам и весельям, а также объяснял своим ученикам их социальное, национальное и духовное значение. В своем поведении по отношению к ученикам, а также к другим людям, пришедшим к нему на даршан и пранам, в последние годы своей земной жизни он, казалось, становился все более и более материнским, хотя в его серьезности, спокойствии и потоке медитации не происходило никаких изменений. Все они глубоко чувствовали его любовь и привязанность, его материнское внимание к их нуждам и жалобам, мягкость его сочувствия к их слабостям и немощам. Беды и трудности, переживаемые учениками, живущими в отдаленных местах, казалось, отражались на его сознании. Несколько раз было обнаружено, что Йогираджд внезапно выходил из медитации и с некоторой долей беспокойства говорил и расспрашивал о том или ином ученике; сопровождавшие его люди были

застигнуты врасплох; впоследствии становилось известно, что ученик, о котором Гуруджи проявлял такое беспокойство, как раз в это время страдал тем или иным сильным заболеванием тела или ума и избавился от него каким-то неожиданным, необъяснимым или таинственным способом. Такие случаи подтверждали и укрепляли в сознании учеников веру в то, что даже когда они, очевидно, находились на расстоянии от Гуру, он не терял их из виду, что его бдительные глаза и защищающие руки всегда были с ними, что он всегда был рядом и помогал им во времена опасностей и трудностей. Они учились все больше и больше освобождать свой ум от забот и тревог мира, с верой, основываясь на опыте, что Всемогущий и Всезнающий Гуру, как бы глубоко он ни был поглощен наслаждением Высшим Блаженством внутри себя, не забывал о них, что его духовная сила всегда будет побеждать враждебные мирские силы ради их блага и что его любящее сердце обязательно устроит то, что лучше для них в этом мире. Вера в любовь Гуру к ним и переживание ее проявлений в их практической жизни усилили интенсивность их любви и преданности ему, а также идеалу жизни, который он представил им. Эта любовь к личности Гуру была огромным духовным активом в жизни многих учеников. Эта любовь – и только она – освободила некоторых его учеников от их мирских уз и действовала как живая сила, формирующая их жизнь в соответствии с Идеалом, установленным Гуру.

Летом Йогирадх ходил в деревни и находился среди бедных и угнетенных людей на территории храма Горакхнатха. Среди них он был воплощением милосердия. Он активно сочувствовал их желаниям и страданиям и давал им как можно больше облегчения, конечно, не применяя своих мистических способностей. Они чувствовали, что этот богоподобный человек, совершенно равнодушный ко всем мирским заботам и внутренне единый с Высшим Божеством, имел мягкое сердце, полное любви и сочувствия к ним. Что касается печалей и трудностей, в которых они не получили от него реального облегчения, они находили утешение в мысли, что пожинают плоды своих прошлых злодеяний, искупая грехи своих прежних жизней и постепенно очищаясь через эти страдания, и что даже сам Бог со всей своей любовью и сочувствием к ним и со своей бесконечной силой и славой не мог нарушить закон кармы и даровать им счастье в то время. Присутствие Йогирадха перед ними вселяло в них надежду на светлое будущее и окончательное избавление от всех печалей и оков. Их воодушевляло сознание того, что у них есть место в сердце этого Богочеловека.

Праздники Дурга Пуджи 1916 года также прошли обычным образом. Ученики наслаждались его обществом и духовно также приближались к нему. Их численность также постепенно увеличивалась. Осень прошла, уступая место зиме. У Йогирадха случился приступ астмы, сопровождавшийся лихорадкой. Внешне он был болен, а внутренне он превзошел свое телесное сознание и наслаждался блаженством своей духовной природы. Его сопровождающим казалось, что он медленно прощается с внешним миром. От лекарств он не отказывался, но это приносило лишь временное облегчение и не давало постоянного эффекта. Один из его любимых учеников и постоянных помощников однажды взял на себя смелость сказать ему: «Баба (Отец), почему Вы из милости к нам не хотите вылечиться? Мы знаем, что Ваше здоровье и болезнь, жизнь и смерть находятся в Ваших руках. Все зависит от Вашей собственной воли. Пожалуйста, проявите немного свою волю ради нас». Йогирадх спокойно ответил: «Должна ли моя воля восстать против воли Господа?» Им стало почти ясно, что, возможно, воля Господа, а значит, и его воля, заключалась в том, чтобы поскорее положить конец его земному существованию. Когда они уже думали дать информацию ученикам в разных местах, с ним неожиданно стало все в порядке. Их опасения

рассеялись. Возможно, ему не нравилось, что ученикам пришлось бы совершить трудное путешествие в Горакхпур и собраться в большом количестве в ашраме.

Брахмачари Джаджнешвар и Бабу Барада Канта Басу, которым после Браhmачари Калинатха выпала исключительная удача оказывать личное служение Гуру в течение довольно длительного периода времени, были с ним и посвятили всю свою энергию тому, чтобы обеспечить ему физические удобства и вернуть его к нормальному состоянию здоровья. Баба Браhманатх, хотя и занимался непростой задачей по проведению ритуальной пуджи в Храме, все свое внимание сосредоточил на нем. Шриман Нану Сингх, который был кем-то передан на попечение Йогираджа в раннем детстве и воспитывался как его приемный ребенок и в то время был всего лишь мальчиком, учащимся в местной средней английской школе, также был рядом с ним и помогал остальным в их служении настолько, насколько мог. Здесь можно отметить, что этот воспитанник Йогираджа, получив современное светское образование и нравственное воспитание под его опекой в ашраме, оказал большую услугу Бабе Браhманатху, заняв должность Маханта после смерти старого Маханта Бабы Сундернатха, и что он сам стал Канпхат-Йогином со новым именем Дигбиджойнатх и сменил Бабу Браhманатха после его смерти на посту главы монастыря, который он занимает до сих пор. Сейчас он является президентом Всеиндийской организации Натха-Йога Сампрадаи, которую он пытается развивать в различных направлениях.

Садху Сантинатх, первый бенгальский ученик Йогираджа, которого он посвятил на Путь абсолютного отречения и глубокой медитации и который тогда под его руководством занимался постоянной садханой в Хришикеше, с его разрешения был вызван в Горакхпур телеграммой. Он также посвятил себя служению Гуру. Йогирадх не позволял своим севакам доставлять какие-либо неприятности его ученикам-мирянам, страдающим под бременем мира. Возможно, именно из глубокой сочувствия к ним он сделал вид, что поправляется. Но все же некоторые люди пришли на даршан.

Ранней весной 1917 года он отправился в Йоги-Чоук, где обычно посещал и поклонялся святилищу Шивы по случаю Шиваратри. Физически он был слаб, но в остальном выглядел хорошо. Когда кто-нибудь спрашивал его, как дела, он неизменно отвечал со свойственным ему спокойствием: «Все в порядке». Однако поток его медитации, казалось, становился все более и более глубоким. То малое внимание, которое он привык уделять внешним делам, казалось, постепенно терялось. Он становился все более равнодушным даже к руководству ашрамом. Все это указывало на то, что, конечно, не нравилось окружающим его людям. Они предчувствовали разлуку с ним.

Его бенгальские ученики выразили желание отвезти его в Калькутту для систематического лечения, а также для хирургической операции по поводу катаракты на другом глазу. Находясь всегда в надмирском плане сознания, он иногда соглашался, а иногда нет, в рассеянной манере. Служители были в замешательстве. Они не могли понять его намерений. Однажды уже почти было решено, что он поедет в Калькутту. Был даже арендован дом. Но программа внезапно изменилась. Йогирадх выразил желание отправиться в мофуссил (провинциальный или сельский район). Он не уточнил, какой мофуссил он имел в виду.

Служители поняли, что это означает какую-то сельскую местность в пределах Земиндари Горакхнатха. Когда они умоляли его о поездке в Калькутту, он серьезно отвечал, что мофуссил — прохладное место, спокойное и безлюдное, там не будет никаких беспорядков, все окрестности будут милыми и приятными, и его здоровье там полностью восстановится. Те, кто пришел

поспорить, вынуждены были замолчать. Ничего для них не было более желанного, чем восстановление его здоровья. Однако они не могли себе представить, что область, которую Йогираджд подразумевал под термином мофуссил, была областью абсолютного мира и блаженства, где он мог бы быть совершенно самим собой, свободным от всех видов болезней и беспокойств, всех форм рабства и ограничений.

Йогираджд послал за пандитом ашрама. Пандит джи пришел. Его попросили свериться с панджикой (альманахом) и узнать благоприятный день и благоприятное время для отъезда из ашрама. Из уважения к индуистским традициям Йогираджд обычно сверялся с панджикой. Поэтому в таком поведении с его стороны не было замечено ничего необычного. Никому не приходило в голову, что он назначал дату и время своего окончательного ухода из мира. Пандит обнаружил, что Мадху Кришна Трайодаши (тринадцатый лунный день темной половины месяца Чаитра), приходящийся на 8-ю Чаитру индуистского солнечного года (1323 г. В.С.) и 21 марта христианского года (1917 г.), был очень благоприятный день. Этот день считался особенно священным для всех хинду, и церемониальное омовение в Ганге в этот день, день Маха Баруни, считалось источником великих религиозных заслуг. 9.15 утра того дня считалось особенно благоприятным моментом для фатры (отъезда). Йогираджд выразил свое одобрение суждению пандита. Служители начали готовиться к его поездке в мофуссил, чтобы не подвергать его хрупкое здоровье никаким нагрузкам. У них не было ни малейшего подозрения, что Йогираджд выбрал конкретный момент конкретного дня для своего возвращения к конечному Источнику своего существа и что их приготовления для этого путешествия были совершенно бесполезны.

Накануне упомянутого благоприятного дня у Йогираджда случился новый приступ астмы и небольшой приступ лихорадки. Служители забеспокоились. Они хотели отменить то, что запланировали для его путешествия. Йогираджд запретил это. В конце ночи он, как обычно, сидел на своей кровати в йогической позе и погружался в глубочайшую медитацию. Он не вернулся к мирскому сознанию. Как раз в 9.15 утра благоприятного дня, назначенного для его отъезда, из физического тела исчезли все признаки жизни. Его индивидуальное существование окончательно слилось с Вселенским Существованием-Сознанием-Блаженством (Сат-Чит-Ананда). Он стал полностью отождествлен с Божественным.

Физическое тело, которое так долго представляло его как личность, теперь было торжественно помещено в той же позе сидя в глубокую яму, вырытую на видном месте перед ашрамом. Мать-Земля приняла и обняла его священное тело, тело, которое на протяжении стольких лет несло в себе совершенно Благочестивую жизнь, которое на протяжении двух поколений представляло человеческому обществу живой образ союза Человечности и Божественности, Индивидуальности и Универсальности мирского физического существования и надземного духовного.

Его преданные ученики построили на этом месте каменный храм и установили внутри него мраморную статую, где было организовано регулярное поклонение его бессмертному Духу.